

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета

Основан в 2010 году

№ 3 / 2024

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN (Online) 2949-5032

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University

Founded in 2010

№ 3 / 2024

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Российский социально-гуманитарный журнал

основан в 2010 году (до сентября 2023 года журнал назывался "Вестник Московского государственного областного университета").

Учредитель: Государственный университет просвещения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-85734.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. – д.псх.н., доц., профессор, Государственный университет просвещения;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А.В. – д.пол.н., доц., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф., Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С.Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Ширина А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псих.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псих.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псих.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010. (The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: Federal State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

SHirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Ol'ga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Ol'ga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Triava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvata);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

*Абрамов Андрей Вячеславович, Капицын Владимир Михайлович,
Кокурина Ольга Юрьевна, Полулях Даниил Сергеевич, Сунь Чжици*
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ
В РОССИИ 8

Алаудинов Апты Аронович
ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
«ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» 43

Афонин Дмитрий Владимирович
КАТЕГОРИЯ И УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ. 57

Кнышова Анастасия Юрьевна
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА КАЗАХСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XIX ВВ.
НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БУХАРА-ЖЫРАУ 69

Комлева Наталья Александровна
ПРИЧИНЫ ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА 85

Петрова Юлия Владимировна
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЬЮ
ГРАЖДАНСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ В СОВЕТСКОЕ
И РОССИЙСКОЕ ВРЕМЯ: ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ 108

Саркисов Вартан Эрнестович
УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КОММУНИКАЦИЯМИ.
ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕКЛАМНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ 129

Цыбряева Марина Васильевна
РОЛЬ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОПРОСАХ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ. 159

ПСИХОЛОГИЯ

Прокопенко Николай Михайлович, Камышева Лилия Александровна
 ПОДРОСТКОВЫЙ ЭСКАПИЗМ: ОТ НИГИЛИЗМА И МЕЧТАТЕЛЕЙ
 ДО ХОББИХОРСИНГА И КВАДРОБЕРОВ. 172

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисова Инна Владимировна
 ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
 ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР 188

Гусева Алла Ефимовна, Прокофьева Ольга Владимировна
 КОМПЬЮТЕРНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ
 В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 207

Лукьянова Валентина Сергеевна
 ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
 В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ 222

Плаксин Владимир Аркадьевич
 ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕТАФОРИЗАЦИИ
 «ЗАКАТА ЕВРОПЫ» 236

Ушакова Ирина Богдановна
 ОБРАЗ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ
 СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА . . 252

POLITICS

Andrei V. Abramov, Vladimir M. Kapitsyn, Olga Y. Kokurina, Daniil S. Polulyakh, Sun Zhiqi

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL COMPARATIVISM IN RUSSIA..... 8

Apty A. Alaudinov

HYBRID WARS WITH THE USE OF “COLOR REVOLUTIONS” 43

Dmitriy V. Afonin

CATEGORY AND LEVELS OF POLITICAL PROCESS:

ANALYSIS OF APPROACHES TO DEFINITION 57

Anastasia Yu. Knyshova

NATIONAL DISCOURSE FORMATION IN KAZAKHSTAN

IN THE SECOND HALF OF THE 15TH – BEGINNING

OF THE 19TH CENTURIES BY THE EXAMPLE OF THE WORKS

OF BUKHAR-ZHYRAU 57

Natalia A. Komleva

REASONS FOR THE DEGRADATION OF POLITICAL ELITES

IN THE MODERN WEST..... 85

Luliia V. Petrova

ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE CIVIL AIRCRAFT INDUSTRY

MANAGEMENT IN SOVIET AND RUSSIAN TIMES 108

Vartan E. Sarkisov

POLITICAL COMMUNICATION MANAGEMENT. PRACTICAL ASPECTS

OF ADVERTISING POLITICAL COMMUNICATION MANAGEMENT 129

Marina V. Tsybriaeva

THE ROLE OF POLITICAL SCIENCE EDUCATION IN ENSURING

RUSSIA’S NATIONAL INTERESTS..... 159

PSYCHOLOGY

Nikolai M. Prokopenko, Liliya A. Kamysheva

TEENAGE ESCAPISM: FROM NIHILISM AND DREAMERS

TO HOBBYHORSEING AND QUADROBICS 172

LINGUISTICS

Inna V. Borisova

CHOOSING TRANSLATION TECHNIQUES FOR VIDEO GAMES

LOCALIZATION 188

Alla E. Guseva, Olga V. Prokofyeva

COMPUTER CONTENT ANALYSIS IN LINGUISTIC AND CULTURAL

STUDIES..... 207

Valentina S. Lukyanova

ONTOLOGICAL COMPONENT IN TRANSLATION STUDIES 234

Vladimir A. Plaksin

LEXICAL AND SEMANTIC MEANS OF METAPHORIZING

THE "DECLINE OF EUROPE" 236

Irina B. Ushakova

THE IMAGE OF THE FAR EAST IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN

STUDENTS: RESULTS OF AN ASSOCIATIVE EXPERIMENT 252

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИИ

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Капицын Владимир Михайлович

- e-mail: kapizin@yandex.ru;
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Кокурина Ольга Юрьевна

- e-mail: kokurina@polit.msu.ru;
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Полулях Даниил Сергеевич

- e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru;
кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Сунь Чжици

- e-mail: zhiqi777@mail.ru;
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Актуальные вопросы политической компаративистики в России / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Полулях, Сунь Чжици // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.06.2024
- Статья размещена на сайте 23.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Вступительное слово \(А. В. Абрамов\)](#)

[Событийный анализ в сравнительных исследованиях \(В. М. Капицын\)](#)

[Российские учебники по сравнительной политологии: достоинства и недостатки \(А. В. Абрамов\)](#)

[Ценностные основания российской наградной системы: сравнительный анализ исторических трансформаций \(О. Ю. Кокурина\)](#)

[Новые идеологические тренды: сравнительный анализ современного российского и западного политологического дискурса \(Д. С. Полулях\)](#)

[Стратегия балансирования АСЕАН в условиях противостояния США и Китая: оценки компаративистов \(Сунь Чжици\)](#)

[Заключительное слово \(А. В. Абрамов\)](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить дискуссионные проблемы современной сравнительной политологии и презентовать научному сообществу мини-исследования по некоторым из дискуссионных вопросов политической компаративистики.

Процедура и методы. В ходе круглого стола, состоявшегося в Московском университете при поддержке Российского социально-гуманитарного журнала, были обсуждены актуальные вопросы сравнительной

политологии: возможность и перспективы применения ивент-анализа в сравнительных исследованиях; оценка состояния отечественной компаративистики через призму содержания учебных пособий по дисциплине; сравнительно-исторический анализ российской наградной системы; сопоставление отечественного и зарубежного научного дискурса об идеологиях и состоянии международных отношений.

Результаты. Установлено, что тематика и проблематика современных сравнительных исследований, их дуализм и противоречивость обусловлены во многом современным состоянием международных отношений: трансформацией однополярного мира в многополярный. Незавершённость данного процесса, его сложный и противоречивый характер приводят к тому, что традиционный научный инструментарий оказывается не всегда пригоден для исследований современных явлений и процессов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть интересны учёным-политологам, специализирующимся в области политической компаративистики, теории и методологии, исследовании международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сравнительная политология, компаративные исследования, ивент-анализ, дискурс-анализ, учебник по политологии, наградная система, современные идеологии, АСЕАН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Российской политической науке в 2024 г. исполняется 35 лет. Это довольно юный возраст. Официально датой рождения политологии может считаться 1989 г., когда Высшая Аттестационная комиссия СССР приняла решение о разрешении защиты кандидатских и докторских диссертаций по политическим наукам. Одновременно с этим произошло включение политологии в учебные планы вузов и началась подготовка специалистов-политологов в ведущих вузах страны.

Политическая компаративистика, или сравнительная политология – субдисциплина политической науки – ещё моложе. Попытаться установить дату её рождения в нашей стране – предмет отдельного исследования. Пока же заметим, что,

несмотря на определённые достижения, которых добились отечественные политические компаративисты, у отрасли имеются и многочисленные проблемы. Особенно «подсветила» эти проблемы современная геополитическая турбулентность, решительным образом поменявшая устоявшиеся представления о политических (прежде всего международных) явлениях и процессах, о «своих» и «чужих» в мировой политике.

Всё это заставляет начать пересмотр, требует провести некоторую ревизию того, что сделано на ниве политической компаративистики в России. Сегодняшний разговор – одна из первых попыток обратиться к изучению важнейших вопросов компаративистики в новых геополитических условиях. Сконцентрируем своё внимание на нескольких сюжетах: 1) вопросах методологии и истории дисциплины; 2) сравнительном исследовании ценностей и современных идеологий; 3) противоречиях современного многополярного мира в оценках современных политических компаративистов.

СОБЫТИЙНЫЙ АНАЛИЗ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Капицын В. М.

Одним из важнейших вопросов методологии выступает выявление значения событийного анализа, включая ивент-анализ, для сравнительной политологии, соединяющей нормативное сравнение с эмпирическим. Характеристики нескольких реальных объектов сопоставляются с образцом, или изменение объекта рассматривается в одном национальном пространстве, т. е. анализ приобретает синхронный или диахронный характер, а может и соединять оба эти «сечения», что порождает эффект «объёмного» сравнения и квазиэксперимента. Эксперименты в политическом исследовании ограничены из-за гуманитарных рисков. Г. С. Малер объясняет эти риски: «Мы задаём вопросы чрезвычайно широкого масштаба и обычно не можем контролировать среду, в которой работаем» [44, р. 6].

Но сравнение через событийный анализ, в частности ивент-анализ, позволяет ставить квазиэксперимент (изучение парламентов по отчётам и «живых» конституций по решениям конституционных судов). Это объясняет поиск выхода из кризиса сравнительной политологии в обращении к событийному знанию [26, с. 127]. Ивент-анализ «выдаёт» систематизированное

и формализованное сравнение действий акторов на определённой шкале.

К ограничениям сравнительного анализа компаративисты относят «размытость» предмета при исследовании макропроцессов [30]. Это затрудняет перевод события в объект измерения и снижает доказательность. Ивент-анализ нивелирует такие ограничения, соединяя эмпирику и теорию (наблюдение и анализ). При этом доступны варианты без углубления в математические представления временных рядов, когда ивент-анализ присутствует неявно в «мягком» (интерпретативном) сравнительном анализе (интерактивный политический процесс, дискурс-анализ) [26, с. 128]. Политологи строят событийные ряды, «накапливая» факты («ненаправленный анализ»), составляя «каталоги» («архивы»), определяя признаки для включения в каталог, что требует классификации [25, с. 320]. При этом обнаруживаются циклические («спиралевидные», «волновые») изменения объектов с повторением некоторых процессуальных свойств в новых событиях. Так, сравниваются события Версальского мира с происходящим в 2010–2020 гг. («Версаль возвращается»).

Можно привести примеры «мягких» вариантов событийного анализа [3; 18; 24]. В строгих вариантах ивент-анализ включает формализованную систему эмпирических процедур (нормативные модели, подход «сверху») [22, с. 498], в том числе с привязкой к математическим моделям (регрессия Пуассона, отрицательная биномиальная регрессия и т. д.) [39]. Применяются игровые модели, например, выявление «знаковой динамики» массовых настроений вкладчиков банков или избирателей.

В ивент-анализе выявляемые ряды событий кодируются в виде переменных и визуализируются в графиках или таблицах. Ивент-анализ широко используется, например, в политэкономии, где анализ событий привязан к рыночной динамике, когда проверяется связь между экономическим кризисом и трансформацией политического режима. В политической социологии и политической истории применяется ивент-исторический анализ (Event History Analysis).

Для событийного анализа необходимы каталоги: на их основе вырастает база данных из официальных статистических данных, архивов, документов учреждений, научных публикаций, справочников, данных СМИ. А. Лейпхарт создал один из лучших архивов по выборам (350 выборов в 26 странах). Дру-

гой пример – база исследования санкций Запада против России в период COVID-19 (И. Тимофеев, 2020–2022, РСМД). На факультете МГУ имени М. В. Ломоносова создана база данных о таком явлении, как русофобия. В инициативных исследованиях этатогенеза атлантических колониальных империй применяется ивент-исторический анализ, требующий собственной базы, создаваемой на основе проработки исторических документов (законов, папских булл, хроник) и научных источников (статей, монографий, учебников). Интересно также использование СМИ, размещающих ежедневные официальные данные. Так, ежедневные рассылки Die Zeit (ФРГ) с данными о состоянии энергетики показывают изменение вклада разных энергоносителей в производство электроэнергии в ФРГ. На их основе выстраиваются временные ряды и графики, иллюстрирующие постоянные перепады вклада «зелёных» источников: то рост, то провалы «ветрового» сегмента, что при выпадении газовой генерации требует постоянных крупных резервов угля и мазута.

База формируется при определении единицы анализа (наблюдения) [25, с. 329] – политических акторов и их актов (действий), взаимодействий акторов. В ивент-анализе единица наблюдения имеет особое значение, поскольку база должна давать детальную информацию о событиях вплоть до возможности ежедневной их фиксации. Параллельно с этим проводится работа по разъяснению понятий. Например, в исследовании И. Тимофеева санкции – это комплекс ограничительных мер, которые страна-инициатор (группа стран) применяет против страны-цели (группы стран, отдельных физических лиц и организаций), чтобы изменить политику страны-цели. Конкретизация ограничительных мер позволяет детализировать санкции и последствия.

В исследовании о зарождении атлантических колониальных империй уточняется понятие «этатогенез» на примере Португалии (римский, свевский, вестготский, военный этатогенез, зарождение имперских признаков). В качестве единицы ивент-анализа рассматриваются ряды событий – актов (принятие закона, завоевание, восстание, сражение, новое оружие), способствующих становлению колониальной империи.

Следующий шаг – кодировка данных. Для кодировки в исследовании санкций выделяются: страна (организация) – инициатор события; ведомство – непосредственный источник событий; страна-цель или функциональная тема (например, пра-

ва человека, нераспространение, терроризм и др.), к которой относится событие (таких стран или проблем может быть несколько); проблема, являющаяся поводом для введения санкций; закон или нормативно-правовой акт, на основе которого принимается решение.

В ивент-историческом анализе этатогенеза колониальных империй подключаемые временные ряды представляют собой последовательность данных, собранных за определённые периоды времени и отражённых в таблицах или графиках. Так, исследование предпосылок атлантических колониальных империй требует нескольких событийных рядов, выстраивающих последовательность кодируемых актов: а) в освободительных войнах Галисии и Лузитании; б) в развитии имперской идентичности португальцев; в) в процессе совершенствования кораблей, мореплавания, артиллерийского вооружения; г) в поддержке римскими папами колониальной экспансии Португалии.

Следующий шаг ивент-анализа – шкалирование. Все переменные имеют номинальную шкалу или шкалу равных отношений, выявляющие типичные характеристики событий и их атрибутивное распределение (положительные – отрицательные, частота, вред – польза и т. д.). Относительно исследования санкций определяются их интенсивность и действенность (эффективность). Эти свойства оцениваются по шкале со знаками + и –, а также баллами (от –10 до +10). Шкала может создаваться на основе обобщения экспертных оценок и встраиваться непосредственно в ось ординат на графике. Техники временных рядов на графиках помогают визуализировать сравнительный анализ и показать целостный процесс, проверить гипотезы, усилить эмпирическое обеспечение научной работы.

РОССИЙСКИЕ УЧЕБНИКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

Абрамов А. В.

На заре развития российской политологии, в 1996 г., среди участников Всероссийской конференции по преподаванию политологии был проведён опрос. Среди заданных вопросов был и такой: «Какие области политической науки, на Ваш взгляд, особенно остро нуждаются в теоретической разработке?» Первое место среди ответов заняла «Сравнительная политология».

Её в качестве неразработанной суботрасли политической науки назвал практически каждый второй участник исследования (49,4%) [31, с. 174]. В 2005 г. специализированное исследование провели среди руководителей кафедр и преподавателей вузов, специализирующихся в области сравнительной политологии. Большая часть опрошенных скептически оценила успехи развития компаративистики в России. Среди причин, сдерживающих развитие отрасли, лидировал ответ об отсутствии хороших учебников по сравнительной политологии (79%) [23, с. 15–16].

Разумеется, число и качество учебников не являются принципиальными показателями развития определённой науки, вместе с тем учебные книги отражают состояние развития отрасли: интенсивно проводимые исследования выливаются в большое число научных работ, влекут создание учебных курсов для проявляющих интерес к данной тематике студентов, а это, соответственно, заставляет создавать учебники. С момента проведения последнего опроса прошло почти 20 лет, и ситуация с учебниками изменилась, но, как нам кажется, весьма незначительно.

Прежде всего, отметим, что под учебниками мы будем понимать, во-первых, книги, систематически излагающие основы знаний по дисциплине. Иначе говоря, в число анализируемых нами учебников не будут включаться учебно-методические пособия, хрестоматии, словари, несмотря на то, что некоторые из них имеют статус учебного пособия. Во-вторых, под российскими учебниками мы будем иметь в виду книги, написанные российскими учёными, т. е. мы не включаем в свой обзор переводы пособий иностранных авторов на русский язык.

Итак, с точки зрения географии выхода в свет российские учебники по политической компаративистике можно разделить на три группы: петербургские, московские и региональные. Исторически первыми по времени создания были учебники авторов из города на Неве. Это были книги Г. В. Голосова (1994) [7], Л. В. Сморгунова (1999) [27], В. А. Ачкасова (2002) [1] и учебное пособие, написанное в соавторстве Е. П. Борзовой и И. И. Бурдуковой (2005) [2]. Все эти работы спустя некоторое время были переизданы, а некоторые из книг – не единожды. Двое из пяти авторов переиздаваемых книг (Л. В. Сморгунов и В. А. Ачкасов) – профессора Санкт-Петербургского университета.

Московские учебники стали издаваться позднее. Первым из учебников стал курс лекций А. Л. Демчука (2007) [11], за ним последовало издание пособий И. А. Василенко (2009) [4], К. С. Гаджиева (2011) [5], О. В. Михайловой (2015) [21], коллективного учебника под редакцией О. В. Гаман-Голутвиной (2015) [29], пособия В. Г. Егорова, А. В. Абрамова, С. Н. Федорченко (2015) [12] и книги Т. А. Яшковой (2016) [32]. Характерной чертой московских книг является преобладание среди авторов пособий преподавателей Московского университета: из семи перечисленных книг три принадлежат перу авторов из МГУ.

Наиболее скудно представлены пособия по сравнительной политологии в российских регионах. Среди их авторов можно назвать Е. А. Гончарова (2004, Красноярск) [8], В. В. Желтова (2005, Кемерово) [13], Э. Д. Дагбаева (2010, Улан-Уде) [9], также привести в пример совместный учебник А. В. Глухой, О. А. Сиденко, Д. В. Щегловой (Воронеж, 2019) [6]. Практически все книги (кроме пособия В. В. Желтова, переизданного московским издательством) были выпущены небольшим тиражом и не вышли за пределы библиотек тех региональных вузов, в которых были изданы.

Таким образом, первой тенденцией создания учебников по политической компаративистике в России можно отметить преобладание столичных, а не региональных изданий (из 15 наименований книг в двух столицах было издано 11).

Другая тенденция связана с содержанием пособий. Значительная часть из них написана с позиций позитивистской методологии, т. е. характеризуется широким применением результатов количественных исследований и унитаристским (линейным) подходом к трактовке политического процесса. Яркими примерами такого типа учебников являются книги Г. В. Голосова, Л. В. Сморгунова, О. В. Михайловой и О. В. Гаман-Голутвиной. Довольно необычным и в известной степени парадоксальным с точки зрения «классической» западной компаративистики выглядит учебник И. А. Василенко. Он представляет собой попытку сравнительного исследования цивилизаций и написан в герменевтической традиции. Остальным авторам учебников присущи либо методологический эклектизм (ярким примером выступает книга В. В. Желтова), либо ограниченность предмета теориями «среднего уровня» и конкретными вопросами.

С точки зрения содержания среди авторов российских пособий наблюдается консенсус. Главы и параграфы пособий за-

трагивают в большинстве своём такие вопросы, как история и методология сравнения, сравнительный анализ конкретных институтов, институциональный дизайн, типология политических культур, сравнительный анализ политических режимов и процессов.

Анализ кейсов, на примере которых строятся выводы, позволяет сделать вывод о западоцентризме подавляющего большинства учебников. Примеры приводятся из политической жизни США и стран Западной Европы, а также тех стран, которые признаны Западом демократиями (Индия, Япония, Южная Корея и т. п.). Исключением из общего правила является учебник В. Г. Егорова, А. В. Абрамова, С. Н. Федорченко, предпринимая попытку применить инструментарий политической компаративистики к государствам постсоветского пространства. Традиционно, по правилам компаративистики, из предмета исследования исключается собственная страна, поэтому в учебниках крайне редко рассматривается Россия (исключение – книги Т. А. Яшковой, О. В. Гаман-Голутвиной и В. В. Желтова).

В целом, проведённый анализ учебников по политической компаративистике позволяет выявить некоторые проблемы данной отрасли.

Во-первых, периферийность компаративистики по сравнению с другими суботраслями политологии. Об этом прежде всего говорит малое число учебников: за 35 лет существования в России политических наук в стране издано всего 15 учебников по компаративистике, из которых лишь 8 оказались достойны переиздания. В силу невысокой востребованности (сравнительная политология изучается только на специализированных политологических факультетах) некоторые авторы предпочитают писать учебники по общей политологии, добавляя в них несколько компаративных параграфов для видимости.

Во-вторых, отсутствие сложившихся научных школ по компаративистике. Достаточно отметить, что большинство издаваемых пособий написано одним автором. Лишь 3 можно полностью или с определёнными оговорками считать коллективными трудами. Таким образом, современные учебники являются авторскими курсами, а не презентацией достижений научного и учебного коллектива.

В-третьих, проблема целостного осмысления политики. Авторы учебников в большинстве случаев не предпочитают вы-

страивать курс в едином методологическом ключе, а сосредотачиваются на отдельных темах и интересующих их сюжетах. Впрочем, такого рода тенденция характерна не только для России, но и для современной политологии во всём мире.

В-четвёртых, ограниченность используемых российскими компаративистами примеров западными кейсами, что делает в современных условиях невозможным понимание многополярного мира и идентификацию в нём России.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кокурина О. Ю.

Для П. А. Сорокина «единство, усвоение и гармония» общественных ценностей есть важнейшее условие социального мира [28]. Как следует из классических трудов Т. Парсонса, Р. Мертон и других представителей структурно-функционального направления в политологии и социологии, именно система высших принципов и ценностей вносит фундаментальный вклад в обеспечение структурной устойчивости целостной социальной системы. При этом каждое общество сохраняет жизнеспособность интегрированной социально-политической ткани с помощью не универсальных общечеловеческих, а прежде всего присущих ему национально ориентированных, цивилизационных ценностей.

На разных этапах своего исторического пути Российское государство и общество неизменно прилагали усилия по формированию адекватной аксиологической «точки опоры», способствующей стабилизации общественных устоев, сохранению основ российской государственности наряду с уверенным и поступательным движением во всех сферах жизни – духовной, социальной, экономической, политической.

К числу важнейших политико-правовых инструментов поддержания, трансформации и укрепления традиционных ценностей российского общества принадлежит институт государственных наград, наградная система государства. Исторический анализ формирования и развития наградных систем в странах мира позволяет рассматривать их, с одной стороны, как политико-идеологический регулятивный механизм государства, а с другой – как комплекс национальных символов,

сохраняющих исторические традиции и духовно-нравственные ценности данной страны. По мнению социолога А. Н. Малинкина, государственная награда выполняет три основные социально-символические функции. Она символизирует: социально-значимые действия (подвиги, заслуги, услуги), за совершение которых ею награждают; достойные почёта социальные успехи личности награждённого и достигнутый им социальный статус; власть и господство социального субъекта-учредителя награды [19]. В свою очередь, философ А. В. Деднев считает, что «наградная система России – это символическая форма социальных отношений между государством, обществом, социальными группами и личностью, отражающаяся в исторически обусловленной и развивающейся социально значимой совокупности поощрений (действующей в форме традиции или законодательно закреплённой) и знаково-символически выражающая характер развития общества, его мировоззрение, идеалы, духовно-нравственные качества, отношения, мотивации, предпочтения, ценностные и целевые ориентации» [10].

Функцию закрепления и защиты общественно значимых ценностей выполняет государство, задающее для страны смысловую ценностную ориентацию на объединение социальных групп, общества и власти в стратегической перспективе. Государственные наградные системы и их главные компоненты – ордена, медали, наградные знаки, – как правило, отражают эволюционно отобранные символы и образы, несущие в себе спектр духовно-нравственных идеалов и ценностей того или иного общественного строя, обусловленный процессами и этапами его культурно-исторических преобразований. Полагая, что наградная система Российского государства на всех исторических этапах представляет ценностно-смысловую проекцию общественного бытия и процессов социокультурного развития страны, символизм мировоззренческой и духовно-нравственной направленности российского общества [14].

В исторической ретроспективе можно выделить ряд общенациональных императивов, определивших на разных этапах развития государства аксиологическую направленность государственных институтов России. Так, учение инок Филофея «Москва – Третий Рим», концепт «Россия – православная империя», в дальнейшем трансформировавшиеся в знаменитую формулу графа С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», заложили христианские и православные основания

для становления и формирования императорской орденовой системы. Начиная с Петра Великого, учредившего первую российскую орденовую награду в честь Св. Апостола Андрея Первозванного (1698 г.), императорские и царские ордена России стали олицетворением библейских и исторических образов христианских и православных святых, креста как символа христианской веры, ценностей православного христианского вероучения. В свою очередь, многие традиционные общенациональные ценности российского общества и принципы государственности нашли отражение в положениях статутов наград, символике и девизах орденов («За веру и верность», «За труды и Отечество»), девизах и наименованиях иных наградных знаков и медалей (например, «За верность и усердие», «За службу и храбрость», «За прилежание и благонравие» и др.) [16].

На обломках Российской империи (1917 г.) в строительстве новой государственности идеократического типа начали воплощаться планетарные претензии идеи «мирового коммунизма», исходящие из новых общественных идеалов и принципов, таких как «пролетарский интернационализм», «каждому по труду», «Москва – центр прогрессивного человечества», «развитой социализм» и пр. Место «православия» в формуле идеологической триады нового социалистического государства (РСФСР, СССР) заняло «марксистско-ленинское учение», роль «самодержавия» отведена «диктатуре пролетариата» и «коммунистической партии», а «народность» стала определяться идеологами «народ и партия едины» и «новая историческая общность – советский народ». Кардинальный разрыв с православной христианской традицией в революционной наградной политике проявился уже в учреждении первой орденовой награды РСФСР (1918 г.), базовыми символическими формами «борьбы за идеалы трудящихся масс» стали идеограммы «Красное Знамя» и пятиконечная «Красная Звезда», лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и др. Образы христианских святых в советской наградной системе заменили персонифицированные символы вождя мирового коммунистического движения (орден Ленина), фигур выдающихся деятелей исторической России (А. В. Суворова, М. И. Кутузова и др.). Нашли отражение как революционные и коммунистические идеалы, так и ценности интернационализма и советского патриотизма (ордена «Октябрьской Революции» и «Дружбы народов», орден «Победа» и орден «Славы»). Причём с учреждением ордена

«Александра Невского» в советской наградной системе сделан определённый шаг в переходе от пролетарско-интернациональной символики к государственным и национально-патриотическим смыслам и ценностям, исторически свойственным русскому миру [15; 20]. Вместе с тем ценностные приоритеты большинства советских орденов и медалей, почётных званий (звания «Героя Советского Союза» и «Героя социалистического труда», ордена «Трудового Красного знамени» и «Трудовой славы», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и др.) были идеологически направлены на «укрепление самого передового и демократического в мире социалистического строя». Значительное место в наградной политике и практике отводилось поощрению и стимулированию военного и трудового подвига, самоотверженного труда, которому придавался метафизический, сакральный смысл: «Труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Причём представляется бесспорным, что институт государственных наград утверждал в советском обществе примат моральных символов над материальными и морального поощрения над материальным [17].

После кардинальной смены общественного строя и конституционной отмены государственной идеологии (1993 г.) российское общество надолго погрузилось в состояние анонии, ценностного вакуума, переоценки и эрозии многих фундаментальных государственных и общественных приоритетов. Зачастую в сознании большей части общества утверждалась иная система ценностных ориентаций, чуждых традиционным духовно-нравственным ценностям российского социума. Такого рода явления нашли отражение и в процессах становления нового наградного института Российской Федерации. Так, при переходе от советской системы наград к государственным наградам РФ из оснований для награждения новыми орденами и медалями исчезли такие традиционные личные и коллективные ценности и ориентиры, как «труд» и «трудолюбие». Это явилось прямым следствием системного аксиологического кризиса и девальвации в 1990-е гг. трудовых заслуг с тенденцией к замещению их стяжательством и воинствующим эгоизмом, несвойственными традиционному сознанию россиянина. Обращает на себя внимание и абсолютное отсутствие государственных наград в поощрение заслуг по воспитанию подрастающего поколения, орденов и медалей за многодетное материнство, а

именно в эти годы наблюдались резкий спад рождаемости и рост детской и юношеской преступности.

Новый этап в формировании наградной системы РФ наступил в 2000-е гг., когда позитивные перемены в отечественной государственной политике привели к осознанию необходимости повышения эффективности института государственных наград и формированию новой повестки в наградной политике публичной власти. Прежде всего это относится к возвращению внимания государства к ценности труда, к трудовым заслугам, к трудящимся на разных направлениям гражданам. Так, были учреждены новые наградные медали «За труды в сельском хозяйстве» (2004 г.), «За развитие железных дорог» (2007 г.), «За заслуги в освоении космоса» (2010 г.). Прямым актом преемственности ценностей Российской Федерации по отношению к советской системе наград стало возвращение в наградной комплекс высшей степени отличия перед государством и обществом за особые трудовые заслуги – установлено звание «Герой Труда Российской Федерации» (2013 г.). Другим направлением возрождения традиционных имперских и советских ценностей как основания для государственного награждения стало учреждение наград за заслуги в укреплении института семьи, воспитании детей и молодежи: учреждение ордена «Родительская слава» (2008 г.) и медали ордена «Родительская слава» (2010 г.). Следует также упомянуть об учреждении ордена Святой великомученицы Екатерины и знака отличия «За благодеяние», продолжающих славные российские традиции благотворительности и милосердия, активной общественной деятельности, в том числе направленной на укрепление и развитие института семьи и брака (2012 г.) [9]. Надо признать, что такого рода наградные новеллы удачно возрождают и снова вводят в политико-правовой оборот вечные духовно-нравственные ценности Российского государства и общества, выраженные такими иногда забываемыми терминами, как «милосердие», «благодеяние», «благотворительность», «нравственность» и пр.

После событий Крымской весны (2014 г.) наметился новый этап, который можно обозначить периодом возрождения суверенной государственности РФ, возвращения российского многонационального народа к исконным цивилизационным корням, духовно-нравственным идеалам, имеющим тысячелетнюю историю. Для этой тенденции особое значение приоб-

рело внесение в Конституцию Российской Федерации (2020 г.) поправки, нормативно закрепившей получившее всеобщее одобрение положение общественно-государственных дискуссий по проблемам содержания традиционных духовно-нравственных ценностей. Принятием конституционных изменений открылась новая страница в истории российской государственности и строительства русской цивилизации. Положения, нацеленные на защиту базовых семейных ценностей, исторической правды, на усиление духовного и нравственного воспитания, поддержку и охрану культуры как уникального наследия многонационального российского народа, имеют огромное значение для определения стратегии и дальнейших путей развития нашей страны.

Благотворные государственные и общественные перемены нашли своё отражение в совершенствовании аксиологической базы государственной наградной системы. Так, государством учреждены знак отличия «За наставничество» (2018 г.), направленный на воспитание молодёжи, орден для поощрения в сфере практической медицины, названный в честь российского хирурга Н. И. Пирогова (2020 г.), и орден «За заслуги в культуре и искусстве» (2021 г.). Совсем недавно в состав государственных наград вошли орден Гагарина (2021 г.), присуждаемый за успехи в космической сфере, а также почётный знак Российской Федерации «За успехи в труде» (2021 г.) и орден «За доблестный труд» (2024 г.), которыми по статуту могут быть отмечены не только личные, но и достойные коллективные заслуги. Ещё одним важным напоминанием о советских приоритетах и традициях стало включение в число высших званий РФ звания «Мать-героиня» для женщин, родивших и воспитавших десять и более детей¹.

Можно утверждать, что без фиксации спектра ценностей, которыми руководствуется жизнедеятельность государства и общества в целом, невозможно определить будущие цели и направления жизни всей страны. Духовно-нравственные идеалы являются прежде всего ценностями смысложизнеобразующими, что призваны лежать в основе основополагающих целей человеческой жизни, придающих смысл человеческому существованию и делающих его наполненным созидательной дея-

¹ Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 11.03.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. №37. Ст. 4643.

тельностью во имя не только настоящего, но и будущего. Совершенствование государственной наградной системы является важным инструментом, способствующим консолидации и укреплению той системы ценностей, которая образует фундаментальную основу и определяет коренные цели суверенного существования и всестороннего культурно-исторического развития многонациональной российской цивилизации.

НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО И ЗАПАДНОГО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Полулях Д. С.

Идеологическое измерение современной политики существенно меняется под влиянием технологических, экономических, демографических и других процессов. Политология призвана выявить наиболее значимые из этих трендов, однако взгляды различных исследовательских сообществ на текущие идеологические процессы могут существенно различаться.

В данном исследовании мы попытались выявить особенности интерпретации новых идеологических трендов представителями западного и российского политологических сообществ путём сравнения публикаций журналов «Journal of Political Ideologies» (далее JPI) и «Россия в глобальной политике» (далее «РГП»). Были проанализированы статьи, опубликованные с начала 2019 г. по середину марта 2024 г. и содержащие информацию о новых идеологических трендах, а также о современных идеологиях в целом. Кроме того, к публикациям в «РГП» был применён дополнительный фильтр – анализировались только статьи, которые в электронной версии журнала имели тег *#идеология*. В итоге в объектив исследования попали 29 статей европейского журнала и 23 статьи российского издания.

Таблицы 1 и 2 демонстрируют идеологические тренды и количество журнальных статей, в которых они упоминались.

Таблица 1 / Table 1

Основные идеологические тренды в публикациях Journal of Political Ideologies, 2019–2024 гг. / Main ideological trends in the publications of the Journal of Political Ideologies, 2019–2024

Количество публикаций	Идеологические тренды
1	Снижение качества идеологий: эфемерность современных идеологий, распространение «идеолоноидов», ориентация идеологий на количество сторонников, а не качество содержания
1	Повышение роли идентичности в идеологиях
1	Повышение роли межличностной этики в идеологиях
1	Противостояние идеологий: неолиберализм vs феминизм / квир-политика vs антигендерное движение
1	Появление новых идеологий: анимализм
1	Возрастание роли идеологии и идеологическая поляризация в США
1	Распространение хиндутвы в Индии
1	Трансформация идеологии Консервативной партии Великобритании: отход от принципов тэтчеризма

Таблица 2 / Table 2

Основные идеологические тренды в публикациях «России в глобальной политике», 2019–2024 гг. / Main ideological trends in the publications of Russia in Global Affairs, 2019–2024

Количество публикаций	Идеологические тренды
8	Появление и распространение леволиберальных / прогрессистских идеологий и теорий (современный феминизм, Black Lives Matter, ЛГБТ, мультикультурализм и др.) на Западе. Становление «постлиберального авторитаризма»
5	Активизация правоконсервативных идеологий на Западе. Усиление цивилизационного или транснационального противостояния леволиберальных и правоконсервативных сил

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

5	Разработка новой национальной идеологии в России
4	Кризис либерализма как доминирующей идеологии современности. Появление альтернатив либерализму
2	Кризис секуляризма и возрастание роли религиозного фактора в политике
2	Идеологическая экспансия Запада
1	Развитие идеологии КНДР

Определённое представление об особенностях интерпретации новых идеологических трендов научными сообществами может быть также составлено по итогам подсчёта количества публикаций, анализирующих те или иные современные идеологии в целом (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3 / Table 3

Современные идеологии в публикациях Journal of Political Ideologies, 2019–2024 гг. / Modern ideologies in the publications of the Journal of Political Ideologies, 2019–2024

Количество публикаций	Современные идеологии
11	Популизм
11	Американские и европейские правоконсервативные идеологии
2	Неолиберализм
2	Хиндутва
1	Экологический скептицизм
1	Европейский муниципализм
1	Анимализм
1	Концепция антироста
1	Национализм

Таблица 4 / Table 4

Современные идеологии в публикациях «России в глобальной политике», 2019–2024 гг. / Modern ideologies in the publications of Russia in Global Affairs, 2019–2024)

Количество публикаций	Современные идеологии
6	Идеологии правоконсервативного спектра
6	Прогрессивизм
6	Либерализм. Русское западничество
2	Концепция России как «государства-цивилизации»
2	Клерикализм. «Ядерное православие»
1	Китайская модель
1	Кимчененизм
1	Популизм

Проведённый количественный и качественный анализ публикаций позволяет выявить сходства и различия в интерпретациях идеологических трендов между двумя сообществами авторов. Одной из основных идеологических тенденций современного мира оба журнала считают усиление правоконсервативных сил (в «РГП» это выражено прямо, в JPI – косвенно). Сходна и география анализа – изучаются идеологические процессы прежде всего в США, Европе и России. Оба журнала схоже рассматривают идеологический статус-кво в мире как доминирование либеральной идеологии (для авторов JPI, правда, эту позицию занимает конкретная разновидность либерализма – неолиберализм).

Наиболее существенной особенностью публикаций JPI является значительно смещённый акцент в сторону анализа правоконсервативных идеологий и практическое отсутствие публикаций, посвящённых разбору современного прогрессивизма и леволиберальных идеологий. Возможно, авторы не усматривают в них какого-то нового отдельного феномена, заслуживающего внимания. Между тем есть основания полагать, что «подъём прогрессивизма – это эпохальный сдвиг

внутри западных левых сил» [40]. В противоположность этому в «РГП» обращение к правому флангу современных идеологий уравнивается анализом прогрессивизма на Западе. Причём последний рассматривается преимущественно в негативном ключе – как угроза демократии на Западе и как цивилизационный вызов для России.

Ещё два заметных отличия между журналами – повышенное внимание к феномену популизма в JPI и обилие публикаций по проблеме разработки новой национальной идеологии в России в «РГП» – объясняются, на наш взгляд, особенностями профиля изданий.

Публикации обоих журналов ценны для исследователя, изучающего политические идеологии, но также имеют и ограничения. JPI предлагает фундаментальный теоретический анализ идеологий. Публикации журнала отличаются вниманием к деталям и критической рефлексией по отношению к академическому и политическому дискурсам об идеологиях². Но журнал очень немного может сказать о том, какую роль играют идеологии в актуальной политической борьбе, и лишь отдельные статьи предлагают целостное видение идеологических трендов мира. Публикации же «РГП» сосредоточены преимущественно на практических аспектах идеологий и часто представляют обобщённый взгляд на текущие тренды. Используемые обобщения, тем не менее, могут излишне упрощать комплексные процессы политической реальности. Это касается, к примеру, популярной в публикациях этого журнала конструкции о международном или транснациональном противостоянии леволиберальных и правоконсервативных сил. Одна из статей в JPI была посвящена как раз критике дискурса о союзе между левыми и либералами на Западе. По мнению Дж. Гуннарсон Пейн и С. Торнхилл, существуют серьёзные идейные расхождения между неолибералами и «настоящими» левыми [42].

Научная литература об идеологиях и идеологических трендах представляет безусловную важность для политической компаративистики, особенно для сравнительных исследований политических идеологий, партий и социальных движений. Но адекватное познание в этой области требует понимания особенностей политологического дискурса об идеологиях. Не-

² Так, 7 из 11 публикаций по проблемам популизма в JPI содержали критическую оценку доминирующих представлений о популизме и ставили своей задачей развенчать определённые мифы о данном феномене.

редко сами исследования идеологий являются идеологизированными, что проявляется в опредмечивании и последующей секьюритизации определённых идеологических позиций. Кроме того, представления о глобальных идеологических трендах могут быть искажёнными, учитывая, что как российские, так и зарубежные исследования до сих пор мало внимания уделяют идеологическим процессам в незападных странах.

СТРАТЕГИЯ БАЛАНСИРОВАНИЯ АСЕАН В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КИТАЯ: ОЦЕНКИ КОМПАРАТИВИСТОВ

Сунь Чжици

В 1990–2010 гг. международная политическая система в Юго-Восточной Азии (ЮВА) дважды претерпела влияние фундаментальных изменений: сначала переход от противостояния США и СССР к гегемонии США, затем к противостоянию США с Китаем и Россией и обозначению тенденции к многополярности. Повышение степени взаимозависимости между странами сочеталось с обострением отношений и постепенным ослаблением связи экономик США и КНР. АСЕАН, тем не менее, получила шанс стать самостоятельным экономическим полюсом и «балансиrom» в регионе.

Китайские учёные внесли большой вклад в исследование стратегии АСЕАН как выступающей в роли «балансира» между крупными державами, поддерживающего равновесие сил в ЮВА. Большинство китайских экспертов при определении внешней стратегии АСЕАН используют один термин – «стратегия балансирования великих держав», т. е. организация не исключает влияния великих держав в ЮВА, но берёт на себя инициативу по созданию механизма диалога с ними, «смягчая» силу нескольких сторон («многомерный баланс»), используя противоречия сторон через механизм многостороннего сотрудничества. Это не позволяет определённой великой державе стать слишком мощной в регионе [34]; балансирование сверхдержав подразумевает включение влияния России, Японии, Индии, Австралии, Ирана.

С точки зрения китайских учёных, эта стратегия является стратегическим выбором АСЕАН в новой региональной ситуации. АСЕАН опасается растущего влияния Китая в ЮВА, а США считает «умеренной» сверхдержавой, поэтому организация

способствует увеличению влияния Японии, чтобы противостоять Китаю [37]. Утверждается, что данная стратегия сочетается с дипломатической тактикой АСЕАН, чтобы заполнить вакуум власти, возникший в ЮВА после окончания холодной войны. Относительная слабость стран АСЕАН накладывает ограничения в реализации стратегии, тем не менее она способствовала сдвигу к многополярности в регионе и обеспечению интересов всех стран [36]. АСЕАН превратила «балансирование великих держав» в особую региональную дипломатию, используя систему противовесов между США и Китаем, чтобы достичь лидирующих позиций в регионе [33] и поддержать стабильность в АТР [35].

АСЕАН постепенно вносит некоторые коррективы в свою стратегию по мере роста перспектив её развития и стратегического положения, а также в ответ на изменения во взаимодействии региона с соседними странами. Некоторые китайские учёные считают, что АСЕАН более склонна к развитию отношений с США и с опаской относится к Китаю. АСЕАН укрепила дипломатические связи с США, усилила сотрудничество с Японией в поддержании свободы судоходства, авиации и безопасности в Восточно-Китайском море, провела внешнюю политику активного взаимодействия и одновременно бдительности в отношении Китая. Отдельные страны АСЕАН, опасаясь, что развитие Китая будет представлять для них угрозу безопасности, активно включились в военное сотрудничество с США в надежде, что американцы увеличат своё военное присутствие и инвестиции в регионе, чтобы обеспечить собственную безопасность и сдержать мощь Китая. В частности, Филиппины, имеющие морские территориальные споры с Китаем, особенно обеспокоены своими суверенными правами в Южно-Китайском море и пытаются интернационализировать споры в этой области. АСЕАН опасается настойчивости Китая в военной сфере в ущерб внутренним интересам стран-членов организации. Одновременно с этим на экономическом фронте АСЕАН укрепляет сотрудничество с Китаем, надеясь влиять на его экономическое развитие и разделить его плоды. С другой стороны, АСЕАН по-прежнему придаёт большое значение сотрудничеству с Японией в технологической и инвестиционной сферах, не полагаясь полностью на Китай.

Таким образом, китайские учёные, изучая стратегию АСЕАН по поддержанию сбалансированной ситуации, в основ-

ном фокусируются на контексте и предпосылках принятия АСЕАН этой стратегии и оценке её целенаправленности и последовательности, уделяя особое внимание отношению АСЕАН к Китаю и США. Сформировалось убеждение, что стратегические соображения АСЕАН – самостоятельное балансирование своих отношений с великими державами, выраженное формулой «экономической зависимости от Китая и зависимости от Соединённых Штатов в сфере безопасности».

Западные учёные, в отличие от китайских, в основном описывают политические предпочтения АСЕАН с точки зрения реализма и конструктивизма, предлагая различные интерпретации регионализма. Реалисты считают, что единственным решением «дилеммы безопасности» в международных отношениях является попытка сохранить «баланс сил», на что и должен быть направлен регионализм. Реалистская точка зрения доминирует в изучении внешних отношений АСЕАН. М. Лейфер использует теорию баланса сил для объяснения политики АСЕАН, утверждая, что АСЕАН в первую очередь предотвращает появление в регионе государства-гегемона [43, р. 57]. Его ученик Р. Эммерс указывает на роль таких институтов, как Региональный форум АСЕАН (АРФ), в сдерживании гегемонистского поведения крупных держав, а также на то, что такой баланс помогает сохранить независимость и автономию более мелких игроков в регионе [41, р. 7]. Книги указанных авторов являются наиболее систематизированными работами, анализирующими внешние отношения АСЕАН через призму реализма.

А. Ачарья, профессор университета в Вашингтоне, склонен использовать конструктивизм для изучения АСЕАН. Он утверждает, что АСЕАН должна сосредоточиться на региональных проблемах, продолжать взаимодействовать со средними державами и использовать свою сплочённость и как посредника, и как самостоятельного центра, всячески усиливая символическое влияние своей организации. Само присутствие АСЕАН как актора со своей стратегией противоречит традиционному реалистскому взгляду на доминирование великих держав в поддержании стабильности. АСЕАН смогла найти свою позицию и влиять на конкуренцию великих держав в ЮВА [38].

Конструктивисты, более склонные подчёркивать региональную сплочённость АСЕАН и фокусироваться на региональных проблемах, утверждают, что организация вносит вклад, в том числе с помощью коллективной публичной дипломатии

и «мягкой силы», в создание региональной архитектуры безопасности и поддержание регионального мира и стабильности, регионального и глобального сотрудничества в области безопасности и содействия укреплению доверия и разрешению конфликтов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Подводя некоторые итоги прошедшего обсуждения, необходимо заметить, что сравнительное исследование современных институтов, процессов, политических идеологий и ценностей находится, как представляется, в некоей «точке бифуркации».

Заметим, что во взглядах современных российских и зарубежных компаративистов уживаются как старые, традиционные, так и новые, ещё не до конца сформированные представления о тех или иных феноменах современности. Данная тенденция очень ярко показана в выступлениях В. М. Капицына, Д. С. Полуляха, Сунь Чжици, посвящённых вопросам политологической методологии, журнального или книжного научного дискурса. Отмеченный дуализм объясняется, думается, появившейся неопределённостью в судьбе современного мира. Очевидно, что человечество находится у развилки: оно уже не будет однополярным, но и контуры грядущей многополярности ещё не совсем видны. Отсюда и непригодность старого методологического инструментария для описания происходящих политических процессов.

Особый интерес представляет проведённое О. Ю. Кокуриной сравнительно-историческое исследование наградной системы имперской и современной России. И здесь тоже наблюдается единение традиций и новшеств. Но если в случае с методологией и дискурсом объяснением двойственности взглядов компаративистов может служить современный текущий момент – трансформация однополярного мира в многополярный, – то случай России иной. Как представляется, соединение имперской, советской и современной традиций в наградной системе свидетельствует о мучительной попытке нашего Отечества выстроить, опираясь на традиционные многовековые ценности, единую историю России со всеми её достижениями и проблемами.

В любом случае, состоявшийся обмен мнениями, презентация проделанных сравнительных исследований представляются весьма важным делом. Будем надеяться на продолжение этого интересного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В. А. Сравнительная политология: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 181 с.
2. Борзова Е. П., Бурдукова И. И. Основы сравнительной политологии: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2005. 207 с.
3. Бродель Ф. Время мира / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
4. Василенко И. А. Сравнительная политология: учебное пособие. М.: Юрайт: Высшее образование, 2009. 376 с.
5. Гаджиев К. С. Сравнительная политология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным и социальным специальностям и направлениям. М.: Экономика, 2011. 397 с.
6. Глухова А. В., Сиденко О. А., Щеглова Д. В. Основы сравнительной политологии: учебное пособие. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета, 2019. 122 с.
7. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1994. 177 с.
8. Гончаров Е. А. Теоретические основы сравнительной политологии: курс лекций для студентов всех специальностей очной формы обучения. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2004. 164 с.
9. Дагбаев Э. Д. Сравнительная политология: учебное пособие для студентов специальности 030201.65 Политология. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2009. 243 с.
10. Деднев А. В. Наградная система как социальный феномен (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 22 с.
11. Демчук А. Л. Лекции по сравнительной политологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 «Политология». М.: Университетская книга, 2007. 163 с.

12. Егоров В. Г., Абрамов А. В., Федорченко С. Н. Сравнительная политология постсоветского пространства: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2017. 411 с.
13. Желтов В. В. Сравнительная политология: учебное пособие для вузов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 338 с.
14. Кокурина О. Ю. Введение в историю наградного права Российского государства // Кокурина О. Ю. История наградного права Российского государства: хрестоматия: в 3 ч. Ч. 1. Российская империя: 1698–1917 гг. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. С. 6–97.
15. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России (телеологические и аксиологические основания правового регулирования): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 57 с.
16. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России: вопросы теории и практики. М.: Проспект, 2015. 512 с.
17. Кокурина О. Ю. Фундаментальные общественные ценности в наградных традициях Российского государства // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. №4. С. 10–24.
18. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / пер. с англ. Б. И. Макаренко. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
19. Малинкин А. Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. №23. С. 188–219.
20. Малинкин А. Н. Социально-этический смысл государственных наград СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Исторический журнал: научные исследования. 2012. №6. С. 7–20.
21. Михайлова О. В. Сравнительная политология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 310 с.
22. Новоселов М. В. Горизонт социологического применения event-анализа // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. №1. С. 497–506.
23. Павроз А. В. Преподавание сравнительной политологии в России // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по сравнительной политологии. 2006. №1. С. 15–16.
24. Салмин А. М. Современная демократия. М.: Ad Marginem, 1997. 447 с.
25. Семенов А. В. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №2. С. 317–341.

26. Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. Политические исследования. 2011. №1. С. 122–133.
27. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 374 с.
28. Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 491–501.
29. Сравнительная политология: учебник / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-пресс, 2015. 752 с.
30. Тимофеев И. Н. COVID-19 и политика санкций: опыт ивент-анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. №4. С. 449–464.
31. Шестопал Е. Б., Климов И. А., Нестерова С. В. Некоторые проблемы политологического образования в высшей школе России // Полис. Политические исследования. 1997. №1. С. 167–181.
32. Яшкова Т. А. Сравнительная политология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «Политология», «Международные отношения», «Социология». М.: Дашков и К°, 2015. 607 с.
33. Ван Гуан Хоу. Динамика изменений в отношениях Китая и АСЕАН после финансового кризиса: стратегия «балансирования великих держав» АСЕАН как перспектива (на кит. яз.) // Международные форумы. 2004. №6. С. 25–29.
34. Ван Сэнь. Стратегический анализ: истоки дипломатии балансирования великих держав АСЕАН (на кит. яз.) // Исследования в области принятия стратегических решений. 2016. №6. С. 31–45.
35. Ли Дин Синь. О четырёх измерениях сбалансированной дипломатической стратегии АСЕАН (на кит. яз.) // Изучение и исследование. 2014. №8. С. 45–49.
36. Хуэй Мин. Краткий анализ стратегии баланса великих держав АСЕАН: взгляд на отношения АСЕАН с Китаем, США и Японией (на кит. яз.) // Социалистические исследования. 2004 №6. С. 169–171.
37. Цао Юнь Хуа. Маневрирование среди великих держав: обзор стратегии балансирования великих держав АСЕАН (на кит. яз.) // Журнал Цзинань. 2003. №3. С. 11–21.
38. Acharya A. Will ASEAN survive great-power rivalry in Asia? // East Asia Forum. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 17–20.
39. Barron D. Event Analysis. Event Counts and Event History Analysis [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3CTodM (дата обращения: 14.04.2024).

40. Dolan E. W. New study helps pinpoint the key differences between liberals and progressives in the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psympost.org/new-study-helps-pinpoint-the-key-differences-between-liberals-and-progressives-in-the-united-states> (дата обращения: 25.04.2024).
41. Emmers R. Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York: Routledge Curzon, 2003. 197 p.
42. Gunnarsson Payne J., Tornhill S. The Enemy's Enemy: Feminism at the Crossroads of Neoliberal Co-Optation and Anti-Gender Conservatism // Journal of Political Ideologies. 2023. №28. P. 62–82.
43. Leifer M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security. Oxford: Oxford University Press, 1996. 65 p.
44. Mahler G. S. Comparative Politics: Exploring Concepts and Institutions Across Nations. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2019. 522 p.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Andrei V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru;
Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof.,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Vladimir M. Kapitsyn

- e-mail: kapizin@yandex.ru;
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof.,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Olga Y. Kokurina

- e-mail: kokurina@polit.msu.ru;
Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Daniil S. Polulyakh

- e-mail: daniilpolulyakh@mail.ru;
Cand. Sci. (Political Sciences), Assistant of the Department of
Comparative Political Science, Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Sun Zhiqi

- e-mail: zhiqi777@mail.ru;
Postgraduate student, Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science;
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Abramov A. V., Kapitsyn V. M., Kokurina O. Yu., Polulyakh D. S., Sun Zhiqi. Topical issues of political comparativism in Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the controversial problems of contemporary comparative political science and to present to the scientific community mini-studies on some of the debatable issues of political comparativism.

Methodology. In the course of the round table held at Moscow University with the support of the Russian Social and Humanitarian Journal the following topical issues of comparative political science were discussed: the possibility and prospects of applying event analysis in comparative studies; assessment of the state of domestic comparativism through the prism of the content of textbooks on the discipline; comparative-historical analysis of the Russian reward system; comparison of domestic and foreign scientific discourse on ideologies and the state of international relations.

Results. It has been established that the topics and problems of modern comparative studies, their dualism and contradictory nature are largely conditioned by the current state of international relations: the transformation of the unipolar world into a multipolar one. The incompleteness of this process, its complex and contradictory nature leads to the fact that the traditional scientific tools are not always suitable for the study of modern phenomena and processes.

Research implications. The results of the study may be of interest to political scientists specializing in the field of political comparativism, theory and methodology, the study of international relations.

Keywords

Comparative political science, comparative studies, event analysis, discourse analysis, political science textbook, reward system, contemporary ideologies, ASEAN

References

1. Achkasov V. A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002. 181 p.

2. Borzova E. P., Burdukova I. I. *Osnovy sravnitel'noi politologii* [Fundamentals of Comparative Politics]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury Publ., 2005. 207 p.
3. Braudel F. *Le temps du monde* (Rus. ed.: Kubbel L. E., transl. *Vremya mira*. Moscow, Progress Publ., 1992. 680 p.).
4. Vasilenko I A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Moscow, Yurait Publ., Vyssheye obrazovanie Publ., 2009. 376 p.
5. Gadzhiev K. S. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Moscow, Ekonomika Publ., 2011. 397 p.
6. Glukhova A. V., Sidenko O. A., Shcheglova D. V. *Osnovy sravnitel'noi politologii* [Fundamentals of Comparative Politics]. Voronezh, Izdatel'skii dom Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2019. 122 p.
7. Golosov G. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ., 1994. 177 p.
8. Goncharov E. A. *Teoreticheskie osnovy sravnitel'noi politologii* [Theoretical foundations of comparative political science]. Krasnoyarsk, Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ., 2004. 164 p.
9. Dagbaev E. D. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009. 243 p.
10. Dednev A. V. *Nagrannaya sistema kak sotsial'nyi fenomen (sotsial'no-filosofskii analiz): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The reward system as a social phenomenon (social and philosophical analysis): abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophy]. Moscow, 2008. 22 p.
11. Demchuk A. L. *Leksii po sravnitel'noi politologii* [Lectures on comparative political science]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2007. 163 p.
12. Egorov V. G., Abramov A. V., Fedorchenko S. N. *Sravnitel'naya politologiya postsovetskogo prostranstva* [Comparative Politics of the Post-Soviet Space]. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 411 p.
13. Zheltov V. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 338 p.
14. Kokurina O. Yu. [Introduction to the history of the award law of the Russian state]. In: Kokurina O. Yu. *Istoriya nagradnogo prava Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 1. Rossiiskaya imperiya: 1698–1917 gg.* [History of the award law of the Russian state. Pt. 1. Russian empire: 1698–1917]. Orel, Izdatel'stvo Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS Publ., 2018, pp. 6–97.

15. Kokurina O. Yu. *Gosudarstvennye nagrody v Rossii (teleologicheskie i aksiologicheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya): avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [State awards in Russia (teleological and axiological bases of legal regulation): abstract of Dr. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2015. 57 p.
16. Kokurina O. Yu. *Gosudarstvennye nagrody v Rossii: voprosy teorii i praktiki* [State awards in Russia: issues of theory and practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 512 p.
17. Kokurina O. Yu. [Fundamental social values in state award tradition of Russia]. In: *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnykh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2013, no. 4, pp. 10–24.
18. Lijphart A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration (Rus. ed.: Makarenko B. I., transl. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 287 p.).
19. Malinkin A. N. [The Social Essence of the Award: A Study on the Sociology of Power]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 2020, no. 23, pp. 188–219.
20. Malinkin A. N. [Social and ethical meanings of the state awards of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: research on the historical sociology of the award rights]. In: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [History magazine – researches], 2012, no. 6, pp. 7–20.
21. Mikhailova O. V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 310 p.
22. Novosyolov M. V. [The horizons of using even analysis in sociology]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social sciences and humanities: theory and practice], 2018, no. 1, pp. 497–506.
23. Pavroz A. V. [Teaching Comparative Politics in Russia]. In: *Demokratiya i upravlenie: Informatsionnyi byulleten' issledovatel'skogo komiteta Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki po sravnitel'noi politologii* [Democracy and Governance: Newsletter of the Research Committee of the Russian Political Science Association on Comparative Politics], 2006, no. 1, pp. 15–16.
24. Salmin A. M. *Sovremennaya demokratiya* [Modern democracy]. Moscow, Ad Marginem Publ, 1997. 447 p.
25. Semenov A. V. [Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 317–341.
26. Smorgunov L. V. [Political event analysis and its significance for modern comparative political studies]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2011, no. 1, pp. 122–133.

27. Smorgunov L. V. *Sravnitel'naya politologiya: teoriya i metodologiya izmereniya demokratii* [Comparative Politics: Theory and Methodology for Measuring Democracy]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo universiteta Publ., 1999. 374 p.
28. Sorokin P. A. [Causes of war and conditions of peace]. In: Sorokin P. A. *Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Publicly available textbook of sociology. Articles from different years]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 491–501.
29. Gaman-Golutvina O. V., ed. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Politics]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2015. 752 p.
30. Timofeev I. N. [COVID-19 and the policy of sanctions: An event analysis]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations], 2020, vol. 13, no. 4, pp. 449–464.
31. Shestopal E. B., Klimov I. A., Nesterova S. V. [Some problems of political science education in higher education in Russia]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, no. 1, pp. 167–181.
32. Yashkova T. A. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative political science]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2015. 607 p.
33. Wang Guan Khou. [Dynamics of Change in China-ASEAN Relations after the Financial Crisis: ASEAN's Great Power Balancing Strategy as a Prospect (in Chinese)]. In: *Mezhdunarodnye forumy* [International forums], 2004, no. 6, pp. 25–29.
34. Wang Seng. [Strategic Analysis: The Origins of ASEAN Great Power Balancing Diplomacy (in Chinese)]. In: *Issledovaniya v oblasti prinyatiya strategicheskikh reshenii* [Research in Strategic Decision Making], 2016, no. 6, pp. 31–45.
35. Li Din Sin. [On the Four Dimensions of ASEAN's Balanced Diplomatic Strategy (in Chinese)]. In: *Izuchenie i issledovanie* [Study and research], 2014, no. 8, pp. 45–49.
36. Khuei Min. [A Brief Analysis of ASEAN's Great Power Balance Strategy: A Look at ASEAN's Relations with China, the US and Japan (in Chinese)]. In: *Sotsialisticheskie issledovaniya* [Socialist studies], 2004, no. 6, pp. 169–171.
37. Tsao Yun Khua. [Great Power Maneuvering: A Review of ASEAN's Great Power Balancing Strategy (in Chinese)]. In: *Zhurnal Tszinan'* [Tzinnan Magazine], 2003, no. 3, pp. 11–21.
38. Acharya A. Will ASEAN survive great-power rivalry in Asia? In: *East Asia Forum*, 2015, vol. 7, no. 3, pp. 17–20.
39. Barron D. Event Analysis. Event Counts and Event History Analysis. Available at: clck.ru/3CTodM (accessed: 14.04.2024).

40. Dolan E. W. New study helps pinpoint the key differences between liberals and progressives in the United States. Available at: <https://www.psypost.org/new-study-helps-pinpoint-the-key-differences-between-liberals-and-progressives-in-the-united-states> (accessed: 25.04.2024).
41. Emmers R. Cooperative Security and the Balance of Power in ASEAN and the ARF. New York, Routledge Curzon, 2003. 197 p.
42. Gunnarsson Payne J., Tornhill S. The Enemy's Enemy: Feminism at the Crossroads of Neoliberal Co-Optation and Anti-Gender Conservatism. In: *Journal of Political Ideologies*, 2023, no. 28, pp. 62–82.
43. Leifer M. The ASEAN Regional Forum: Extending ASEAN's Model of Regional Security. Oxford, Oxford University Press, 1996. 65 p.
44. Mahler G. S. Comparative Politics: Exploring Concepts and Institutions Across Nations. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2019. 522 p.

УДК 355.01

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Алаудинов Апты Аронович

- e-mail: a05101973@mail.ru;
кандидат политических наук, независимый исследователь;
г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования

Алаудинов А. А. Гибридные войны с использованием «цветных революций» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 11.04.2024
- Статья размещена на сайте 04.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[«Цветные революции» как ключевые элементы гибридных войн в отношении Украины и Боливии](#)

[Новые формы государственных переворотов как ключевые элементы гибридных войн против Венесуэлы и Республики Беларусь](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье рассмотрены формы гибридных войн, основным элементом которых выступают «цветные революции».

Процедуры и методы. Кроме общенаучных методов, таких как анализ, синтез, индукция и дедукция, применялись сравнительный и системный подходы, анализ документов.

Результаты. На примерах Республики Беларусь, Боливии, Венесуэлы и Украины показано использование средств и методов гибридных войн, ядром которых выступают «цветные революции». Установлено, что «цветные революции» возможно интегрировать с другими видами государственных переворотов. Выявлено, что технологии и методы «цветных революций» высокоадаптивны и постоянно совершенствуются, поэтому потенциал «цветных революций» не исчерпан.

Теоретическая и практическая значимость. Обновлена проблематика гибридных войн с использованием «цветных революций». Результаты исследования могут быть использованы при подготовке кадров в государственных органах, отвечающих за национальную безопасность Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Боливия, Венесуэла, гибридные войны, государственные перевороты, Республика Беларусь, Украина, «цветные революции»

ВВЕДЕНИЕ

В гибридных войнах могут применяться самые разные способы и методы. Однако особо выделяются те формы гибридных войн, ядром которых выступают т. н. «цветные революции». Под «цветными революциями» понимаются технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодёжного протестного движения [5]. В то же время следует отметить, что сама по себе «цветная революция» далеко не только технология, т. к. технология не обладает целеполаганием: цель ей может задать только человек, группа лиц, ведомства и т. п. Поэто-

му «цветная революция» - это и технология, и форма государственного переворота, выступающая в качестве важнейшей составляющей в ряде форм гибридных войн.

Ключевым инструментом «цветных революций» выступают протестные движения, организованные по особому сетевому принципу (см.: [5]). Именно использование сетевых технологий организаций позволило превратить мобилизованные и организованные массы в оружие, направленное на демонтаж политического режима прежде всего в интересах тех, кто организывает «цветную революцию». Практика показала, что те гибридные войны, ядром которых являются «цветные революции», представляют собой огромную опасность для государств-мишеней, в отношении которых они применяются. Примеры Сербии, Грузии, Украины, Киргизии, Боливии показали, что с помощью «цветных революций» возможно свергать законно избранную власть и на её место приводить полностью подконтрольных лиц, которые со всей уверенностью можно назвать агентурой влияния. Через них внешний субъект, организатор «цветной революции», меняет внутреннюю и внешнюю политику государства-мишени в собственных интересах и зачастую в ущерб интересам и безопасности других государств [3], что чаще всего и является главной целью организаторов «цветной революции».

Важно отметить, что технологии «цветных революций» применялись в самых разных странах, существенно отличающихся по своим социально-политическим, экономическим, культурным и географическим особенностям. Это указывает на то, что технологии «цветных революций» адаптивны и могут быть использованы против самых разных политических режимов. Международные акторы настраивают данные технологии под конкретные страны. В то же время «цветные революции» обладают общими признаками независимо от того, в какой стране эти технологии применяются. Вместе с этим ни одна из «цветных революций» не является копией другой и обладает особенностями, отличающими одну «цветную революцию» от остальных. Отметим также, что «цветные революции» могут быть интегрированы с другими формами государственных переворотов. Например, в Республике Беларусь применялись технологии, обладающие признаками т. н. Евромайдана на Украине (2013–2014 гг.) и т. н. венесуэльского прецедента в Венесуэле (2019–2020 гг.). Из этого следует, что целесообразно провести сравнительное исследование «цветных революций» и интегри-

рованных с ними других форм государственных переворотов, являющихся ключевыми элементами в некоторых гибридных войнах, показать их сходства и различия. Для этого мы исследуем кейсы Белорусии, Боливии, Венесуэлы и Украины.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ И БОЛИВИИ

За последнюю четверть века «цветные революции» претерпели различные трансформации, пройдя путь от классических «бархатных» форм до более высокотехнологичных «цветных революций» последнего десятилетия. В данной работе мы затронем только некоторые из них, поскольку их пример наиболее актуален, а главное, в них показано то, как «цветные революции» интегрируются с другими формами государственных переворотов, чем усложняют задачу противодействия им со стороны властей государств-мишеней.

Первый пример – Украина, являющаяся одной из двух стран¹, где были успешно осуществлены две полноценные «цветные революции» в течение менее десяти лет (2004 / 2005 гг. и 2013 / 2014 гг.). В результате двух «цветных революций» на Украине последовательно были устранены условно пророссийские силы или же нейтральные. В 2014 г. к власти были приведены откровенно антироссийские элементы, которые впоследствии развязали войну против Донбасса и создали условия для полномасштабной государственной катастрофы. Коллективный Запад, особенно США и Великобритания, развязав полномасштабную гибридную войну против России, использовали сетевые протестные группы как важнейшую её часть. На всех этапах реализации технологии устранения от власти В. Ф. Януковича осуществлялась массированная информационная кампания, не только создававшая эффективное психологическое давление на него, но и вносившая дезорганизацию в его окружение, которое провоцировалось на предательство². Итогом стало свержение В. Ф. Януковича, в ходе

¹ Вторая страна – Киргизия, где «цветные революции» были осуществлены в 2005 г. и в 2010 г. Есть признаки «цветной революции» и в событиях 2020 г.

² Так, В. Ф. Янукович утверждал, что, как ему сообщали, к разгону студентов на «майдане» в ноябре 2013 г., который перевёл события на новый уровень эскалации, мог иметь отношение Сергей Левочкин, возглавлявший в то время администрацию президента Украины. См.: Янукович: «Беркут» превысил полномочия при разгоне «майдана» в ноябре 2013 года // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3819847> (дата обращения: 29.11.2023).

которого его едва не устранили физически. Лишь при участии России ему удалось выжить.

Последствия для Украины этого государственного переворота как кульминации на тот момент действий коллективного Запада в его гибридной войне против России оказались катастрофическими. Развязав полномасштабную войну против Донбасса (ДНР и ЛНР) при поддержке своих западных кураторов, киевский режим готовился к окончательной зачистке Донбасса, осуществляя геноцид местного населения, с одновременной подготовкой к нападению на Крым. Только упреждающие действия российского руководства от 24 февраля 2022 г. не дали случиться трагедии. В то же время, окончательно лишившись даже минимальных признаков суверенитета, Украина стала послушным инструментом в руках своих западных хозяев, которые используют её в качестве расходного материала в полномасштабной гибридной войне против России. К концу 2023 г. потери украинских формирований убитых и ранеными превысили 383 тыс. военнослужащих³. Данный пример наиболее ярко показывает разрушительное воздействие на государство-мишень гибридной войны, в которой это государство используется лишь как инструмент для достижения геополитических и иных целей её организаторами. В то же время перехват управления над критически значимой территорией позволил Западу создать плацдарм для атаки на Россию, что является экзистенциальной угрозой для её национальной безопасности.

Другим примером успешно проведённой «цветной революции» выступает Боливия. В 2019 г. её организаторам удалось свергнуть Эво Моралеса, который шёл на четвёртый срок президентства [9]. В данной «цветной революции», как и в её украинском аналоге 2013–2014 гг., использовалось физическое насилие в отношении сторонников власти (на Украине к этому добавилось насилие в отношении представителей правоохранительных органов). Технологически «цветная революция» в Боливии была близка к украинскому аналогу, поскольку там также задействовались радикалы. Если на Украине это были организации типа «Правого сектора»⁴, в Боливии их роль выполняли боевики-неофашисты из Союза молодёжи Санта-Крус (Unión Juvenil Cruceñista, UJC) и боевики motoqueros из

³ Шойгу сообщил, что потери ВСУ с начала СВО превысили 383 тыс. военнослужащих // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/19578419> (дата обращения: 23.01.2024).

⁴ Террористическая организация, запрещена в России.

движения Resistencia Juvenil Cochala, передвигавшиеся на мотоциклах и терроризировавшие местное население. В то же время были и отличия. Так, военные «предложили» Э. Моралесу покинуть свой пост⁵, т. е. выступили на стороне оппозиции и приняли непосредственное участие в перевороте, поскольку такая «рекомендация» была равнозначна ультиматуму, который действующий на тот момент президент вынужден был принять. Этим военные и полиция фактически поддержали государственный переворот, что отличает его от «цветной революции» на Украине, поскольку вооружённые силы там были исключены из процесса борьбы за власть.

Примечательно, что поводом для протестов, а затем и беспорядков стали заявления Организации американских государств (ОАГ) о якобы имевших место фальсификациях в пользу Э. Моралеса. В качестве доказательств ОАГ привела свой предварительный отчёт, где было выражено сомнение в возможности Э. Моралеса обогнать своего ближайшего преследователя в первом туре выборов более чем на 10%⁶, что, согласно боливийской конституции, давало ему право объявить себя победителем. Таким образом, можно констатировать участие наднациональной организации в перевороте через вброс о фальсификациях выборов, что было убедительно опровергнуто Центром экономических и политических исследований (Center for Economic and Policy Research, CEPR), расположенным в Вашингтоне.

Учитывая высокую согласованность действий оппозиции, неофашистских боевиков и военных практически сразу после заявлений ОАГ, а также факт призывов оппозиции к государственно-му перевороту, что подтверждается аудиозаписями, на которых зафиксированы разговоры проамериканских оппозиционеров⁷, все эти события целенаправленно выстраивались в единую последовательность, приведшую в итоге к свержению Э. Моралеса.

⁵ Bolivia | Evo renunció: qué le exigieron las Fuerzas Armadas para «pacificar el país» // Perfil: [сайт]. URL: <https://www.perfil.com/noticias/internacional/bolivia-las-fuerzas-armadas-piden-a-evo-morales-renunciar-para-pacificar-el-pais.phtml> (дата обращения: 29.11.2023).

⁶ Preliminary findings report to the General Secretariat // Organization of American States: [сайт]. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (дата обращения: 29.11.2023).

⁷ Bolivia: filtran audios de líderes opositores llamando a un golpe de estado contra Evo Morales // El Periódico: [сайт]. URL: <https://elperiodicocr.com/bolivia-filtran-audios-de-lideres-opositores-llamando-a-un-golpe-de-estado-contra-evo-morales> (дата обращения: 30.11.2023).

Боливийский случай показал, как могут эффективно взаимодействовать государственные, субгосударственные и наднациональные акторы в гибридной войне, цель которой состоит в перехвате управления над государством. Данная технология демонтажа политического режима включила в себя составляющие схожих технологий, отработанных в других странах (Сербия, Киргизия, Украина), но вместе с этим отличалась характерной для латиноамериканских стран спецификой, как, например, участие военных и других силовых ведомств. Можно констатировать, что для захвата власти агрессор старается вовлечь максимальное количество ведомств, организаций и институтов внутри государства-мишени и за его пределами. Боливийский случай стал одним из последних примеров успешного применения «цветной революции».

НОВЫЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГИБРИДНЫХ ВОЙН ПРОТИВ ВЕНЕСУЭЛЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Технологии «цветных революций» опасны не только сами по себе, но ещё и тем, что создают условия для осуществления других форм государственных переворотов, также выступающих в качестве ключевого элемента отдельных форм гибридных войн. К наиболее ярким примерам этого относится попытка свержения Н. Мадуро и всего чавистского руководства в Венесуэле в период с 2015 г. и до начала 2019 г., которую следует отнести к технологиям «цветных революций» [4], трансформированную в новую технологию демонтажа политических режимов, названную отечественными исследователями «венесуэльский прецедент» [6]. В 2015–2018 г. в Венесуэле наблюдались типичные для «цветных революций» признаки:

- многочисленные протесты (в некоторые моменты насчитывавшие порядка одного миллиона человек), проходившие синхронизировано в крупнейших городах, что указывает на проектируемость и организованность этих протестов;
- раскол внутри власти;
- всецелая поддержка коллективным Западом, прежде всего США, оппозиции и непризнание выборов;
- наличие ангажированного освещения событий со стороны западных СМИ, имеющего признаки информационной войны.

Все эти признаки полностью отвечают технологиям «цветных революций» и были использованы как ключевой элемент

гибридной войны, развязанной США против Венесуэлы. Однако уже тогда, в период 2015–2018 гг., оказалось ясно, что власти Венесуэлы нашли способ противодействия технологиям «цветных революций». Использование контрмитингов в поддержку чавистского руководства, а также коллективос – неофициальных вооружённых силовых групп, противостоявших насильственным протестам, организованным оппозицией, меры социального и экономического характера, устойчивость власти – всё это оказалось непреодолимым препятствием для организаторов «цветной революции» в Венесуэле, продемонстрировав пределы этой технологии при условии системного противодействия ей [7].

Не сумев решить задачу по устранению чавистского руководства от власти с помощью «цветной революции», США перешли к новой технологии демонтажа политического режима, которая оказалась возможной именно благодаря созданным условиям при попытке осуществить «цветную революцию». Таким образом, имела место связка между одной технологией и другой, по сути, представлявшими собой эволюционные фазы гибридной войны, развязанной Вашингтоном против Венесуэлы. Новая технология («венесуэльский прецедент») отличалась от «цветных революций» отсутствием сетевых протестных групп как основного инструмента по устранению власти. Основная ставка делалась на раскол внутри чавистского руководства и признание оппозиционера Х. Гуайдо «президентом» с последующим турне по западным странам, где его встречали на самом высоком уровне и этим подтверждали его «статус». Ещё одним важным элементом технологии «венесуэльский прецедент» стала заморозка активов Венесуэлы и передача их под дозированный контроль Х. Гуайдо и его окружения. На эти средства и осуществлялась попытка подкупа окружения Н. Мадуро⁸. Таким образом, одним из ключевых признаков данной технологии является финансирование переворота за счёт самого государства-мишени. Помимо этого, США ввели против Венесуэлы дополнительные массивно-

⁸ Частично данной цели США удалось добиться, однако этого оказалось недостаточно для подрыва единства чавистского руководства.

ванные санкции⁹, являющиеся продолжением санкций от 2014 г.¹⁰.

На определённом этапе США могли добиться раскола, однако этого не получилось сделать, поскольку о переговорах между американскими представителями и лицами из окружения Н. Мадуро стало известно. По этой причине США перешли к новому этапу гибридной войны, подготовка к которому началась ориентировочно в марте 2020 г., когда Госдепартамент США предложил вознаграждение до 15 млн долларов США за информацию, ведущую к аресту Н. Мадуро¹¹. Фактически была объявлена охота на президента суверенного государства. Параллельно уже шла подготовка физического устранения или ареста чавистского руководства. Речь идёт об операции «Гедеон», активная фаза которой была осуществлена 3 мая 2020 г. В организации данной диверсионно-террористической операции принимали участие не только Х. Гуайдо и его окружение, но и ЧВК «Silvercorp», дезертиры из венесуэльских вооружённых сил, наркоторговцы, колумбийские и американские спецслужбы [11]. Операция «Гедеон» завершилась полным провалом. Два американских террориста, Л. Денман (Luke Denman) и А. Берри (Aaron Barry), были захвачены живыми¹² и теперь отбывают длительное тюремное заключение. Кроме них, были захвачены и террористы из числа венесуэльских дезертиров.

⁹ Были введены санкции по линии министерства финансов США в отношении нефтяного сектора Венесуэлы (компания *Petroleos de Venezuela, S. A., PdVSA*) и венесуэльской золотодобывающей компании *Minerven* соответственно: *Treasury Sanctions Venezuela's State-Owned Oil Company Petroleos de Venezuela, S.A.* // U.S. Department of the Treasury: [сайт]. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm594> (дата обращения: 30.11.2023); *Treasury Sanctions Venezuela's State Gold Mining Company and its President for Propping Up Illegitimate Maduro Regime* // U.S. Department of the Treasury: [сайт]. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm631> (дата обращения: 30.11.2023).

¹⁰ S.2142 – *Venezuela Defense of Human Rights and Civil Society Act of 2014* // The United States Congress: [сайт]. URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2142> (дата обращения: 30.11.2023). Отметим, что введение санкций выступает в роли составного элемента гибридных войн.

¹¹ *Nicolás Maduro Moros – New Target* // Bureau of International Narcotics and Law Enforcement Affairs. U.S. Department of State: [сайт]. URL: <https://www.state.gov/nicolas-maduro-moros-new-target/#:~:text=§%20924.,nearest%20U.S.%20Embassy%20or%20Consulate.> (дата обращения: 30.11.2023).

¹² Подробнее в правительственном отчёте: *Operaciones mercenarias contra Venezuela: evolución de una amenaza militar fracasada* // Ministerio del Poder Popular para Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela: [сайт]. URL: <http://mppre.gob.ve/wp-content/uploads/2020/05/informe-operaciones-mercenarias-15052020-1.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

Таким образом, гибридная война против Венесуэлы, осуществлявшаяся на протяжении около пяти лет, состояла из трёх основных фаз: 1) попытка осуществления «цветной революции»; 2) попытка свержения чавистов в ходе технологии «венесуэльский прецедент»; 3) попытка устранения чавистов в ходе прямой диверсионно-террористической операции «Геденон». Данные усилия не дали результата в виде свержения Н. Мадуро, но в ходе этой гибридной войны Венесуэле был нанесён огромный экономический и социальный ущерб.

В Республике Беларусь в 2020 г. была применена комбинированная технология типичной «цветной революции» и «венесуэльского прецедента», выступившая как ядро развязанной против этого государства гибридной войны. После вбросов о фальсификациях на выборах президента Республики Беларусь 9 августа 2020 г. были активированы протесты и беспорядки¹³. Это стандартные лекала, по которым запускается активная фаза «цветных революций». Протесты, местами переходившие в беспорядки, активно управлялись из-за рубежа, о чём заявлял сам А. Г. Лукашенко. Фактически внешние акторы, прежде всего США, передали на аутсорсинг работу по устранению действующего белорусского лидера своим союзникам-сателлитам – Польше и Литве [2; 8; 10]. Для давления на белорусское руководство использовались организованные сетевые протесты, управляемые через социальные сети и мессенджеры, прежде всего телеграм-канал Nexta и другие, контролируемые извне – американцами через Польшу и Чехию, а также Литву и Украину¹⁴. Примечательно, что данная форма гибридной войны похожа на создаваемые зоны-инкубаторы в Ливии и Сирии по выращиванию радикалов, которые затем в качестве боевиков релоцируются в другие страны, дестабилизируемые всё теми же субъектами. Так же и в белорусском случае: после установления подконтрольного и полностью прозападного правительства на Украине последняя была использована в качестве плацдарма для подготовки боевиков, создания центров информационно-психологических операций, используемых

¹³ Например: Выборы в Беларуси: пикет Тихановской в Минске собрал тысячи людей // BBC: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53455861> (дата обращения: 30.11.2023).

¹⁴ Эту информацию сообщил А. Г. Лукашенко: «Моя страна здесь, и я эту страну буду защищать». Полный текст большого интервью с Александром Лукашенко // RT: [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/781543-lukashenko-intervyu-polnyi-tekst> (дата обращения: 30.11.2023).

для дестабилизации социально-политической ситуации внутри государств-соседей. Поэтому через успешно проведённую «цветную революцию» в одной стране создаются условия для проведения новой «цветной революции» в другой стране.

Однако сценарий в Беларуси имеет общее с Венесуэлой, поскольку коллективный Запад фактически признал «президентом» оппозиционера С. Тихановскую, хотя, в отличие от Х. Гуайдо, её не признали президентом формально. В результате две технологии были задействованы взаимосвязано с единой целью – свергнуть действующую белорусскую власть. Организаторам не удалось достигнуть этой цели: протесты были дезактивированы, наиболее радикальные элементы выявлены и нейтрализованы. В то же время проявились проблемы внутри страны и обнаружены пробелы в обеспечении безопасности, особенно в информационной сфере, не исчерпаны фундаментальные причины кризиса [1], которыми и воспользовались иностранные субъекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Цветные революции» и технологии, которым они дали начало (например, «венесуэльский прецедент»), адаптируются и взаимоувязываются по целям, задачам, месту, времени и объекту воздействия. Благодаря этому те гибридные войны, в которых «цветные революции» выступают в качестве ключевого элемента, эволюционируют и корректируются под условия конкретного государства-мишени. Заметим и возросшие возможности противодействия «цветным революциям» со стороны властей государств, но в то же время это не должно создавать иллюзию, будто угроза таких форм гибридных войн исчезла. Даже если «цветная революция» и не приведёт к свержению власти в том или ином государстве-мишени, такая дестабилизация не пройдёт для него бесследно. Будет нанесён как минимум репутационный, моральный, экономический, политический и дипломатический ущерб всему государству и обществу. Кроме того, есть основания считать, что возможности «цветных революций» далеко не исчерпаны, поэтому представляется неверным утверждать, будто государства сумели найти универсальный подход к противодействию им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь: политический кризис 2020 г. / С. В. Бирюков, С. Н. Чирун, А. В. Андреев, Е. Д. Салмыгина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. №73. С. 228–239. DOI: 10.17223/1998863X/73/19
2. Евстафьев Д. Г., Манойло А. В. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) // Дипломатическая служба. 2021. №1. С. 50–61. DOI: 10.33920/vne-01-2101-06
3. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Юценко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005. 143 с.
4. Костин М. С. Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2020. №11. С. 878–890.
5. Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. 2015. №1. С. 1–19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614
6. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технология демонтажа чавистов: «Венесуэльский прецедент» // Актуальные проблемы Европы. 2020. №1. С. 213–237. DOI: 10.31249/ape/2020.01.10
7. Розенталь Д. М. Непотопляемый Мадуро // Свободная мысль. 2022. №2. С. 171–180.
8. Стригунов К. С. Особенности современных неклассических войн: формы, методы, технологии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2023. 285 с.
9. Стригунов К. С., Манойло А. В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. 2021. №466. С. 131–142. DOI: 10.17223/15617793/466/16
10. Циткилов П. Я. Общественная дестабилизация Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. 2021. №1. С. 18–43. DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51512
11. Черепов А. В. Наемничество как один из инструментов интрузивной политики США в Латинской Америке и Карибском бассейне // Вестник Дипломатической Академии. Россия и мир. 2022. №2. С. 23–35.

ARTICLE INFORMATION

Author

Apty A. Alaudinov

- e-mail: a05101973@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Sciences), Independent researcher,
Moscow, Russian Federation

For citation

Alaudinov A. A. Hybrid wars with the use of “color revolutions”. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To discuss the forms of hybrid wars, the main element of which are “color revolutions”.

Methodology. In addition to general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction and deduction, comparative and systematic approaches and document analysis were also used.

Results. The examples of the Republic of Belarus, Bolivia, Venezuela and Ukraine show the use of means and methods of hybrid warfare, the core of which are the “color revolutions”. It has been established that “color revolutions” can be integrated with other types of coups d’etat. It has been revealed that the technologies and methods of “color revolutions” are highly adaptive and are constantly being improved, therefore, the potential of “color revolutions” has not been exhausted.

Research implications. The problematics of hybrid wars using “color revolutions” is updated. The results of the study can be used in the training of personnel in government agencies responsible for the national security of the Russian Federation.

Keywords

Bolivia, Venezuela, hybrid wars, coups d’etat, Belarus, Ukraine, “color revolutions”

References

1. Biryukov S. V., Chirun S. N., Andreev A. V., Salmygina E. D. [Belarus: the political crisis 2020]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2023, no. 73, pp. 228–239. DOI: 10.17223/1998863X/73/19
2. Evstafiev D. G., Manoilo A. V. [Modern color revolutions: from Belarus to Venezuela]. In: *Diplomaticeskaya sluzhba* [Diplomatic service], 2021, no. 1, pp. 50–61. DOI: 10.33920 / vne-01-2101-06
3. Kara-Murza S. G. *Eksport revolyutsii. Yushchenko, Saakashvili...* [Export of revolution. Yushchenko, Saakashvili...]. Moscow, Algoritm Publ., 2005. 143 p.
4. Kostin M. S. [Venezuela: Revolutionary Events in the Continuing Revolutionary Era (1998–2020)]. In: *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systematic monitoring of global and regional risks], 2020, no. 11, pp. 878–890.
5. Manoilo A. V. [Color revolutions and technologies for the disassembly of political regimes]. In: *Mirovaya politika* [World politics], 2015, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614
6. Manoilo A. V., Strigunov K. S. [The technology of dismantling chavists: “Venezuelan precedent”]. In: *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2020, no. 1, pp. 213–237. DOI: 10.31249/ape/2020.01.10
7. Rosental D. M. [Unsinkable Maduro]. In: *Svobodnaya mysli'* [Free thought], 2022, no. 2, pp. 171–180.
8. Strigunov K. S. *Osobennosti sovremennykh neklassicheskikh voyn: formy, metody, tekhnologii: dis. ... kand. polit. nauk* [Features of modern non-classical wars: forms, methods, technologies: Cand. Sci. thesis in Political sciences]. Moscow, 2023. 285 p.
9. Strigunov K. S., Manoilo A. V. [The Coup d'Etat in Bolivia: Internal and External Factors]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, no. 466, pp. 131–142. DOI: 10.17223/15617793/466/16
10. Tsitkilov P. Ya. [Social destabilization in Belarus at the end of summer autumn 2020, its foreign policy factors]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2021, no. 1, pp. 18–43. DOI: 10.34823/SGZ.2021.1.51512
11. Cherepov A. V. [Mercenarism as one of the tools of US intrusive policy in Latin America and the Caribbean]. In: *Vestnik Diplomaticeskoi Akademii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy. Russia and the World], 2022, no. 2, pp. 23–35.

КАТЕГОРИЯ И УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Афонин Дмитрий Владимирович

- e-mail: dmitriyafonin97@gmail.com;
аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Афонин Д. В. Категория и уровни политического процесса: анализ подходов к определению // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 29.06.2024
- Статья размещена на сайте 16.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Макроуровень политического процесса](#)

[Мезоуровень политического процесса](#)

[Микроуровень политического процесса](#)

[Состояния политической системы](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Сформировать концептуальную модель политического процесса, определить категорию «политический процесс», уровни политического процесса и состояния политической системы.

Процедура и методы. Проанализированы подходы к определению политического процесса: бихевиористский, институциональный и структурно-функциональный подходы.

Результаты. Проведённый анализ позволил выделить три уровня политического процесса: микроуровень, мезоуровень и макроуровень; определены основные элементы политического процесса и состояния политической системы.

Теоретическая и / или практическая значимость. Предложена концептуальная модель политического процесса, состоящая из трёх уровней; сформулированы определения категорий «политический процесс» и «устойчивость политической системы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический институт, политический процесс, политическая система, стабильность, устойчивость

ВВЕДЕНИЕ

Политический процесс является основополагающей категорией политической науки, однако единого и универсального определения данного понятия не существует. По этой причине теоретический анализ категории «политический процесс» остаётся важной и актуальной проблемой для современной политологии. В первую очередь стоит дать определение категории «процесс». В Большом Энциклопедическом словаре процесс определяется как «последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь и совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата»¹.

Исходя из этого определения, можно выделить ряд особенностей процесса именно политического. Во-первых, особенностью политического процесса является наличие нескольких автономных уровней, которые можно определить как макро-

¹ Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 1456 с.

уровень, мезоуровень и микроуровень, на каждом из этих уровней политический процесс может проходить по-разному. Анализируя подходы к определению политического процесса, можно заметить, что исследователи делают акцент на определённый уровень политического процесса: представители системного и структурно-функционалистского подходов анализируют макроуровень, представители институционального подхода – мезоуровень, представители бихевиоралистского подхода – микроуровень политического процесса. Во-вторых, проблемой является определение начала и завершения политического процесса, открытым является вопрос и о результате политического процесса. Политический процесс не завершается при достижении определённого результата или при решении некоторой проблемы, политический процесс относительно перманентен, так как любое политическое решение создаёт новую политическую проблему. Кроме этого, для более эффективного анализа политического процесса следует определить универсальный способ его этапизации.

МАКРОУРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Анализируя макроуровень политического процесса, стоит рассмотреть системный и структурно-функциональный подходы в политической науке. На макроуровне политический процесс можно определить как изменения политической системы под влиянием внутренних и внешних факторов. Политическая система – система взаимодействия субъектов политического процесса. Субъекты политического процесса формируют политический курс и выполняют основные функции политической системы. Они, в свою очередь, могут быть институциональными и неинституциональными. Институциональные субъекты политического процесса представляют собой органы государственной власти и иные легальные политические силы. Неинституциональные субъекты представляют интересы гражданского общества, отдельных социальных групп или профильных организаций.

Наиболее известной моделью политической системы является модель «чёрного ящика» Д. Истона [7]. «Вход» выражен воздействием внутренней и внешней среды на политическую систему в виде поддержки и требований, «выход» является ответом в виде политического решения (законы) и политического

действия (рекомендации). В соответствии с конгруэнтностью «входов» и «выходов» обеспечивается устойчивость политической системы и определяется эффективность её функционирования. В результате данных реакций может изменяться форма политической системы, политический режим. Политический режим – форма взаимодействий, распределение прав и полномочий между институциональными и неинституциональными субъектами политического процесса. Таким образом, можно говорить о демократических режимах с высокой степенью обратной связи и большим влиянием неинституциональных субъектов на политический курс и о недемократических режимах с монополией на формирование политического курса у узкого круга институциональных субъектов. Следует также отметить, что государственный режим (как форма взаимоотношений между институциональными субъектами политического процесса) является составной частью политического режима, что подтверждается их высокой сопряжённостью.

Ещё в работах Т. Парсонса было заявлено, что основной функцией политической подсистемы является целедостижение, т. е. определение целей социальной системы и выработка стратегии для достижения этих целей. Американский политолог распределил главные функции социальной системы по подсистемам, и многие его критики указывали на то, что функция экономической подсистемы (функция адаптации к изменениям внешней среды) является в большей степени функцией подсистемы политической [13, с. 254]. Впоследствии Г. Алмонд в своей совместной работе с Дж. Пауэллом расширил спектр функций до шести: артикуляция интересов; агрегирование интересов; выработка правил и норм; применение правил; контроль над применением правил; политическая коммуникация [6, с. 224]. Однако основополагающей и наиболее важной функцией является сохранение устойчивости политической системы и поддержание её самосохранения и целостности.

МЕЗОУРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Мезоуровень политического процесса анализируется в работах представителей институционального подхода. Политический процесс на данном уровне можно охарактеризовать как процесс внедрения, эволюции и замещения политических институтов. Политический институт в данном случае можно

определить как устойчивые нормы, регулирующие интеракции между субъектами политического процесса, и действия по определению границ их полномочий, принятые на основе согласия всех субъектов политического процесса. Изменения системы политических институтов обусловлены повышением эффективности политического процесса и снижением риска дестабилизации. Политолог Ш. Эйзенштадт пришёл к выводу, что модернизацию можно оценивать как особый тип изменений политических институтов. Успех или срыв процесса модернизации он связывал с конгруэнтностью или отсутствием конгруэнтности между политической системой и новыми, видоизменёнными политическими институтами [14]. Таким образом, политический процесс – это череда удачных и неудачных трансформаций политических институтов. По мнению С. Амина [1], незападные политические системы будут иметь способность развиваться лишь при условии их движения к западным политическим системам через трансформацию и копирование их политических институтов на западный манер. В противном случае наступают политический и экономический кризис, стагнация и исключение незападного государства из мировой политики. Иную позицию выражает политолог П. Бергер, он утверждает, что альтернативные политические институты незападного общества не только будут более эффективны в этих обществах, но и смогут оказывать влияние на западные политические институты [3]. По мнению С. Хантингтона, широкое внедрение западных политических институтов в незападные общества увеличивает вероятность политической нестабильности и может привести общество к аномии, по этой причине незападным обществам следует развивать особенные политические институты, которые являются более конгруэнтными для существующей политической системы [12].

В отечественной политической мысли наиболее ярким представителем данного подхода является Н. Я. Данилевский [5]. Его концепция цивилизационного развития дополняет институциональный подход, так как каждый культурно-исторический тип порождает эффективные институты только для себя, заимствования институтов из других культурно-исторических типов возможны, но не всегда удачны и полезны.

Особенностью институционального подхода к исследованию политического процесса является введение категории «колея развития». Под колеей развития представители данно-

го направления понимают историческую зависимость настоящего от прошлого, которое аккумулируется в политических институтах и через них оказывает влияние на социально-экономическое развитие общества, реализуясь через агентов трансформации. Таким образом, политический процесс является движением по этой колее развития, которое обусловлено стремлением к повышению эффективности системы политических институтов ради сохранения её целостности.

МИКРОУРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Микроуровень политического процесса определяется как последовательные взаимодействия участников политического процесса, достижение участниками своих личных целей. Важным аспектом данного уровня является определение взаимозависимости частных и общественных интересов. Особое место в анализе микроуровня политического процесса занимают теории бихевиоралистского подхода и исследования о рациональности лиц, принимающих решения. В центре внимания Г. Лассуэла находятся психологические качества личности, которые влияют на индивидуальное поведение людей и на принимаемые ими политические решения. По мнению американского политолога, «элита, правящая или не правящая, использует различные символы для того, чтобы транслировать смыслы в общество, тем самым создавая поддержку системы или, наоборот, провоцируя противостояние режиму» [10, с. 59]. В итоге под давлением политических институтов лицо, принимающее политическое решение, постепенно замещает частные мотивы общественным интересом. Позиция М. Фармера заключается в том, что политический процесс «является плодом индивидуальных решений или «выборов», но таких индивидуальных «выборов», которые связаны с совокупными результатами» [11, с. 53]. Каждое решение является рациональным и принимается исходя из той информации, которой обладает лицо, принимающее решения. Пропорция долей частных и общественных интересов в первую очередь зависит от политического режима. В недемократических системах частные интересы могут доминировать, однако политические решения должны отвечать и общественным интересам, так как в этом случае может возникнуть ситуация неустойчивости. В демократических системах доля решений, детерминированных обще-

ственными интересами, выше, так как выше и влияние в политической системе неинституциональных субъектов политического процесса. Благодаря технологическому развитию особое место в современной политологии занимает и исследование увеличения влияния тех участников политического процесса, которые являются неинституциональными. О. М. Михалейнок определяет такого участника как «нового сетевого человека» и утверждает, что такие «политические сети можно рассматривать как элемент гражданского общества, приобретающего новые формы в условиях изменяющегося политического ландшафта» [8, с. 162]. Особое место в политической системе начинают занимать «сетевые активисты, они аккумулируют вокруг себя «резонирующую общественность», которая начинает активно влиять на реальные политические процессы» [9, с. 34]. Хотя политический процесс и формируется политическими решениями институциональных субъектов, главной задачей лиц, принимающих решения, является не удовлетворение частных интересов, а поддержание баланса между интересами всех участников политического процесса ради сохранения устойчивости существующей политической системы.

Проанализировав подходы к определению политического процесса на каждом из его уровней, можно обнаружить, что на каждом уровне главной целью политического процесса является сохранение устойчивости политической системы. Можно выделить три основных состояния политической системы: устойчивость, неустойчивость и крах.

СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Устойчивость – состояние политической системы, при котором сохраняется её целостность, функционирование системы признаётся эффективным и приемлемым для всех субъектов политического процесса, отсутствует резкое изменение конфигурации субъектов политического процесса и курса политического процесса. При состоянии устойчивости политический процесс проходит стабильно, изменения политической системы оправданы попыткой повышения эффективности её функционирования и спровоцированы в большей степени институциональными субъектами политического процесса. Устойчивость может определяться объективными показателями, существует ряд подходов к определению факторов устойчивости

политической системы. Так, российский политолог М. Г. Анохин [2] выделяет пять факторов устойчивости политической системы: рост благосостояния населения превышает рост социальной мобилизации населения; отсутствие резко выраженного неравенства в распределении доходов среди социальных групп; достаточно высокие темпы роста; высокая степень легитимности и эффективности действующего политического режима; широкая социальная база институализированных политических партий. Разработчики индекса Института Всемирного Банка «Показатели эффективности государственного управления в странах мира» определяют показатель «Политическая стабильность и отсутствие насилия» как «комбинацию индикаторов, которые оценивают вероятность того, что правительство, находящееся у власти, не может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными или насильственными мерами, включая политически-мотивированное насилие и терроризм» [4, с. 164].

Неустойчивость – кризисная ситуация в политической системе, которая может быть вызвана как внутренними, так и внешними факторами. В первую очередь возникает недовольство доли участников политического процесса, вызванное некоторой проблемой, не разрешённой институтами политической системы. Проблема может внутренней, возникшей именно в данной системе (снижение легитимности власти, рост неравенства доходов и т. д.), либо внешней, например, мировой экономической кризис, давление международного сообщества и т. д. Действующие субъекты политического процесса совершают попытку разрешения данной кризисной ситуации, и таким образом возможны два основных исхода: 1) политический процесс стабилизируется, и проблема перестаёт быть острой; 2) кризисная ситуация неустойчивости приведёт к краху политической системы.

Крах политической системы можно определить как исчезновение данной политической системы в качестве единицы политического пространства. Крах политической системы воплощён в виде революций и государственных переворотов. На базе разрушенной политической системы возникнет новая, с иной конфигурацией субъектов политического процесса и структурой политических институтов, однако во многом схожая с предшествующей политической системой. Таким образом, начало политического процесса можно определить как

возникновение новой политической системы, завершение, соответственно, как крах политической системы.

Некорректно рассматривать политический процесс между этими точками в виде его развития, кульминации и упадка, так как политический процесс нелинеен и во многом непредсказуем. Однако, если устойчивость принимается как центральная функция политической системы и существует способ определения эффективности данной функции, стабильный политический процесс можно определить как планомерный переход от одного состояния устойчивости к другому. Исходя из этого определения, этапами политического процесса будут состояния устойчивости и неустойчивости политической системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, политический процесс – последовательность качественных изменений политической системы, политических институтов и политических акторов. Так как политический процесс является структурно сложным явлением, следует выделить три уровня политического процесса. На макроуровне политического процесса происходят изменения политической системы, в первую очередь выраженные в виде изменения политического режима или политического порядка. На мезоуровне политического процесса происходят изменения политических институтов, обусловленные колеёй развития. На микроуровне политического процесса происходят изменения политических акторов и взаимосвязей между ними.

Изменения политической системы, политических институтов и политических акторов обусловлены внесистемными и внутрисистемными вызовами, которые угрожают устойчивости политической системы. Так как сохранение устойчивости политической системы является её основной функцией, а политический процесс должен продолжаться, качественные изменения происходят на каждом уровне политического процесса. Отсутствие изменений может привести к завершению политического процесса и, следовательно, к краху политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амин С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира / пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Европа, 2007. 168 с.
2. Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ). М.: Инфомарт, 1996. 305 с.
3. Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Бергер П. Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8–24.
4. Гаджиев Х. А., Семченков А. С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трёх странах // PolitBook. 2020. №1. С. 161–194.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Юрайт, 2024. 453 с.
6. Карпова Н. В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. №4. С. 216–234.
7. Колсариева Н. Ш. Вклад Д. Истона в изучение политической системы как политико-правовой категории // Бюллетень науки и практики. 2023. №3. С. 304–311.
8. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Антропологическое измерение политики: новый «Сетевой человек» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 20.05.2024).
9. Семенов Е. Е. Виртуальная сетевая парадигма политической активности // Власть. 2013. №4. С. 34–38.
10. Сетов Н. Р. Проблема стабильности политических систем в западной политической науке XX в.: бихевиоральный подход // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. №5. С. 54–66.
11. Фармер М. Рациональный выбор: теория и практика // Полис. Политические исследования. 1994. №3. С. 47–58.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Челенкова И. Ю. Концепт управления в социологическом дискурсе // Социально-гуманитарные знания. 2021. №5. С. 250–259.
14. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. №6. С. 16–18.

ARTICLE INFORMATION

Author

Dmitriy V. Afonin

- e-mail: dmitriyafonin97@gmail.com,
Postgraduate student, Department of History and Theory of Politics,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Afonin D. V. Category and levels of political process: analysis of approaches to definition. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To form a conceptual model of the political process, to define the category of “political process”, the levels of the political process and the states of the political system.

Methodology. The approaches to the definition of the political process are analyzed: behaviorist, institutional and structural-functional approaches.

Results. The analysis made it possible to identify three levels of the political process: micro-level, meso-level and macro-level; the main elements of the political process and the states of the political system are identified.

Research implications. A conceptual model of the political process consisting of three levels is proposed; definitions of the categories “political process” and “sustainability of the political system” are formulated.

Keywords

political institution, political process, political system, stability, sustainability

REFERENCES

1. Amin S. The liberal virus: permanent war and the Americanization of the world (Rus. ed.: Nagib Sh., Kastalskii S., transl. *Virus liberalizma. Permanentnaya voina i amerikanizatsiya mira*. Moscow, Evropa Publ., 2007. 168 p.).

2. Anokhin M. G. *Politicheskie sistemy: adaptatsiya, dinamika, ustoychivost' (teoretiko-prikladnoi analiz)* [Political systems: adaptation, dynamics, stability (theoretical and applied analysis)]. Moscow, Infomart Publ., 1996. 305 p.
3. Berger P. [Introduction: Cultural Dynamics of Globalization]. In: Berger P. *Mnogolikaya globalizatsiya* [The Many Faces of Globalization]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004, pp. 8–24.
4. Gadzhiev Kh. A., Semchenkov A. S. [Political System Sustainability Index: Experience of Measurements in Three Countries]. In: *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 161–194.
5. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Yurait Publ., 2024. 453 p.
6. Karpova N. V. [Sociocultural analysis of socio-political systems: methodological foundations of the study]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], 2021, no. 4, pp. 216–234.
7. Kolsarieva N. Sh. [D. Easton's contribution to the study of the political system as a political-legal category]. In: *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2023, no. 3, pp. 304–311.
8. Mikhaylenok O. M., Shchenina O. G. [The anthropological dimension of politics: new "Network man"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 20.05.2024).
9. Semenov E. E. [Virtual network paradigm of political activity]. In: *Vlast* [The Authority], 2013, no. 4, pp. 34–38.
10. Setov N. R. [The Problem of Stability of Political Systems in Western Political Science of the 20th Century: The Behavioural Approach]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political sciences], 2015, no. 5, pp. 54–66.
11. Farmer M. [Rational Choice: Theory and Practice]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1994, no. 3, pp. 47–58.
12. Huntington S. [Political order in changing societies]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2004. 480 p.
13. Chelenkova I. Y. [The management concept in sociological discourse]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2021, no. 5, pp. 250–259.
14. Eizenshtadt Sh. [Modernization failures]. In: *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2010, no. 6, pp. 16–18.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XIX ВВ. НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БУХАРА-ЖЫРАУ

Кнышова Анастасия Юрьевна

- e-mail: knyshova33@mail.ru;
аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Кнышова А. Ю. Формирование национального дискурса Казахстана во второй половине XV – начале XIX вв. на примере произведений Бухара-жырау // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 11.04.2024
- Статья размещена на сайте 29.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Роль Бухара-жырау в формировании казахского национального дискурса](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть процесс становления социально-политической мысли казахского народа во второй половине XV – начале XIX вв. через призму творчества поэта Бухара-жырау.

Процедура и методы. Проведён политико-текстологический анализ сохранившегося наследия представителей казахского устного народного творчества. В статье с помощью дискурс-анализа раскрыты основные аспекты формирования представлений о власти, независимости, государственности и даже о международных отношениях.

Результаты. Бухар-жырау создал основу для современного казахстанского концепта независимости и традиций как основы общества. В основе этой идеи лежит представление о сильном, справедливом и властном правителе. Определена важность «закона степи», который до сих пор определяет принципы взаимоотношений и влияет на социально-политическую жизнь Казахстана.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы вносят вклад в понимание современных идеологических процессов, происходящих в Республике Казахстан, что становится базой для продолжения научных исследований. Основные авторские тезисы могут быть использованы в текущей внешнеполитической деятельности России, а также для обогащения научной базы по изучению региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

единство, государство, Казахстан, нация, независимость, поэт-жырау, традиции

ВВЕДЕНИЕ

Время существования Казахского ханства определяется историками как вторая половина XV – начало XIX вв. В этот период казахские племена проживали в трёх основных жузах: старшем, среднем и младшем; с одной стороны, эти разрозненные государственные образования соседствовали с Российской и Китайской империями, с другой – отражали набеги племен джунгар и других степных кочевников. Через территорию современного Казахстана проходили важнейшие торговые маршруты, связывающие Европу и Азию, среди которых самым известным является Великий шёлковый путь. Подобное срединное положение отразилось и на менталитете казахов,

формировало удивительный сплав различных культур, а также прививало необычайные адаптационные качества этносу [3, с. 15–17].

Социально-политическая мысль данного периода имела форму устного слова, выразителями которого являлись певцы-«жырау». Этот жанр казахской поэзии берёт свое начало в XV в. Певцы-жырау считаются родоначальниками национальной литературы. В своих стихотворениях-размышлениях авторы-жырау давали мудрые советы, рассуждали о добре и справедливости, путях государственного устройства, воспевали идею национального единения, а также рассуждали об интересах нации.

Между племенами обмен народной мудростью и знаниями происходил во время соревнований певцов-жырау, которые назывались «айтысы». Иногда они собирались из близлежащих сёл, а иногда – со всего жуза, чтобы соревноваться в искусстве импровизации, попутно поднимая в своих стихах как остросоциальные, так и политические вопросы. На таких соревнованиях люди выясняли, кто является лучшим оратором, и впитывали через песни накопленный опыт соседей, разбирали насущные вопросы, находили выход из непростых ситуаций [10, с. 27].

Устное слово накапливало мудрость предыдущих поколений и было нацелено на её передачу молодым людям. Поскольку данный жанр пользовался широкой популярностью в народе, дети в казахских племенах имели природную склонность к сочинению без предварительной подготовки. Каждое важное событие в жизни человека сопровождалось изречением, преданием и тем самым составляло неотъемлемую часть повседневной жизни [11, с. 140–142].

Важное значение для текущего изучения становления национальной идеи является комментарий М. Ж. Спанова и З. Б. Малгараева, что поэты-жырау хранили особое знание – «Шежіре» («история племён и родов»). Она хранилась, дополнялась ими и передавалась из уст в уста. «Шежіре» содержит важные частности о жизни предков, верования, традиции, а также ключевую информацию о родственных связях и знатности. Тем самым акыны сохраняли и создавали летопись целого народа, созидая и поддерживая их основные национальные и культурные мотивы [14, с. 150].

Подчас певцы-жырау становились признанной политической силой, которая могла влиять на процесс принятия решений в государстве. Они в своей деятельности были не только поэтами, но ещё и «биями» (руководителями) и «батырами» (военачальниками). Тем самым особо почитаемые певцы реализовали идеальную форму правления по принципу «Государства» Платона, а именно – становились советниками ханов, передавали им мудрость и наставляли на истинный путь в процессе управления. «Жырау» были посредниками между правителем и народом, если хан хотел получить обратную связь от страны, находил её выражение через изречения «жырау».

Вокруг представителей «Устного Слова» складывался мистический ореол, они наделялись провидческими качествами. Перед сражениями ханы не только с ними советовались, но и просили истолковать сновидения, обратиться к духу предков, провести обряд. Исполнение самой песни – «жыра» – имело также и сакральное значение, способствовало формированию определённого настроения. Непосредственно перед боем пение и игра на национальном инструменте – кобызе – воодушевляли и ободряли воинов, что было особенно актуально в силу непростой внешней обстановки и частых набегов извне [13, с. 225–227].

Для современных исследований «Устное Слово» – ядро для изучения социально-политической мысли Казахстана, поскольку оно представляет собой базу для формирования идеологии, поиска национального пути. Данная мудрость сочетает в себе основы мировоззрения общества, следующие поколения мыслителей основывались прежде всего на традиции певцов-жырау и продолжали развивать поднятые ими проблемы.

Весомый вклад в изучение творчества певцов-жырау внесли такие исследователи, как: С. М. Алтыбаева, К. Жанабаев [8], А. А. Иманбаев, М. Ж. Спанов, З. Б. Малгараева, Н. Ж. Шаймерденова. В свою очередь, комплексный анализ творчества видного представителя литературного движения акынов – Бухаражырау представлен в работах А. Абдурахманова, Э. Т. Идрисовой и А. С. Сагатовой [9].

С помощью политико-текстологического анализа автором статьи рассмотрено наследие поэтов-«жырау» как выразителей народной мудрости, а дискурс-анализ позволяет определить восприятие государственности, взаимодействие внутри общества, международные отношения, а также важность сохранения наследия предков.

РОЛЬ БУХАРА-ЖЫРАУ В ФОРМИРОВАНИИ КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Бухар-жырау Калкаманулы¹ одним из первых призывает народ к объединению, говорит о важности подчинения единому центру, а в качестве идеала воспекает эпоху правления Абылай-хана², который, как храбрый полководец и умелый руководитель, смог объединить казахские жузы в ответ на внешнюю угрозу со стороны кочевников [6, с. 65].

Современные исследователи периода «жырау» уделяют особое внимание политической составляющей их творчества, поскольку, как лидеры общественного мнения, пусть даже и в небольших группах, они вносили существенный вклад в формулирование национальных идей. Как отмечает О. Сулейменов³, Бухара-жырау можно сравнить с выдающимися героями казахской истории, которые боролись за объединение с помощью военного искусства, а он, в свою очередь, с помощью слова. О. Сулейменов переводит поэтические строки Бухара-жырау и проводит комплексный сравнительный анализ, сопоставляя его высказывания с политикой, проводимой Абылай-ханом, советником которого являлся поэт⁴.

Бухар-жырау являлся бием, занимался правосудием. Поэтому в своих произведениях он много рассуждал о добре и зле, справедливости наказания и об устройстве своего государства. Продолжая идеи Асана Кайгы⁵ и принимая участие в составлении свода правовых норм казахского государства, он руководствовался традиционными представлениями об организации жизни. Во главе государства стоит хан, в руках которого сосредоточены три ветви власти, он принимает решения, которыми руководствуются подданные. Вопрос смещения и назначения правителя может быть реализован на собрании маслихата (народного собрания) [4, с 418].

¹ Бухар-жырау Калкаманулы (1668–1781 гг.) – казахский поэт, бий (судья), главный советник известного казахского хана Абылая.

² Абылай-хан (1711–1781) – казахский государственный и политический деятель, хан всего Казахского ханства, признанный большей частью всех трёх жузов.

³ Олжас Сулейменов (род. 1936) – казахский общественный деятель, поэт, писатель, дипломат и литературовед.

⁴ История Казахстана. Бухар-жырау Калкаманулы [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/33505> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ Асан Кайгы (XIV в. – вт. пол. XV в.) – поэт, бий и наставник основателей Казахского ханства Кирея и Жанибека.

Произведения Бухара-жырау представляют собой поэзию, которая выполняет идеологическую функцию, зачастую служит интересам государства. Идея сильной государственности и ханской власти воспевается автором. Волнение по поводу будущего его собственной страны приводит к обращениям к правителю, в которых он призывает сохранить мир и оградить людей от бедствий [2, с. 420].

Важным мотивом в его размышлениях выступает идея единства и сплочённости. Он призывает казахский народ быть цельным, только тогда они обретут свою истинную силу и смогут выстоять во всех испытаниях.

«На всякий случай желаю вам тишины ... дружеского плеча, когда подступает войско, знамёна свои плеча»⁶.

Он также воспевает такие национальные качества, как стойкость, храбрость и смелость, и говорит, что их развитие – залог дальнейшего процветания нации. По-своему, он чётко предчувствует будущие изменения в жизни казахов, предстоящие набеги и присоединение жузов к территории Российской империи.

Говоря о России, Бухар-жырау призывал к выстраиванию дружественных отношений с соседними народами, в том числе с тюркскими народами Российской империи. Более того, мыслитель настаивает на главном принципе единения с союзниками и верности договорённостям, достигнутым с российскими правителями с целью защиты от других кочевых племён.

«Ойраты против брата своего пошли...

И в результате этой драки в становищах бывших их – никого нет, даже дико воющей собаки».

«И разбрелись бездумно кто куда, ведь не были они единодушны».

«Так будьте вы – как этих уток стаи, колеблющих едва речную гладь,

кочующих, усталости не зная.

Пусть скажут, что сдружились меж собой, забыв вражду былую баев дети. ...

Погибнет пусть отставший аргамак – не смогший вас разъединить чужак.

⁶ Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Советский писатель, 1978. С. 129.

Пусть враг обходит вас всё время стороной – Вы братья по крови от матери одной»⁷.

Он также известен своими наставлениями своему современнику хану Абылаю [12, с. 55], которого он предостерегает от вражды с Россией, потому что агрессивные действия казахского правителя против северного соседа и союзника идут вразрез с чаяниями своего же казахского народа, а также становятся причиной роста недоверия к казахам со стороны русских. Тем самым властные амбиции Абылая не только не находят поддержки в среде интеллигенции, к которой принадлежит Бухар-жырау, но и закладывают почву для народного восстания, поскольку хан поступается традициями и нарушает установившийся мир.

«Ты с русскими воюя, Абылай, вражды к родным степям не вызывай,

*С народом не живи ты во вражде,
Певца, как я, ты не найдешь нигде»⁸.*

Будучи главным советником, он прямо говорит об ошибках главы государства, который хочет напасть на русские крепости. Он тем самым выражает мнение народа, выступающего против конфликтов с соседним государством.

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ БУХАРА-ЖЫРАУ

Бухар-жырау был почитаем, в том числе за его глубокое чувство любви к родине. Он воспеваает героев, «потрудившихся во славу народа», утверждает, что для сохранения своей независимости и свободы казахский этнос прежде всего должен ощущать своё единство и хранить традиции.

Объединение казахстанцев в наши дни начинается с соблюдения традиций, которые лежат в основе современной идеологии. Принцип нерушимости заветов предков отражается даже в названии правящей партии «Аманат» (с каз. – «зов предков»).

Бухар-жырау приводит в пример долгие войны казахов с джунгарами, победить в которых получилось благодаря вре-

⁷ Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Советский писатель, 1978. С. 130.

⁸ Пряхин В. Льетса песня под домбру: фольклор и литературные памятники Казахстана. Классика литератур СНГ. Казахстан. М.: Художественная литература, 2009. С. 425.

менному объединению трёх жузов. Поскольку разрозненным землям нужен был сильный руководитель, поэт-жырау находит его именно в лице Абылай-хана. Бухар-жырау считал, что постоянные набеги и внутренние междоусобицы могут быть прекращены только путём объединения. В своих произведениях он изображает хана как неустрашимого героя, проявляющего небывалое мужество в борьбе с врагом, как правителя, способного сплотить три жуза [4, с. 419].

Когда хан злоупотребляет своей властью, поэт-жырау противостоит ему. В частности, Ч. Валиханов⁹ [5, с. 310] пишет, что однажды Абылай решил направить карательное войско на один аул за мелкий проступок местного руководителя. Никто не решался перечить, и только Бухар-жырау сказал:

*«О, Аблай, подобно яркой звезде возносится
И соперничает с горами твоя слава,
Потушите гнев, если потушите гнев,
То виновный сам придёт с поклоном и подарками»¹⁰.*

В итоге Абылай смиловился и отступил. Бухар-жырау настаивал, что хан, которого не поддерживает его народ, долго не продержится у власти. В своих мудростях он предостерегал от опасного маневрирования в отношениях с соседями – Россией и Китаем, настаивал на установлении тесных политических связей, которые позволят обеспечить прочный союз на международной арене, в том числе защититься от внешних игроков в регионе – таких как Великобритания и другие кочевые племена. Более того, тесные экономические отношения с соседями смогут укрепить народное хозяйство казахского народа, тем самым защитив их от «беды».

Развивая идеи Бухар-жырау, поэт Шал-акын¹¹ [7, с. 125] так же пишет:

*«Жигиты, не тратьте хвастливых речей,
Себя не считайте соседей важней.
Беда подойдёт – вы не только врагов,
Но даже не найдёте себе друзей»¹².*

⁹ Чокан Валиханов (1835–1865) – учёный, историк, этнограф, фольклорист, путешественник и востоковед.

¹⁰ Пряхин В. Льется песня под домбру: фольклор и литературные памятники Казахстана. Классика литератур СНГ. Казахстан. М.: Художественная литература, 2009. С. 418–419.

¹¹ Шал-акын (1748–1819) – казахский акын и импровизатор.

¹² Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Советский писатель, 1978. С. 152.

За выдающиеся ораторские способности Бухар-жырау получил прозвище «святая гортань» (с каз. «Комекей аулие»). При этом он был известен не только за свои речи, но ещё и благодаря дару предсказания. Опираясь на свои научные знания в области дипломатии и астрономии, по расположению звёзд, поведению животных, путём бесед с мудрецами Бухар-жырау мог судить о развитии обстановки на поле боя, природных условиях и даже политической ситуации. Он был довольно образованным человеком, который своими трудами продолжил формировать основы национальной идеи казахского народа [1, с. 2243].

Важной составляющей социально-политических идей Бухара-жырау является религия. В своих произведениях, в отличие от предшественников, опиравшихся преимущественно на традиции общества, а не на религию, он часто цитирует Коран, обращается к пророкам ислама. Его основная идея заключается в том, что вера – главный спутник благополучия как одного человека, так и всего общества.

«Первое вам пожеланье – жить, как велел Аллах...

Пятое вам пожеланье – в сутки свершать пять раз древний святой намаз»¹³.

При этом за грехи хана, за несправедливую политику и неразумные набегі будет расплачиваться весь народ. Он неоднократно предостерегает правителей и своих сограждан, говорит, чтобы они жили согласно высшим заветам:

«Аблай-хану так скажу: Степь войной не разори.

Войны – кровожадных пир, жизнь тяжка и бренен мир, добротой его продли».

У Бухара-жырау так же, как и у его предшественников-жырау, можно найти идею об утопической земле, где царит благоденствие:

«Поздно уносит там смерть людей, овцы дважды в год ягниться. Для благоденствия жён и детей надо туда отправляться»¹⁴.

Он продолжает мысль своего предшественника и говорит о том, что только следование традициям, ориентация на внутренние вопросы общества, а не на завоевания спасёт земли от несчастий.

¹³ Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Ленинград: «Советский писатель», 1978. С. 124.

¹⁴ Пряхин В. Льетса песня под домбру: фольклор и литературные памятники Казахстана. Классика литератур СНГ. Казахстан. М.: Художественная литература, 2009. С. 420.

В его представлении рядом с государем должны находиться мыслители:

«Кто является хранителем сокровищ? Они хранятся не у богатых и ханов, а во рту у мудрецов. У них одна челюсть золотая, другая – серебряная»¹⁵.

В идеальном государстве в представлении казахских поэтов-жырау среди всех почитаемых традиций предков должен господствовать основной закон степи – помощь путнику. Где бы человек ни находился в дороге, он всегда может обратиться за помощью к своим согражданам, и они должны предоставить ему пищу и кров, помочь и обезопасить каждого гостя независимо от их материального положения [13, с. 222].

*«Ты гостей принимал под сенью шатра,
Угощеньем была им мяса гора,
И ко всем твоя милость была щедра»¹⁶.*

При этом нарушение закона гостеприимства – один из самых порицаемых поступков, поскольку порой он ставит под угрозу жизнь человека, а также показывает маргинальность того, кто отказал в помощи.

За нарушением традиции гостеприимства может последовать и долгая, но справедливая месть:

*«Не называй бедняка бедняком,
Не знаешь ты, кем он будет потом.
Он может в степи безлюдной бродить
И за обиды свои отомстить».*

Весьма важно соблюдать линию наказания: если поклялся мстить, примирение редко возможно и доведение до конца является делом чести.

*«Жизнь, без толку прожитая – я тебя не берегу,
Если я, пылая мезтью, отомстить не смог врагу»¹⁷.*

Мотив соблюдения древних казахских традиций жив и по сей день, он проявился во время Великой Отечественной войны, когда народы Центральной Азии размещали у себя людей, эвакуированных с оккупированных территорий, становились семьей для детей-сирот и были рады каждому гостю.

¹⁵ Пряхин В. Льетса песня под домбру: фольклор и литературные памятники Казахстана. Классика литератур СНГ. Казахстан. М.: Художественная литература, 2009. С. 14–15.

¹⁶ Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: «Советский писатель», 1978. С. 138.

¹⁷ Поэты Казахстана / под ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Советский писатель, 1978. С. 103.

В современном Казахстане крепки родственные и дружеские связи, а отказ от закона степи хоть и не ведёт к мести, но служит причиной для глубокой обиды не только на бытовом, но и на государственном, а также на международном уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная идея казахов начинает формироваться с обособлением части территорий, которые впоследствии стали ядром казахстанской государственности, от ханства Абулхайра¹⁸ [15, с. 86].

Издrevле этот народ славится своим фольклорным творчеством, его представители импровизационно сочиняли философские стихи и тем самым описывали те события, которые происходили непосредственно на их глазах. Поэтому базу для исследования представляют устные произведения национальных мастеров.

Бухар-жырау проделал большую работу по аккумуляции национальной мысли и последующему выражению её в ёмких стихотворениях. Примечательно, что данная тематика остаётся в центре научного дискурса и сегодня.

На сегодняшний день идея независимости и сохранения традиций предыдущих поколений составляет основу внешней и внутренней политики нынешнего высшего руководства страны. Представление о том, что во главе идеального для степного народа государства должен стоять сильный правитель из знатного рода, находит своё отражение в структуре политического руководства. Вместе с тем в случае несправедливости граждане имеют право на восстание.

Путь к спасению и процветанию заключается в территориальном единстве, авторитетной и справедливой власти и столь же благородном народе. Тем самым творчество поэтов-жырау – это не просто набор афоризмов и размышлений, а перечень задач, которые должно поставить перед собой казахское ханство в грядущее время.

Основной закон степи остаётся стабильным моральным нарративом, а также обеспечивает стойкие связи казахов за рубежом, позволяя укреплять казахские диаспоры и находить

¹⁸ Абулхайр хан (1412–1468) – правитель Узбекского ханства с 1428 по 1468 гг., потомок чингизидов.

помощь среди соотечественников даже в самых отдалённых уголках Земли.

Таким образом, в основе творчества мыслителей периода казахского ханства лежат вечные принципы, составляющие основу всякого государства. Путь формирования национальности и, следовательно, её идеи лежит в реализации на практике этих принципов, что философы возлагают на потомков. Поэтому произведения поэтов-жырау не просто фольклорное творчество, а комплекс целей и задач, которые должен ставить перед собой Казахстан для достижения благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманова А. Видный представитель литературы Букар Калкаманули // *Science and innovation*. 2022. Т. 1. №8. С. 2242–2245.
2. Алтыбаева С. М. Степное знание как историко-культурный и эстетический феномен // *Известия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана*. Серия: Филологические науки. 2023. Т. 70. №3. С. 411–433.
3. Барлыбаева Г. Г., Нысанбаев А. Н. Этическая мысль казахов как основа духовного возрождения страны // *Вопросы философии*. 2018. №9. С. 13–19.
4. Бегалинова К. К., Ашилова М. С., Бегалинов А. С. Культура казахского народа: сущность и особенности // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2022. №17. С. 416–421.
5. Валиханов Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. I. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
6. Гиззатов С. М., Нартбаев Ш. Ж., Отеуов Н. Н. Степная дипломатия Хана Абылая: к истории казахско-ойратских отношений (волжские калмыки, джунгары) XVIII века // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1 Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. №2. С. 62–71.
7. Елубаева М. С., Нусипжанов Е. К. Назидания Шала Кулекеулы // *Студенческие научные достижения*. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 123–126.
8. Жанабаев К., Шаймерденова Н. Ж. Гуманистические идеи в поэзии Жырау XV–XVIII веков // *Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: материалы конференции, Магас, 19–23 мая 2021 г. Назрань: КЕП, 2021. С. 282–287.*

9. Идрисова Э. Т. Мудрость как мировосприятие и мировоззрение в поэзии жырау: от Асана Кайгы до Шалкииз // Язык. Культура. Перевод: лаборатория актуальных смыслов: сборник научных трудов / под ред. В. А. Иконниковой, Е. В. Глушко, Н. А. Гусейновой. М.: Русайнс, 2023. С. 206–211.
10. Иманбаев А. А., Аккулива А. Е. Особенности и специфика казахской философии // Перспективы реализации междисциплинарных исследований: сборник статей международной научной конференции, Нижневартовск, 21 февраля 2023 г. СПб.: Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова, 2023. С. 26–28.
11. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 620 с.
12. Нурлигенова З. Н., Рева Д. Д., Максимов П. П. Абылай хан: биография и деятельность военного лидера // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Прага, 31 октября 2022 г. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2022. С. 53–57.
13. Сагатова А. С. Мировоззренческие модели национального сознания // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. №2. С. 218–233.
14. Спанов М. Ж., Малгараева З. Б. Творчество жырау и формирование национальной идеи // Адам әлемі. 2021. №1. С. 52–65.
15. Темиргалиев Р. Ак-Орда. История Казахского ханства. Алма-Ата: Аспандау, 2013. 420 с.

ARTICLE INFORMATION

Author

Anastasia Yu. Knyshova

- e-mail: knyshova33@mail.ru,
Postgraduate student, Department of History and Theory of Politics,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Knyshova A. Yu. National discourse formation in Kazakhstan in the second half of the 15th – beginning of the 19th centuries by the example of the works of Bukhar-zhyrau. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To consider the process of Kazakh people's social and political thought formation in the second half of the 15th - early 19th centuries through the prism of the work of the poet Bukhar-zhyrau.

Methodology. A political and textual analysis of the surviving heritage of representatives of Kazakh oral folk art was carried out. Using discourse analysis, the article reveals the main aspects of the formation of ideas about power, independence, statehood and even international relations.

Results. Bukhar-zhyrau created the basis for the modern Kazakh concept of independence and traditions as the basis of society. This idea is based on the idea of a strong, fair and powerful ruler. The importance of the "law of the steppe" is stated, which still determines the principles of relationships and influences the social and political life of Kazakhstan.

Research implications. The research conclusions contribute to the understanding of modern ideological processes occurring in the Republic of Kazakhstan, which becomes the basis for continuing scientific research. The main theses of the study can be used in the current foreign policy activities of Russia as well as enriching the scientific base for the study of the region.

Keywords

unity, state, Kazakhstan, nation, independence, poet-zhyrau, traditions

References

1. Abdurakhmanova A. [Outstanding representative of literature - Bukar Kalkamanuli]. In: *Science and innovation*, 2022, vol. 1, no. 8, pp. 2242–2245.
2. Altybayeva S. M. [Steppe knowledge as a historical-cultural and aesthetic phenomenon]. In: *Izvestiya Kazakhskogo universiteta mezhdunarodnykh otnoshenii i mirovykh yazykov imeni Abylai khana. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Ablai Khan KazUIRandWL. Series: Philological sciences], 2023, vol. 70, no. 3, pp. 411–433.
3. Barlybayeva G. G., Nysanbayev A. N. [Ethical thought of Kazakh People as a basis of the spiritual revival of the country]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2018, no. 9, pp. 13–19.
4. Begalinova K. K., Ashilova M. S., Begalinova A. S. [The culture of the Kazakh people: essence and features]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: development trends and prospects], 2022, no. 17, pp. 416–421.
5. Valikhanov Ch. *Sobranie sochinenii. T. I* [Collected Works. Vol. I]. Alma-Ata, Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoj entsiklopedii Publ., 1984. 432 p.
6. Gizatov S. M., Nartbaev Sh. M., Oteuov N. N. [Steppe diplomacy of Khan Abylai: on the history of Kazakh-Oirat (Volga Kalmyks, Dzhungars) relations of the 18th century]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1 Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyge State University. Series "Regional Studies: philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"], 2022, no. 2, pp. 62–71.
7. Yelubayeva M. S., Nusipzhanov E. K. [Edifications of Shal Kulekeuly]. In: *Studencheskie nauchnye dostizheniya* [Student scientific achievements]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2019, pp. 123–126.
8. Zhanabaev K., Shaimerdenova N. Zh. [Humanistic ideas in the poetry of Zhyrau of the 15th–18th centuries]. In: *Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie problemy modernizatsii Kavkaza: materialy konferentsii, Magas, 19–23 maya 2021 g.* [Humanitarian and socio-political problems of modernization of the Caucasus: conference materials, Magas, May 19–23, 2021]. Nazran, KEP Publ., 2021, pp. 282–287.
9. Idrisova E. T. [Wisdom as a Worldview and World Perception in Zhyrau Poetry: from Asan Kaigy to Shalkiiz]. In: Ikonnikova V. A., Glushko E. V., Guseinova N. A., eds. *Yazyk. Kul'tura. Perevod: laboratoriya aktual'nykh smyslov: sbornik nauchnykh trudov* [Language. Culture.

Translation: laboratory of actual meanings: collection of scientific works]. Moscow, Rusains Publ., 2023, pp. 206–211.

10. Imanbaev A. A., Akkuliva A. E. [Features and specifics of Kazakh philosophy]. In: *Perspektivy realizatsii mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Nizhnevartovsk, 21 fevralya 2023 g.* [Prospects for the implementation of interdisciplinary research: collection of articles from the international scientific conference, Nizhnevartovsk, February 21, 2023]. St. Petersburg, Mezhdunarodnyi institut perspektivnykh issledovaniy imeni Lomonosova Publ., 2023, pp. 26–28.
11. Erofeeva I. V., Zhanaev B. T., eds. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka* [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries. Vol. V. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. First half of the 19th century]. Almaty, Daik-press Publ., 2007. 620 p.
12. Nurligenova Z. N., Reva D. D., Maksimov P. P. [Ablai Khan: Biography and Activities of the Military Leader]. In: *Nauka i obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Praga, 31 oktyabrya 2022 g.* [Science and Education: Problems and Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Prague, October 31, 2022]. Neftekamsk, Nauchnoizdatel'skii tsentr "Mir nauki", 2022, pp. 53–57.
13. Sagatova A. S. [Worldview models of national consciousness]. In: *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyov. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies], 2022, no. 2, pp. 218–233.
14. Spanov M. Zh., Malgaraeva Z. B. [The creativity of zhyrau and the formation of the national idea]. In: *Adam əlemi* [Adam alemi], 2021, no. 1, pp. 52–65.
15. Temirgaliev R. *Ak-Orda. Istoriya Kazakhskogo khanstva* [Ak-Orda. History of the Kazakh Khanate]. Alma-Ata, Aspandau Publ., 2013. 420 p.

ПРИЧИНЫ ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА

Комлева Наталья Александровна

- e-mail: komleva1@yandex.ru;
доктор политических наук, профессор,
директор Центра геополитического анализа;
Академия геополитических проблем
109552, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 74, Российская Федерация

Для цитирования

Комлева Н. А. Причины деградации политических элит современно-го Запада // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.06.2024
- Статья размещена на сайте 23.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Глобальное доминирование крупнейших корпораций как ос-
новная причина деградации политических элит Запада](#)

[Замещение государственных структур частными в процессе
эволюции буржуазии как класса](#)

[Способы осуществления целенаправленной деградации поли-
тических элит и электората западных стран](#)

[Канцлер Шольц и Варбург](#)

[Президент Макрон и Ротшильды](#)

[Президент Байден и Рокфеллеры](#)

[Глобальные цели глобальных корпораций](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение геополитических причин процесса деградации политических элит ведущих стран современного Запада.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ причин деградации политических элит стран современного Запада, в частности США, Федеративной Республики Германии, Французской Республики. Применяются системный, компаративный и феноменологический методы исследования.

Результаты. На основе проведённого анализа автор приходит к выводу, что в период борьбы геополитических акторов, осуществлявшейся преимущественно в географическом и информационно-идеологическом пространстве, основным действующим лицом являлось государство, и высокое качество его элит имело решающее значение; однако в период доминирования экономических корпораций роль государства и качество политических элит неизбежно снижаются до всё более критических значений, поскольку они выступают не самостоятельным актором, а ширмой и функциональным обеспечением глобальной борьбы корпораций на поле внешней и внутренней политики, причём также внутри собственной страны.

Теоретическая и практическая значимость. Определённый вклад в теорию политических систем вносит установление прямой зависимости внутренней и внешней политики ключевых стран Запада от интересов крупнейших бизнес-корпораций, а также рассмотрение основных форм её проявления. Учёт фактора и причин деградации политических элит современного Запада позволит выстроить эффективную стратегию взаимодействия Российской Федерации с коллективным Западом и его отдельными представителями в геополитическом процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальные корпорации, политическая элита, деградация политических элит, политическое спонсорство, спонсоры предвыборных кампаний

От США до Германии, от Северной Европы до Южной мы видим во власти преимущественно серых, необразованных, ничем не примечательных, напичканных примитивными идейными установками, некомпетентных, но зато очень самодовольных и обмирающих от самолюбования руководителей.

А. Пушков¹

ВВЕДЕНИЕ

Феномен деградации в словарях и энциклопедиях определяется следующим образом: «*Деградация* (от лат. *degradatio*, буквально – снижение) – движение назад, постепенное ухудшение, упадок, снижение качества»². Факт деградации политических элит западных стран отмечают как политики³, так и учёные [9]⁴. Политики обычно не указывают причин данного явления, отмечая наличие самого феномена, но учёные, как им и полагается, такие причины называют. Это поколенческий разрыв в восприятии международных отношений, войн и политики в целом (отсутствие реального военного опыта), снижение качества образования, в том числе высшего, и общего уровня знаний, ориентация образовательных программ на выпуск «поливалентных управленцев», готовых работать как в государственных, так и в частных структурах и рассматривающих госслужбу как ступень к переходу в топ-менеджмент корпораций⁵.

Однако существуют более глубокие причины деградации политических элит Запада, и они относятся не к области соци-

¹ А. Пушков. Телеграм-канал [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/alexey_pushkov/10575 (дата обращения: 01.06.2024).

² Деградация // Большая советская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/160780> (дата обращения: 01.06.2024).

³ См., напр.: В МИД России заявили о деградации политических элит Запада // Международная жизнь: [сайт]. [22.11.2022]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36767> (дата обращения: 27.06.2024); Гомзикова С. Генри Киссинджер: Европейские элиты деградируют // Свободная пресса: [сайт]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/340667> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ См. также: Руткевич Н. Американизация Старого Света и феномен «устойчивой деградации элит» // Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/amerikanizacziya-starogo-sveta> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Руткевич Н. Американизация Старого Света и феномен «устойчивой деградации элит» // Россия в глобальной политике: [сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/amerikanizacziya-starogo-sveta> (дата обращения: 03.06.2024).

альной психологии или образовательной политики, а к сфере геополитики. В данной статье автор постарается их изучить.

ГЛОБАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ КРУПНЕЙШИХ КОРПОРАЦИЙ КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЗАПАДА

Автор полагает, что геополитическое пространство имеет четыре основных типа: географическое, экономическое, информационно-идеологическое и информационно-кибернетическое (со второй половины прошлого века). Эти пространства не являются рядоположенными, среди них существует иерархия, конкретное проявление которой изменяется в соответствии со спецификой конкретного исторического этапа развития человечества [2]. В период, началом которого выступает эпоха формирования первых государств, а окончанием – образование первого социалистического государства с последующим формированием целой системы государств социалистического типа и «стран социалистической ориентации», главным выступало пространство географическое, а показателем доминирования служил военный захват территорий. Затем наступила эпоха сосуществования капитализма и социализма и их системного противоборства, в ходе которого первостепенным являлось пространство информационно-идеологическое, основным трендом – идеологическая борьба, при этом эффективным результатом со стороны мировой системы социализма выступал переход экономической, политической и культурной систем других стран на платформу коммунистической идеологии и практики, а со стороны капиталистической системы – отрыв стран от социалистического сообщества и сохранение капиталистического характера социума стран «свободного мира» с функционированием базовой для капитализма либеральной идеологии. «Крупнейшая геополитическая катастрофа»⁶ конца XX в., т. е. распад СССР и крушение мировой системы социализма, имела своим следствием не только формирование однополярного капиталистического мира с единственной сверхдержавой, но и очередное изменение иерархии основных геополитических пространств. В современный период времени,

⁶ Текст Послания Президента России Федеральному Собранию // Российская газета: [сайт]. [25.04.2005]. URL: <https://rg.ru/2005/04/25/postlanie-text.html> (дата обращения: 29.05.2024).

после окончания глобальной борьбы коммунистической и либеральной идеологий, на первое место выходит пространство экономическое, что является следствием глобального распространения и доминирования экономических корпораций Запада в отсутствие такого сильного противника, как совокупное экономическое пространство стран мировой системы социализма, а также разрушения этакратической экономики стран мировой системы социализма с присущими ей ограничениями деятельности крупного капитала (а иногда деятельности среднего и даже малого бизнеса) и дозированным допуском иностранного, преимущественно западного, капитала в пространство социалистической экономики с доминированием в нём общенародной формы собственности. Более того, само по себе глобальное доминирование крупнейших корпораций Запада обуславливается тем фактом, что наёмные работники и низшие социальные слои уже не могут обращаться к исчезнувшим социальным практикам социализма и требовать внедрения идентичных или похожих социальных практик в жизнь данного социума, получая при этом ещё и политическую и, частично, экономическую поддержку от мирового социализма с его государственными и надгосударственными структурами, нацеленными на распространение социалистических практик по всему миру. Поскольку капиталистические государства Запада всё ещё, пусть и формально, сохраняют конкурентные выборы как основной механизм формирования законодательной ветви государственной власти, которая, в свою очередь, определяет параметры формирования исполнительной ветви власти, социальные ориентации, намерения, мнения электората, т. е. этих самых низших социальных слоёв и наёмных работников, являются фактором, который поневоле учитывается в рамках процесса функционирования социума. Основным институтом поддержания баланса между интересами «труда и капитала», а также между интересами корпораций и «населения» является государство, и качество его политической элиты является важным и даже определяющим фактором сохранения социального мира и равновесия в социуме. Геополитический баланс, обусловленный противостоянием двух сверхдержав и блоков дружественных им государств, нарушен, новый только ещё формируется, и «победители в Холодной войне» оказались в поле безнаказанности в отсутствие необходимых сдержек и противовесов. Это основная причина того, что глобальные кор-

порации Запада изменяют в соответствии со своими интересами не только экономические, но и все иные характеристики современного мира, включая политические системы. В политологическом дискурсе этот процесс называется глобализацией. *Глобальное доминирование капитализма и капиталистических экономических корпораций стало основной характеристикой современной жизни. С целью сохранения этого доминирования западные корпорации изменяют «под свои интересы» оба института социума: и государство, и электорат.* Этот результат, разумеется, достигается не одномоментно, но в ходе длительной эволюции целеполагания и средств достижения целей крупнейших корпораций.

ЗАМЕЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР ЧАСТНЫМИ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ БУРЖУАЗИИ КАК КЛАССА

В период своей социальной юности буржуазия стран Запада осуществляла силовой «перехват управления» обществом и ставила под свой контроль институт государства для обеспечения законодательной, силовой и финансовой защиты своих собственных интересов в период осуществления буржуазных революций XVI – первой половины XIX вв. Однако с углублением процесса внутренней дифференциации самой по себе буржуазии и выделением внутри неё страты не просто крупного и крупнейшего, но олигархического капитала⁷ последний начинает создавать служебные структуры различного порядка, фактически приватизирующие часть функций министерств внутренних дел, обороны, науки и разведывательных структур [подробнее см.: 3], а именно:

– частные сыскные агентства – возникают в 1830-е гг., но транснациональными и глобальными корпорациями интенсивно используются со второй половины XX в.;

– частные агентства по сбору информации как личного, так и бизнес-характера, а иной раз и по сбору информации в сфере деятельности ОПК и официальных силовых структур. Выделились из ЧСА во второй половине XX в.;

⁷ Олигархия – это защита собственности (обеспечение безопасности богатства и имущества) и доходов (сохранение как можно большего потока доходов и прибыли от своего богатства в условиях гарантированных прав собственности) людьми, управляющими и контролирующими значительные объёмы материальных ресурсов, политическими средствами [12, pp. 6–7].

- частные разведывательные структуры – созданы для осуществления промышленного шпионажа и противодействия ему, получили наибольшее распространение на рубеже XX–XXI вв. («корпоративная разведка»);

- частные коммуникационно-кибернетические системы – начало их функционирования совпадает с началом XX в., а наибольшее распространение наблюдается со второй половины XX в.;

- частные научно-исследовательские структуры, возникшие в начале XX в. для обеспечения эффективности развития определённого бизнеса;

- частные военные компании (ЧВК), создаются в XVII в. как структуры, функционирующие внутри корпораций для вооружённой защиты их производственных объектов от экономических соперников и нелояльного населения стран размещения таких объектов (Британская Ост-Индская компания, к примеру, имела не только свою собственную частную армию, но и флот⁸), но затем в 80-е гг. XX в. ЧВК постепенно становятся юридически самостоятельными бизнес-структурами, с которыми заключаются договоры на «вооружённое обслуживание» [подробнее об этом см.: 1].

- частные тюрьмы появляются в XX в., но распространяются и особенно активно эксплуатируются на рубеже XX–XXI вв. и в XXI в.

В XXI в. глобальные корпорации для осуществления своей экспансии при поддержке соответствующих государств базирования стали применять технологию создания государствоподобных структур, наиболее известной из которых является Исламское государство⁹ (первоначально – Исламское государство Ирака и Леванта, ИГИЛ, возникшее в 2013 г. в ходе эволюции радикального исламистского движения «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад», год создания – 1999). Необходимо отметить, что различные радикальные и экстремистские движения и организации используются крупными корпорациями Запада ещё со времён Афганского кризиса 1979–1989 гг., постепенно теряя статус аргумента в политико-идеологическом

⁸ О частных военизированных структурах и частных военных и торговых флотах британских акционерных компаний см.: [11]. Собственные воинские контингенты имели Французская (1664–1769 гг.) и Голландская (1602–1798 гг.) Ост-Индские компании.

⁹ Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации – прим. ред.

соревновании «двух систем» и приобретая всё более отчётливый характер аргумента в экономическом споре за источники сырья и рынки сбыта. Такого рода движения, организации и государствовподобные образования являются «превращённой формой» ЧВК и используются для того, чтобы скрыть лицо и роль конкретных экономических корпораций, заинтересованных в экспансии на определённые территории.

После исчезновения мировой системы социализма и осуществления уже ничем не сдерживаемой экспансии крупных и крупнейших корпораций в полном смысле слова в глобальном масштабе, во-первых, сформировались глобальные корпорации как таковые, а во-вторых, наступила следующая стадия отношений такого экономического института, как корпорации, и такого политического института, как государство, – постепенное превращение нации-государства в корпорацию-государство (термин А. И. Фурсова). «В корпорации-государстве от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способных вызвать протест и массовые волнения»¹⁰. На стадии корпорации-государства не политики сами по себе, но главы и топ-менеджмент крупнейших монополий определяют внешнюю и внутреннюю политику страны по согласованию друг с другом в рамках межкорпоративного общения – и более того, определяют глобальную «повестку дня», исходя из своих интересов. *Корпорации поглотили государство, а процесс замещения государственных функций деятельностью частных структур наконец дошёл до своего логического предела – и само государство целиком стало функцией крупнейших капиталистических объединений.*

Для превращения нации-государства в корпорацию-государство необходимо решить две задачи: 1) приведение населения в полное послушание на базе изменения установок, структуры и самого содержания массового сознания – для предотвращения эксцессов классовой борьбы и ущерба интересам крупного капитала и 2) проведение аналогичного преобразования политической элиты – для недопущения эксцессов противостояния крупнейшим корпорациям с её стороны, как

¹⁰ Фурсов А. И. Государство – оно же корпорация [Электронный ресурс]. URL: http://andreyfursov.ru/news/gosudarstvo_ono_zhe_korporacija/2008-01-01-6 (дата обращения: 11.06.2024).

это случилось, в частности, во Франции при президентстве Ш. де Голля (обмен большого объёма американских долларов на золото из хранилищ Федеральной резервной системы, выход из военного крыла НАТО, курс на стратегическое сотрудничество с СССР).

Решение обеих задач даёт один и тот же результат – деградацию как политической элиты, так и населения (прежде всего такой части населения, как электорат). *Деградировавшие элиты являются послушными пешками в глобальной игре корпораций, а деградировавшее население – послушным реципиентом управленческих воздействий.*

Подчеркнём ещё раз: деградация политических элит и населения стран Запада является не естественным, но целенаправленно управляемым процессом.

Каким же способом решаются задачи по деградации политических элит и населения?

СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ И ЭЛЕКТОРАТА ЗАПАДНЫХ СТРАН

Указанные задачи решаются следующим образом.

Социально-психологическая установка на классовую борьбу и противостояние капиталу со стороны наёмных работников замещается противостоянием малых социальных групп в рамках защиты интенсивно пропагандируемых «прав меньшинств»: вначале религиозных, затем этнических меньшинств, потом сексуальных, а после – всё более и более приближенных к животному миру вроде фурри¹¹ или квадроберов¹². Человек, плотно занятый «гендерным переходом» или идентифицирующий себя как животное, классовой борьбой заниматься не будет, ему нужно «ярмо с гремушками да бич» (Пушкин) – и всё. Разумеется, такое замещение требует соответствующего реформатирования системы образования и низведения «образовательных услуг» до самых примитивных, причём без упора на изучение законов науки и практики. К примеру, если ученик, складывая два и два, получает пять, так тому и быть, иначе можно «задеть чувства ребёнка». «Мнение о том, что в

¹¹ Люди, идентифицирующие себя как животных.

¹² Люди, предпочитающие передвигаться на четырёх конечностях, как животные.

математике всегда есть правильные и неправильные ответы, утверждает нездоровую объективность и страх перед открытым конфликтом»¹³. В результате таких установок на обучение: в США 65% учеников 8-х классов государственных школ не умеют читать и 67% не владеют математикой¹⁴. Как утверждал непопулярный ныне политический автор В. И. Ленин: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [6, с. 174]. Такой человек нацелен на примитивные политические действия и высказывания, поскольку к аналитическому мышлению и восприятию сложностей неспособен. Следовательно, в качестве политических фигур этому человеку достаточно предъявить «лидеров мнений» из состава популярных киноактёров, спортсменов или эстрадных певцов, поскольку примитивным сознанием их успех в указанных сферах деятельности будет проецироваться и на все другие сферы социального поведения, включая политическое управление, а их мнение будет восприниматься как истина в последней инстанции. Как вариант, можно провести через выборы и поставить во главе страны внешне привлекательную особу, «хорошенькую мордашку», минимально способную к адекватному произнесению созданных спичрайтерами речей, или даже маразматического старца – лишь бы проводили политику, выгодную конкретным глобальным корпорациям, даже если такая политика противоречит коренным интересам большинства населения данной страны. Так, всё усиливающиеся антироссийские экономические санкции приводят в странах Евросоюза к кризисным явлениям в экономике, основным источником которых является рост цен на энергоносители, к росту инфляции, а также к «крупным дефицитам госбюджета» [10, с. 13, 16]. Тем не менее Евросоюз и конкретные страны ЕС вводят всё новые пакеты экономических санкций против России вопреки интересам собственного населения, следуя в этом за США.

Кратко рассмотрим конкретные примеры зависимости президентов некоторых ключевых стран Запада от глобальных корпораций. Особо отметим, что осуществлённая автором прямая привязка деятельности высших руководителей государств

¹³ От чёрных учеников нельзя требовать правильного ответа по математике – это жестоко! // News.ru: [сайт] URL: <https://www.news2.ru/story/621771> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁴ Там же.

Запада к интересам корпораций является исследовательским приёмом редуцирования сложного, поскольку жанр такой формы исследования, как статья, не позволяет провести полного изучения всех связей высшей политической и бизнес-элиты. К тому же бизнес-элиты современного Запада теснейшим образом переплетены друг с другом не только деловыми, но и родственными узами, а число их компаний-партнёров («второй уровень влияния»), помогающих проводить определённую политику в конкретной сфере производства товаров и услуг, исчисляется несколькими сотнями¹⁵.

КАНЦЛЕР ШОЛЬЦ И ВАРБУРГИ

Германия, самая развитая экономика Евросоюза, имеет проблемы, прежде всего в сфере энергетики, не только из-за антироссийских санкций, но и в результате стремления германских и международных корпораций к увеличению своих доходов на фоне сокращения доходов населения, что приводит к урезанию расходов бюджета на пенсионное обеспечение, здравоохранение, дотации крестьянам, субсидирование приобретения населением электромобилей¹⁶. При этом деятельность канцлера Германии О. Шольца напрямую связывают с влиянием банкирского дома Варбургов¹⁷. Симптоматично, что в 2017 г., в бытность О. Шольца мэром Гамбурга, город был избран местом проведения саммита Большой двадцатки, в ходе которого Гамбург охватили массовые протесты «против несправедливой мировой политики» с поджогами автомобилей, погромами магазинов, битвами с полицией, однако после так называемого Великого гамбургского погрома Шольц не подал в отставку, но, напротив, пошёл на повышение и стал министром финансов и вице-канцлером Германии, а затем и канцлером. Высказывается предположение, что Шольц был поощрён таким образом за отличное проведение репетиции «сетевых бунтов», впоследствии воплотившихся в движение BLM в США, которое, в свою

¹⁵ Подробно об этом см.: [7].

¹⁶ Никифоров О. Шесть полуправд канцлера Шольца. Экономическое положение Германии намного хуже, чем сообщает правительство // Независимая газета: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/world/2024-08-04/6_9063_germany.html (дата обращения: 21.06.2024).

¹⁷ Никифорова В. Канцлера Германии может погубить связь с банкиром // Российская газета: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20220812/kantsler-1809020650.html> (дата обращения: 18.06.2024).

очередь, стало важным фактором политической дискредитации президента Д. Трампа, так ненавидимого глобальным финансовым капиталом, и неудачи его выборной кампании в 2020 г.¹⁸. Несколько ранее, в 2015–2016 гг., мэра Гамбурга О. Шольца заподозрили в потворстве банку М. М. Warburg & Co в уклонении от налогов на сумму более 40 млн евро, причём якобы с Шольцем встречался лично директор этого банка и просил об услуге¹⁹. Напомним также, что более половины помощи Евросоюза Украине приходится на Германию. Такие политические подвиги в ущерб своему народу, а также международной экономике и политике в значительной степени объясняются тем, что О. Шольц является креатурой глобальных финансовых корпораций, одной из которых и выступают Варбурги, германско-шведско-американское банковское объединение. Американская ветвь Варбургов знаменита, в частности, тем, что её представитель П. М. Варбург был одним из создателей Федеральной резервной системы, а его сын Дж. П. Варбург – финансовым советником президента Ф. Д. Рузвельта. Американские Варбурги тесно связаны с немецкими и американскими банкирами Шиффами, Лебами и Кунами через заключение браков и совместную финансовую деятельность. Браки заключались не только между банкирскими семьями. Сын президента Ф. Д. Рузвельта был женат на дочери одного из Варбургов. Через Шиффов Варбурги связаны с Ротшильдами, Бейкерами и Морганями [8]. Таким образом, можно предположить, что связь канцлера Германии с Варбургами и через них – с крупнейшими финансовыми корпорациями мира во многом определяет его внутреннюю и внешнюю политику, проводимую в интересах этих корпораций. В частности, обеспечиваются перемещение германских производств в США и покупка Германией американского сланцевого газа вместо в три раза более дешёвого российского. «Это означает, что Соединённые Штаты в третий раз за столетие одержали победу над Германией, каждый раз усиливая свой контроль над немецкой экономикой»²⁰. При этом, разумеется, нельзя не учитывать и влияния внутриэ-

¹⁸ Чесноков Э. Темное прошлое нового канцлера Германии Олафа Шольца: Дело о мошенничестве, кражи на стройках и протесты антиглобалистов // КР.РУ: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/28368.5/4517711> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁹ Там же..

²⁰ Хадсон М. Америка побеждает Германию в третий раз за столетие // Katehon: [сайт]. URL: <https://katehon.com/ru/article/amerika-pobezhdaet-germaniyu-v-tretyi-raz-za-stoletie> (дата обращения: 30.05.2024).

литной борьбы между партиями и политиками, находящимися под влиянием других глобальных корпораций.

ПРЕЗИДЕНТ МАКРОН И РОТШИЛЬДЫ

RF = RF. «Republique Francaise = Rothschild Freres» («Французская республика» равняется «Братья Ротшильды») ²¹. Эту формулу вывели журналисты Франции ещё в 1960-е гг.

Президент Франции Э. Макрон тесно связан с банкирским домом Ротшильдов, где он работал с 2008 по 2012 гг. «В 2008 году он пришёл на работу в банк Rothschild & Cie, где через два года стал управляющим партнёром, и уже в 2012 г. он стал заместителем генерального секретаря при президенте Ф. Олланде. Спустя два года он покинул и этот пост, чтобы в 36 лет стать уже министром экономики, промышленности и цифровых технологий Франции» ²². Заметим, что в кампании выборов на пост президента Франции он шёл от политической партии «En Marche!» («Вперёд!»), которую создал в апреле 2016 г., выдвинув свою кандидатуру в ноябре того же года. Личное состояние Макрона никак не покрыло бы расходов на создание партии и президентскую кампанию, даже с привлечением состояния богатой жены. Политику помогли – и, скорее всего, именно Ротшильды и их деловые партнёры. Семья банкиров Ротшильдов, как известно, имеет ветви и обширные деловые связи не только во Франции, но также в Германии, Великобритании, Австрии (в настоящее время женская ветвь занята в основном благотворительностью), Италии, а их структуры и деятельность имеют без преувеличения глобальный характер. Активное участие Франции в Украинском кризисе при президенте Макроне вызвано, в том числе, финансовой заинтересованностью Ротшильдов, которые в лице именно французской ветви банкирского дома создали в 2015 г. клуб частных кредиторов Украины, зашли в страховой, фармацевтический бизнес, в банковский сектор, на рынок ценных бу-

²¹ Мурзина Е. Связь с Ротшильдами и общие маркетологи с Зеленским. Тайны карьерного взлёта Эммануэля Макрона // Украина.ру: [сайт]. URL: <https://ukraina.ru/20220614/1034146078.html> (дата обращения: 27.06.2024).

²² Выполняет волю хозяев? Как Макрон на самом деле связан с Ротшильдами // Пятый канал. Новости и видео: [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/Ze_YzW-KOLZHCzrT (дата обращения: 04.06.2024).

маг, в логистику, сельскохозяйственный бизнес и ТЭК этой страны²³.

ПРЕЗИДЕНТ БАЙДЕН И РОКФЕЛЛЕРЫ

Наиболее ярким примером управляемого характера деградации политических элит является избрание в 2020 г. президентом США Дж. Байдена и пребывание его на этом посту в течение четырёх лет, несмотря на прогрессирующую деградацию не только его политического поведения, но и в целом его сознания и поведения в медицинском смысле. Почему «самородного деда», который уже в период предвыборной компании говорил о покойниках как о живых (сын Бо, конгрессмен Дж. Валорски), демонстрировал неустойчивую походку и странные движения, падал на ровном месте и «здоровался с пустотой», всё же избрали президентом единственной мировой сверхдержавы? Без массивной пропаганды и фальсификации голосования этого нельзя было сделать, и это было сделано. Под предлогом обеспечения безопасности в период COVID-19 голосование проходило по обычной почте, а этот вид голосования практически невозможно проконтролировать. Досрочное голосование прошли более 100 млн избирателей, т. е. около 70% от общего числа участвовавших в выборах, причём 36 млн лично пришли на участки, а 64 млн проголосовали по почте²⁴.

Демократическая партия финансируется различными крупными корпорациями, причём первое место в финансировании и контроле непосредственно кандидатов в президенты от этой партии с определённого времени занимает семейство Рокфеллеров. Так, политический клан Клинтонов (Демократическая партия) начал и продолжил своё восхождение под непосредственным влиянием У. Рокфеллера [7, с. 211–212], а затем Рокфеллеры повлияли на политическое продвижение обоих Бушей и, наконец, Байдена. В этом ряду, однако, случился «перерыв постепенности»: в 2008 г. на президентских выборах победил став-

²³ Ротшильды и Украина // Геополитикум: [сайт]. URL: <https://geopolitikum.org/rotshildy-i-ukraina> (дата обращения: 09.06.2024); Конец Украины: Как Ротшильды уничтожили «незалежную» за несколько лет // Русская весна: [сайт]. URL: <https://rusvesna.su/news/1572867944> (дата обращения: 09.06.2024).

²⁴ Мошкин М. На выборах в США устроили гонку фальсификаций // Взгляд. Деловая газета: [сайт]. URL: <https://vz.ru/world/2020/11/6/1069075.html> (дата обращения: 04.06.2024).

ленник Ротшильд Б. Обама [7, с. 212], а в 2016 г. – Д. Трамп, который, по имеющейся информации, преимущественно финансировал себя сам (в его предвыборный фонд также внесли свою лепту строительные и ритейл-корпорации)²⁵. Надо сказать при этом, что через принадлежащие Рокфеллерам компании, в частности Boeing, Chevron, Exxon Mobil, JP Morgan Chase они спонсируют не только демократов, но и республиканцев, однако демократы всё же имеют некоторое преимущество [7, с. 217]. Ничего странного в этой двойственности нет: таким образом не только Рокфеллеры, но и главы других глобальных корпораций обеспечивают себе влияние на все ключевые мировые процессы, при необходимости передвигая тумблер в зависимости от конкретных обстоятельств и интересов текущего момента²⁶. «Текущий момент» 2019–2020 гг., когда в США проходила президентская кампания, отличался, в частности, тем, что произошёл очередной виток обострения отношений в треугольнике США – Россия – Китай, что привело к попыткам вновь инициировать «цветные революции» в КНР и РФ. В этот период со стороны США необходимо было усиление борьбы, т. е. формирование новых экономических и политических союзов, направленных, прежде всего, против «поднимающейся сверхдержавы» КНР, а также против России как почти единственного в Европе государства, поддерживающего традиционные ценности и выступающего против всеобщего внедрения «прав ЛГБТ+²⁷», «гендерного перехода» и иных практик, разрушительных для социума. Лучше всего для ведения такой борьбы подходил тогдашний кандидат Демократической партии США, поскольку в кресле президента нужен был человек, который бы не имел «своего суждения» не потому, чтобы он его «не смел иметь», а потому, что вообще не был бы способен на какие бы то ни было суждения²⁸. В число крупнейших спонсоров

²⁵ Черных Е. Рокфеллеры ставят на Хиллари, Ротшильды – на белых медведях, а Трамп – на самого себя // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26601/3617340> (дата обращения: 29.05.2024).

²⁶ Васильченко Е., Воробьёв П., Розен М. Ротшильды, Рокфеллеры или другая семья? Кто правит миром на самом деле // News.ru: [сайт]. URL: <https://news.ru/society/rotshildy-rokfellery-ili-drugaya-semya-kto-pravit-mirom-na-samom-dele> (дата обращения: 22.06.2024).

²⁷ Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

²⁸ Подробнее см.: Пантин В. И. Россия и Запад в 2020-е гг.: перспективы геополитической революции [Электронный ресурс] // История и современность. 2021. №1. URL: <https://web.archive.org/web/20211027075128/https://www.socionauki.ru/journal/articles/2939242> (дата обращения: 04.06.2024).

предвыборной кампании Байдена в 2020 г. были Alphabet (куда входит Google), Microsoft, Amazon, Apple, т. е. компании, значительными пакетами акций которых владел рокфеллеровский Bank of America²⁹. В течение собственного президентского срока Байден, в том числе, «отметился» всемерной поддержкой Украины и Израиля в Украинском и Палестино-израильском конфликтах, расширением НАТО на северо-восток Европы, а также активной политикой продвижения ЛГБТ+, гендерного перехода и других разрушительных социальных практик. Отвлечение социума на проблемы биосоциального характера помогает корпорациям свободно вести бизнес, не опасаясь таких в прошлом грозных для себя феноменов, как общенациональные забастовки и массированное голосование электората за левые партии. Поскольку в таком политическом курсе заинтересованы все крупнейшие компании, финансовую поддержку кандидату от Демократической партии США на президентских выборах 2024 г. через своих «финансовых союзников» оказывали не только Рокфеллеры, но и Ротшильды: крупнейшим спонсором К. Харрис, кандидата в президенты от Демократической партии в кампании 2024 г. после добровольно-принудительного снятия с президентской гонки Дж. Байдена, является Дж. Сорос³⁰, ставленник Ротшильдов. Рокфеллеры же, не отказывая Демократической партии в спонсорстве через уже перечисленные выше компании, ставят также и на Трампа, спонсируя его через входящие в их бизнес-империю Citigroup, JP Morgan Chase, Bank of America Corp.³¹. Ещё раз подчеркнём, что практика финансирования крупнейшими корпорациями обеих основных противостоящих партий одновременно (но в разной, однако, степени) является обычным трендом электоральных кампаний в США. Представители компаний-спонсоров обычно занимают должности в госаппарате (министров, госсоветников, замминистров). Так, министрами обороны в период президентства Трампа были П. Шэнахан (Boeing), госсекретари

²⁹ За спиной американского президента. Политику США определяют спонсоры // Аргументы и факты: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZafaKVDwJFdxwJSe> (дата обращения: 25.06.2024).

³⁰ Сорос стал главным индивидуальным спонсором демократов в США за год // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20221108/soros-1829922133.html> (дата обращения: 24.06.2024).

³¹ Иванов Г. Битва кошельков. Как деньги влияют на выборы президента США // Аргументы и факты: [сайт]. URL: <https://aif.ru/politics/world/bitva-koshelkov-kak-dengi-vliayut-na-vybory-prezidenta-ssha> (дата обращения: 24.06.2024).

Р. Тиллерсон (Exxon Mobil) и М. Помпео (Boeing). Упомянутые компании входят в бизнес-империю Рокфеллеров и за период президентства Трампа получили ряд крупных заказов с государственным финансированием. «При этом представители других компаний из администрации не исчезли. Просто они работали на более низком уровне – помощниками министров, в аппарате Белого дома и т. д.»³². В связи с этим С. Бэннон, бывший при президенте Трампе советником, утверждает, что «страна фактически следует не своим интересам, а интересам лоббистов»³³.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ ГЛОБАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Теперь главное. Для чего все эти действия с целью посадить в кресла глав государств всё более и более послушных и особо не рассуждающих людей? Это объяснили К. Шваб³⁴ и Т. Малларе³⁵ в своей книге «COVID-19: великая перезагрузка»³⁶, опубликованной в 2020 г. Основная мысль: COVID запустил перезагрузку параметров существования мира, и наступает эра посткапитализма, или инклюзивного капитализма, где у подавляющей массы людей не будет никакой собственности и никакой неприкосновенности частной жизни, а большинство наёмных работников будут заменены роботами. Будет создана всемирная сеть цифрового контроля вплоть до контроля мышления через внедрённые в мозг «нейроинтерфейсы», а «мыслепреступления» повлекут за собой соответствующие наказания. Кроме того, исчезнут государства как таковые, поскольку исчезнет их субстрат – нация и организованные политические структуры гражданского общества, замещённые «броуновским движением» разрозненных «социальных атомов», фактически лишённых не только политических и экономических, но и части биологических прав. Функции государств возьмут

³² За спиной американского президента. Политику США определяют спонсоры // Аргументы и факты: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/ZafaKVDwJFdxwJSe> (дата обращения: 10.06.2024).

³³ Там же.

³⁴ Главный исполнительный директор Всемирного экономического форума с момента его создания в 1971 г. в мае 2024 г. объявил о своей отставке, после её утверждения перейдёт в январе 2025 г. на пост неисполнительного директора ВЭФ.

³⁵ Основатель и главный автор аналитического бюллетеня Monthly Barometer.

³⁶ Электронную версию книги на русском языке см.: LitLib [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litlib.net/bk/135579/read> (дата обращения: 10.06.2024).

на себя глобальные корпорации. В соответствии с концепцией Шваба-Малларе главы наиболее крупных и влиятельных корпораций с помощью подконтрольных им лидеров государств и ведут дело к «великой перезагрузке», но ведут шаг за шагом, через ликвидацию защитных механизмов социума одного за другим, чтобы «мышь», т. е. массовое сознание, варилась постепенно и не видела неизбежности грядущей социальной катастрофы. *Конечная цель всего этого проекта – приватизация государства, окончательное превращение власти из государственной в частную, осуществляемую немногими крупнейшими корпорациями.* При этом, если учесть, что наиболее могущественных экономических кланов всего двадцать шесть, «возможностей договориться между собой более чем достаточно»³⁷.

Однако третий закон Ньютона, пригодный не только для физики, но и для социума, гласит: действию всегда соответствует равное и противоположно направленное противодействие. Правда, в социуме действие этого закона чаще всего не является прямым и имеет варианты. Тем не менее в настоящее время разворачивается борьба против указанного глобального проекта корпораций [4]. «Всё большее число государств Мирового большинства стремится укреплять суверенитет и отстаивать национальные интересы, традиции, культуру и образ жизни. Они не желают жить под чью-либо диктовку, хотят дружить и торговать и между собой, и с остальным миром – только на равных и к обоюдной выгоде, в рамках объективно формирующейся многополярной архитектуры» [5, с. 169].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве вывода из произведённого краткого исследования отметим следующее: в период борьбы геополитических акторов, осуществлявшейся преимущественно в географическом и информационно-идеологическом пространстве, основным действующим лицом являлось государство, и высокое качество его элит имело решающее значение; однако в период доминирования экономических корпораций роль государства и качество политических элит неизбежно снижается до всё более критических значений, поскольку они выступают не само-

³⁷ Генри Киссинджер: Европейские элиты деградируют // Свободная пресса: [сайт]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/340667> (дата обращения: 24.06.2024).

стоятельным актором, но ширмой и функциональным обеспечением глобальной борьбы корпораций на поле внешней и внутренней политики, причём также внутри собственной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлева Н. А. Вооружённые силы государства как инструмент реализации интересов глобальных и транснациональных корпораций // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. №2. С. 198–207. DOI: 10.21638/spbu23.2021.206
2. Комлева Н. А. Геополитическое пространство: сущность и типология // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. №1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 24.06.2024).
3. Комлева Н. А. Глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. №3. С. 107–118.
4. Лавров С. В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №4. С. 72–81.
5. Лавров С. В. Соблюдение принципов Устава ООН во всей их совокупности и взаимосвязи – залог международного мира и стабильности // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №6. С. 158–171.
6. Ленин В. И. Три главных врага // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 173–175.
7. Павленко В. Б. Глобальная олигархия. Клань в мировой политике: история и современность. М.: ОГИ, 2015. 720 с.
8. Пачкалов А. В. Еврейские финансовые династии в США в XIX–XX веках и их роль в становлении и развитии капитализма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Серия: История и археология. 2018. №1. С. 88–96.
9. Рожковский В. Б. Кризис западных политических элит в контексте современного ценностного и культурно-цивилизационного противостояния России и Запада // Философия права. 2022. №4. С. 42–47.
10. Спартак А. Н., Французов В. В. Влияние антироссийских санкций на европейскую экономику // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. №12. С. 7–17.
11. Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997. London: Jonathan Cape, 2007. 793 p.

12. Winters A. J. Oligarchy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 323 pp.

ARTICLE INFORMATION

Author

Natalia A. Komleva

- e-mail: komleva1@yandex.ru,
Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Center of Geopolitical Analysis director,
Academy of Geopolitical Problems
Riazanskij pr-t 74, Moscow 109552, Russian Federation

For citation

Komleva N. A. Reasons for the degradation of political elites in the modern West. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study the geopolitical causes of the political elite degradation in the leading countries of the modern West.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the causes of the political elite degradation in the leading countries of the modern West, in particular, the United States, the Federal Republic of Germany, the French Republic. Systematic, comparative and phenomenological research methods are used.

Results. The author concludes that during the struggle of geopolitical actors carried out mainly in the geographical and information-ideological space the main actor was the state. Therefore, the high quality of its elite was crucial. However, during the period of economic corporations' dominance, the role of the state and the quality of political elites inevitably decreases to increasingly critical values since they do not act as an independent actor, but rather as a screen and functional support for the global struggle of corporations in the field of foreign and domestic policy, and within their own country as well.

Research implications. A certain contribution to the theory of political systems is made by establishing the direct dependence of the domestic and foreign policies of the main Western countries on the interests of the largest business corporations, as well as considering the main forms of its manifestation. Taking into account the factor of degradation of the political elites of the modern West will make it possible to build an effective strategy

for the interaction of the Russian Federation with the collective West and its individual representatives in the geopolitical process.

Keywords

global corporations, political elite, degradation of political elites, political sponsorship, sponsors of election campaigns

References

1. Komleva N. A. [Armed forces of the state as an instrument to serve the interests of global and transnational corporations]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2021, vol. 17, no. 2, pp. 198–207. DOI: 10.21638/spbu23.2021.206
2. Komleva N. A. [Geopolitical space: essence and typology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 24.06.2024).
3. Komleva N. A. [Global corporations as modern geopolitical actors]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2013, no. 3, pp. 107–118.
4. Lavrov S. V. [Genuine multilateralism and diplomacy versus the 'rules-based order']. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global affairs], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 72–81.
5. Lavrov S. V. [Compliance with the principles of the UN Charter in their entirety and interrelation is the key to international peace and stability]. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global affairs], 2023, vol. 21, no. 6, pp. 158–171.
6. Lenin V. I. [Three main enemies]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 44* [Complete Works. Vol. 44]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literature Publ., 1970, pp. 173–175.
7. Pavlenko V. B. *Global'naya oligarkhiya. Klany v mirovoi politike: istoriya i sovremennost'* [Global Oligarchy. Clans in World Politics: History and Modernity]. Moscow, OGI Publ., 2015. 720 p.
8. Pachkalov A. V. [Jewish financial dynasties in the USA in the XIX–XX centuries and their role in the formation and development of capitalism]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Seriya: Istoriya i arkeologiya* [Humanities. Bulletin of the Financial University. Series: History and Archeology], 2018, no. 1, pp. 88–96.
9. Rozhkovsky V. B. [The crisis of Western political elites in the context of contemporary value and cultural-civilizational confrontation between Russia and the West]. In: *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2022, no. 4, pp. 42–47.

10. Spartak A. N., Frantsuzov V. V. [The Impact of Anti-Russian Sanctions on EU Economy]. In: *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2022, no. 12, pp. 7–17.
11. Brendon P. *The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997*. London, Jonathan Cape, 2007. 793 p.
12. Winters A. J. *Oligarchy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. 323 pp.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЮ ГРАЖДАНСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ В СОВЕТСКОЕ И РОССИЙСКОЕ ВРЕМЯ: ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ

Петрова Юлия Владимировна

- e-mail: iuliiapetrova@gmail.com;
аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;

младший научный сотрудник отдела политической науки;
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Российская Федерация

Для цитирования

Петрова Ю. В. Организационная структура управления отраслью гражданского авиастроения в советское и российское время: особенности динамики // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 04.04.2024
- Статья размещена на сайте 19.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Институциональная структура управления отраслью авиастроения – от военного к гражданскому подчинению](#)
[Неформальные институты в системе управления отраслью авиастроения](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить общие и особенные черты развития организационной структуры управления отраслью гражданского авиастроения в современное российское и в советское время, рассмотреть её динамику.

Процедура и методы. В рамках исторического, институционального и неинституционального подходов описаны как формальные институты отраслевого управления, так и неформальные, рассмотрены кейсы, демонстрирующие влияние на выработку, принятие и реализацию управленческих решений главы государства, лидерской подсистемы, представителей групп влияния, в т. ч. корпоративного сектора.

Результаты. Описаны конкретные механизмы управления отраслью (специальные ситуативные совещания, нерегламентированный механизм привлечения конструкторов к непосредственному управлению отраслью и пр.). Сделан вывод о наличии значимых различий в организационной структуре управления отраслью гражданского авиастроения в СССР и России как на уровне институциональной основы управления отраслью и акторного состава управленцев, так и на уровне неформальных институтов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении доказавших свою успешность в советский период институтов и практик управления отраслью, что представляется актуальным для заимствования в текущих геополитических и социально-экономических условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

авиационная промышленность, гражданское авиастроение, отраслевая политика, тропа зависимости, формальные и неформальные институты

ВВЕДЕНИЕ

Авиационная промышленность традиционно является значимым направлением научно-технического развития России – условием национальной безопасности, возможности обеспечения связности территории страны, организации снабжения разнотерриториальных от центра территорий. При этом при общности геополитических условий и вызовов, стоящих перед отраслью гражданского авиастроения как в российское, так и в советское время, на предшествующих этапах развития авиационная

промышленность демонстрировала выдающиеся научно-технические успехи и способность решения сложных производственных задач. В свою очередь, в современных условиях отечественная авиационная промышленность испытывает ряд трудностей как финансово-экономического характера, так и управленческого. В связи с этим обращает на себя внимание вопрос трансформации организационно-управленческой структуры рассматриваемой отрасли: каковы общие и особенные черты структуры в современное российское и в советское время; можно ли обнаружить черты преемственности; какая динамика наблюдается в последние годы – «от» или «к» советскому опыту?

Таким образом, предметом данного исследования является процесс развития управления отраслью гражданского авиастроения в СССР и современной России. При этом зачастую отделить развитие гражданского авиастроения от военного невозможно, что определяет необходимость рассматривать весь комплекс управления авиастроительной сферой безотносительно направленности его работы. Кроме того, представляется необходимым в рамках данной статьи рассмотреть как процесс смены формальных институтов, принимающих участие в управлении отраслью, так и появление формально не закреплённых институтов, оказывающих значительное влияние на процесс принятия решений в отрасли авиастроения в тот или иной период развития отрасли в России.

Методологической основой исследования являются исторический и институциональный подходы: формирование и развитие структур управления отраслью авиастроения исследуется в тесной связи с конкретными историческими условиями. Кроме того, с позиций неинституционального подхода в статье выделяются неформальные институты, оказывающие влияние на развитие отрасли.

Таким образом, в рамках данной статьи рассматривается динамика смены институтов управления отраслью гражданского авиастроения в СССР, РСФСР и современной России. При этом особое внимание предлагается обратить на три ключевых линии развития отраслевой управленческой структуры: переход от военного к гражданскому подчинению институтов управления отраслью авиастроения; повышение самостоятельности отраслевых институтов как следствие роста значения авиационной промышленности и иных факторов; соотношение формальных и неформальных институтов управления рассматриваемой отраслью.

Первые два вопроса находятся в фокусе внимания историков авиации М. Ю. Мухина, П. Д. Дузя, Д. А. Соболева, А. М. Вайлова, А. Н. Пономарева, А. Ю. Каратеева и др. Анализ представлен по таким направлениям, как изучение институциональных особенностей управления отраслью [2] и динамики административного переустройства механизма управления авиационной промышленностью [8], практик взаимодействия государства и частного бизнеса, развития интеграционных процессов в отрасли и монополизации [10], политики по направлению подготовки профильных кадров [4].

Проблема соотношения формальных и неформальных институтов управления рассматриваемой отраслью не находит широкого отражения в работах как историков, так и представителей политической науки. В то же время отдельные указания на роль неформальных институтов в отраслевом развитии можно обнаружить в трудах зарубежных исследователей, в т. ч. Ш. Фицпатрик (вопросы влияния лидерской подсистемы на выработку и принятие политико-управленческих решений [14]) и С. Шаттенберг (роль личных качеств советских инженеров в развитии науки и техники [15, с. 218]). При этом изучению неформальных практик управления посвящён широкий пласт работ политологов. В частности, механизмы функционирования патрон-клиентских связей, неформальных отношений и неопатримониальных структур, коррупционных связей и т. д. в своих работах раскрывают М. Н. Афанасьев, В. Я. Гельман, В. В. Волков, А. В. Леденева и др. Обращают внимание на роль лидера и лидерской подсистемы (окружения лидера), отмечают роль фактора неформальных отношений внутри элитных групп и развитие латентных связей между ними в трансформациях в сфере государственного управления О. В. Гаман-Голутвина [1], А. В. Дука [3], А. Е. Коньков [5], Д. Г. Сельцер [9], Л. В. Сморгун [13], А. И. Соловьев [11] и др.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЮ АВИАСТРОЕНИЯ – ОТ ВОЕННОГО К ГРАЖДАНСКОМУ ПОДЧИНЕНИЮ

Формальная институциональная структура управления отраслью гражданского авиастроения в советское и российское время претерпела ряд изменений, при этом в данном контексте одним из ключевых является вопрос, с одной стороны, о самостоятель-

ности и подчинении институтов управления отраслью, а с другой стороны, о принадлежности рассматриваемых ведомств к военной или гражданской сфере деятельности (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика смены институтов управления отраслью гражданского авиастроения в РСФСР, СССР (1918–1991 гг.) / Dynamics of the change of management institutions of the civil aviation industry in the RSFSR, USSR (1918–1991)

Период	Государственный институт, ответственный за реализацию государственной политики в отрасли гражданского авиастроения	Тип института
1917–1918	Всероссийская коллегия по управлению Воздушным Флотом РСФСР	Экономическое ведомство
1918–1919	Главное управление авиационных заводов при Высшем совете народного хозяйства РСФСР (Главкоавиа ВСНХ)	Экономическое ведомство
1919–1925	Авиаотдел Главного управления военной промышленности Высшего совета народного хозяйства (Авиаотдел ГУВП ВСНХ)	Военное ведомство
1925–1930	Государственный трест авиационной промышленности СССР (Авиатрест; находился в ведении Главного управления металлопромышленности Высшего совета народного хозяйства СССР)	Экономическое ведомство
1930–1930 (март–июль)	Всесоюзное объединение авиационной промышленности Высшего совета народного хозяйства СССР	Экономическое ведомство
1930–1934	Всесоюзное объединение авиационной промышленности в составе Народного комиссариата по военным и морским делам СССР	Военное ведомство
1934–1936	Главное управление авиационной промышленности – Глававиапром (ГУАП) в составе Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР	Экономическое ведомство
1936–1939	Главное управление авиационной промышленности – Глававиапром (ГУАП) в составе Народного комиссариата оборонной промышленности СССР	Военное ведомство

Продолжение Таблицы 1 / Table 1.

Период	Государственный институт, ответственный за реализацию государственной политики в отрасли гражданского авиастроения	Тип института
1939–1946	Народный комиссариат авиационной промышленности СССР	Экономическое ведомство
1946–1953	Министерство авиационной промышленности СССР	Экономическое ведомство
1953 (март–август)	Министерство оборонной промышленности СССР	Экономическое ведомство
1953–1957	Министерство авиационной промышленности СССР	Экономическое ведомство
1957–1965	Государственный комитет Совета министров СССР по авиационной технике	Экономическое ведомство
1965–1991	Министерство авиационной промышленности СССР	Экономическое ведомство

С течением времени менялись и основные приоритеты работы институтов управления авиастроительной сферой. Так, после Октябрьской революции приказом №4 от 20 декабря 1917 г. была сформирована Всероссийская коллегия по управлению Воздушным Флотом РСФСР под руководством военного лётчика К. В. Акашева, ориентированная на сохранение ценного «авиационного имущества» после войны и последующий запуск авиационных предприятий¹. Создаваемые после 1918 г. ведомства были ориентированы не на сохранение, а в большей степени на комплексное развитие производства авиатехники в стране, что особенно остро проявлялось в военные годы. Так, в 1918 г. функции управления отраслью перешли в Главное управление объединённых авиапромышленных заводов (Главкоавиа), а в 1919 г. – в военное ведомство (Авиаотдел Главного управления военной промышленности ВСНХ). В годы гражданской войны ощущалась необходимость создания военно-воздушных сил Красной армии, увеличения количества техники военного назначения².

¹Гальперин Ю. М. Воздушный казак Вердена. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 242–244.

²Цыкин А. Д. От «Ильи Муромца» до ракетноносца: Краткий очерк истории Дальней Авиации. М.: Воениздат, 1975. С. 23.

В 1925 г. с завершением гражданской войны и переходом к Новой экономической политике функции управления отраслью вновь перешли к гражданской структуре – был создан Авиатрест, который находился в ведении Главного управления металлопромышленности ВСНХ СССР, однако имел значительную автономию в финансовой, имущественной и торговой сфере. В то же время Председатель правления Авиатреста утверждался Реввоенсоветом СССР, а основу продуктового ряда составляла авиатехника военного назначения. Как отмечает авиаконструктор А. С. Яковлев, перед деятелями авиационной промышленности в послевоенные годы стояло три основных задачи: «изыскать средства на строительство воздушного флота и сооружение новых авиационных предприятий; обеспечение владения авиационной техникой хозяевами страны – рабочими, крестьянами; “расширение” самого узкого места в строительстве воздушного флота – двигателестроении».

В начале 1930-х гг. произошло разукрупнение ВСНХ СССР как единого наркомата промышленности, стала формироваться отраслевая основа управления промышленным производством. Всесоюзное объединение авиационной промышленности, в свою очередь, в период с 1930 по 1934 гг. находилось в составе Народного комиссариата по военным и морским делам СССР; с 1934 по 1936 гг. – в составе Народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР; с 1936 по 1939 гг. – в составе Народного комиссариата оборонной промышленности СССР. Таким образом, в 1930-е гг. авиационная промышленность была подчинена в основном задачам военных ведомств: активно шло создание новых заводов по производству авиационной техники и профильных институтов; ускорилась разработка и производство продукции авиастроения военного назначения. Всё это привело к тому, что, как отмечает историк М. Ю. Мухин, к 1939 г. авиационная промышленность стала ведущей отраслью оборонной промышленности СССР [8, с. 88–89].

Интенсификация разработки и производства авиационной техники, увеличение числа реализуемых проектов, появление новых профильных научно-исследовательских, производственных институтов привели к выделению института управления отраслью авиастроения в отдельное ведомство. Так, 11 января 1939 г. был создан Народный комиссариат авиационной промышленности СССР, впоследствии в 1946 г. преобразованный в Министерство авиационной промышленности СССР. Безус-

ловным приоритетом развития авиастроения являлось изготовление продукции военного назначения. В 1946 г. народным комиссаром авиационной промышленности, а спустя 2,5 месяца – первым министром авиационной промышленности – был назначен организатор отечественной оборонной промышленности М. В. Хруничев, что дополнительно закрепило тренд приоритета военной сферы.

С управленческой точки зрения сохранялась максимальная ответственность профильных наркомов (после 1946 г. – министров). При этом система наркоматов по сравнению с системой министерств предполагала закрепление большей ответственности и функциональной нагрузки на наркомов по сравнению с министрами, представителями относительно устоявшейся бюрократической системы. Подобный подход определял и наличие более короткой дистанции между наркомом и первым лицом государства. Министерство авиационной промышленности СССР просуществовало вплоть до 1991 г. с двумя перерывами в деятельности. Так, с марта по август 1953 г. управление авиастроением было подчинено Министерству оборонной промышленности СССР. Второй перерыв в работе Министерства авиационной промышленности СССР пришёлся на период с 1957 по 1965 гг., что было связано с учреждением нового ведомства – Государственного комитета Совета министров СССР по авиационной технике – трансформацией системы управления советским государством.

Важно и то, что к 1970-м гг. была закрыта потребность Советского Союза в авиатехнике, необходимой для осуществления пассажирских и грузовых перевозок, в т. ч. для развития региональной авиации, а в 1980-х гг. авиация стала действительно доступной для населения страны: «только за один 1986 г. самолеты “Аэрофлота” перевезли около 120 млн пассажиров, то есть почти половину населения страны; было доставлено более 3 млн тонн срочных грузов и почты; гражданская авиация выполняла свыше ста видов работ, обслуживала 22 отрасли экономики»³. В то же время значительную долю в структуре производства авиатехники занимал госзаказ со стороны ВВС, что впоследствии в 1990-е гг. в условиях нарастающего кризиса, роста внешнего долга страны и бюджетного дефицита, со-

³Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: АлексВ, 2016. С. 514.

кращения программ развития оборонно-промышленного комплекса негативно сказалось на состоянии отрасли.

Важным аспектом стал переход государства от плановой системы хозяйствования к рыночной, что также дополнительно негативно сказалось на производстве продукции авиапрома, способствовало разрыву налаженных цепочек поставок между предприятиями отрасли. В ситуации системного кризиса 1990-х гг. программы разработки и производства авиатехнической продукции были значительно сокращены, а профильные предприятия переориентированы на реализацию конверсионных заданий на производство продукции для других сфер экономики и промышленности. Изменилась и структура управления отраслью.

В истории современной России авиастроение, как правило, находилось под управлением экономических ведомств – Министерства промышленности РСФСР (1991–1992 гг.), Министерства экономики РФ (1997–1999 гг.), Российского авиационно-космического агентства (1999–2004 гг.), Федерального агентства по промышленности (2004–2008 гг.), департамента авиационной промышленности Министерства промышленности и торговли РФ (2008 – н. в.). При этом в период с 1992 по 1997 гг. ведущую роль в управлении отраслью играли ведомства, координирующие функционирование оборонно-промышленного комплекса, – Комитет РФ по оборонным отраслям промышленности (1992–1993 гг.), Государственный комитет РФ по оборонным отраслям промышленности (1993–1996 гг.) и Министерство РФ по оборонным отраслям промышленности (1996–1997 гг.) (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Динамика смены институтов управления отраслью гражданского авиастроения в современной России (1991–2020 гг.) / Dynamics of the change of management institutions of the civil aviation industry in modern Russia (1991–2020)

Период	Государственный институт, ответственный за реализацию государственной политики в отрасли гражданского авиастроения
1991–1992	Министерство промышленности РСФСР
1992–1993	Комитет РФ по оборонным отраслям промышленности (Роскомоборонпром)

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

Период	Государственный институт, ответственный за реализацию государственной политики в отрасли гражданского авиастроения
1993–1996	Государственный комитет РФ по оборонным отраслям промышленности (Госкомоборонпром России)
1996–1997	Министерство РФ по оборонным отраслям промышленности
1997–1999	Министерство экономики РФ
1999–2004	Российское авиационно-космическое агентство
2004–2008	Федеральное агентство по промышленности (Роспром) (подведомственное министерству промышленности и энергетики РФ)
2008 – н. в.	Департамент авиационной промышленности Министерства промышленности и торговли РФ

Таким образом, тренд на подчинение отрасли авиастроения военным ведомствам характерен для наиболее тяжёлых лет российской истории, связанных с периодами Гражданской войны, подготовки к Великой Отечественной войне, с 1990-ми гг. При этом для любого периода фиксируется приоритет реализации задач разработки и производства техники военного по сравнению с техникой гражданского назначения безотносительно профиля курирующего авиастроение ведомства.

Кроме того, по мере расширения спектра задач и усложнения опытно-конструкторской и производственной составляющих авиастроения, технического совершенствования продукции авиапрома и, что не менее важно, наличия у государства приоритета развития авиационной техники и ресурсной базы для соответствующих мероприятий ведущий институт управления отраслью был выделен в отдельное ведомство, что было характерно для периода с 1939 по 1991 гг. советской истории.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЬЮ АВИАСТРОЕНИЯ

В то же время, помимо формальных институтов, в развитии отрасли авиастроения в Советском Союзе и современной России задействованы и неформальные структуры, определяющие роль и вес различных акторов в системе управления отраслью. Традиционно как в советской, так и в современной

российской политической системе значимую роль, в т. ч. в вопросах постановки целей отраслевой политики, играет лидер государства – его позиция относительно приоритетов развития отрасли, личный интерес и увлечённость. Так, в частности, А. С. Яковлев отмечал личную включённость И. В. Сталина в вопросы развития авиации: процесс отбора техники для серийного производства и своевременное обновление парка, беспокойство об условиях создания современной техники и реализации программ подготовки кадров⁴. В 1930-е – 1950-е гг. советской авиационной промышленности уделялось повышенное внимание руководства страны и И. В. Сталина лично, выделялись значительные средства, что даже в определённой степени, как отмечает историк М. Ю. Мухин, «разбаловало» авиастроителей, которые привыкли, что их запросы удовлетворяются незамедлительно» [8, с. 76].

При этом значимую роль в контексте управления отраслью авиастроения как в советское, так и в российское время занимает лидерская подсистема. Управленческие решения, касающиеся развития отрасли, зачастую принимались при активном участии и поддержке членов Политбюро ЦК ВКП(б). В частности, конструктор А. Н. Туполев отмечал большую роль члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-ого Народного комиссара тяжёлой промышленности СССР С. Орджоникидзе в обновлении материально-технической базы ЦАГИ с целью создания лучшего в мире научно-технического центра авиационной промышленности. «Нам было сказано, что для ЦАГИ денег жалеть не надо, что для нового ЦАГИ денег дадут столько, сколько надо»; «каждый день я ему такие документы давал, он просматривал, и не помню, чтобы хоть один раз он не подписал»⁵.

Важно отметить, что и члены семей представителей советского руководства, а также акторов отраслевого управления зачастую связывали жизнь с авиацией. Василий Сталин и Леонид Хрущёв служили в авиации, Степан Микоян был лётчиком-испытателем. Алексей Туполев пошёл по стопам отца-авиаконструктора, а Владимир Ильюшин работал в ОКБ Сухого сначала лётчиком-испытателем, затем – заместителем главного конструктора.

⁴Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: АлексВ, 2016. С. 126–135.

⁵Бодрихин Н. Г. Туполев. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 66–67.

Кроме того, обращает на себя внимание и процесс вовлечения новых акторов в систему выработки, принятия и реализации управленческих решений. В частности, период первых пятилеток и предвоенное время стали временем активного включения специалистов отрасли авиастроения в процесс принятия управленческих решений в отрасли в рамках обеспечения ситуации конкуренции лучших идей авиастроительных КБ. В частности, в 1939 г. в условиях подготовки к войне в Овальном зале Кремля прошло совещание руководства страны (в президиуме находились И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов) с ведущими специалистами отрасли. Ведущий совещания В. М. Молотов «вызывал конструкторов по заранее составленному списку – каждый должен был рассказать, над чем работает, посвятить в свои планы на ближайшее будущее»⁶. Решения о массовом производстве тех или иных видов техники принимались с учётом мнения конструкторов, которое зачастую могло идти вразрез с представлениями президиума совещания⁷. Записки специалистов отрасли с указанием на проблемы и их возможные варианты решений тщательно рассматривались, оперативно принимались необходимые управленческие решения. Подобный подход, кроме того, сказывался и на развитии кадрового потенциала отрасли. Так, историк Ф. И. Чуев напрямую связывает престиж работы в авиации и возможности ведущих специалистов отрасли: «Конечно, раньше так было проще, потому что авиация была престижна, и возглавляли её такие, как Туполев, Ильюшин, Яковлев, Микоян, они напрямую выходили на Сталина, который лично занимался авиацией»⁸.

Ещё один способ обеспечения представительства позиции и учёта мнения специалистов отрасли при выработке и реализации государственной политики в отрасли авиастроения – кооптация ведущих конструкторов, опытных инженеров и талантливых управленцев в формальную структуру управления отраслью⁹. Мера позволила, с одной стороны, подключить к процессу принятия управленческих решений в отрасли ведущих

⁶Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: АлексВ, 2016. С. 185–186.

⁷Яковлев А. С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: АлексВ, 2016. С. 185–186.

⁸Чуев Ф. И. Ильюшин. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 159.

⁹В частности, в 1940 г. молодой, но положительно зарекомендовавший себя авиаконструктор А. С. Яковлев был назначен на должность заместителя наркома авиационной промышленности по науке и опытному строительству.

учёных и конструкторов посредством организации совещаний по наиболее острым темам и формирования организационных структур, ответственных за реализацию вырабатываемых управленческих решений с учётом включения в кадровый состав органов крупных технических специалистов в своей области (например, по данной логике А. С. Яковлевым был сформирован главк опытного самолетостроения, изменена кадровая структура ЦАГИ и пр.). С другой – оперативно поставить и решить проблемы, связанные с недостатком инфраструктурной обеспеченности отрасли¹⁰.

В период конца 1930-х – начала 1940-х гг. распространение получил ещё один специальный институт в системе управления промышленностью (и отраслью авиастроения, в частности) – т. н. «шараги» – закрытые опытно-конструкторские бюро, в которых использовался труд заключённых конструкторов, инженеров, учёных для решения остро стоящих перед государством задач. Принципы функционирования одного из наиболее известных заведений данного типа – ЦКБ-29 НКВД – были описаны конструктором Л. Л. Кербером в работе «Туполевская шарага»¹¹. В работе автор также обращает внимание на особенности отраслевого управления: «Когда конструктор обращался за помощью в верха, его запрос тонул. Когда же под таким запросом стояла подпись Ягоды, Ежова или Берии, Посезам открывался мгновенно, и задача выполнялась с необыкновенной быстротой»¹².

В послевоенные годы с приходом нового лидера государства изменилось и место авиастроения в системе приоритетов развития промышленности СССР. В связи с активным развитием ракетостроения авиастроение военной сферы в определённой степени лишилось уникальной функции, связанной с доставкой бомб, в т. ч. ядерных, на дальние расстояния, программы развития авиационной техники были урезаны. Как от-

¹⁰ Создание опытных лабораторий статистических и динамических испытаний; организация Лётно-исследовательского института (ЛИИ) Наркомата авиационной промышленности), а также связи КБ и производств (в частности, была реализована программа обучения ведущих инженеров пилотированию самолётов; подготовлено «Руководство для конструкторов», написанное крупнейшими учёными страны с целью унификации методологии проектирования, постройки и испытания самолётов; планирование деятельности КБ и НИИ в части закрепления приоритетного порядка исследования и разработки тех или иных тем).

¹¹ Озеров Г. А. Туполевская шарага. 2-е изд. М.: Посев, 1973. 125 с.

¹² Озеров Г. А. Туполевская шарага. 2-е изд. М.: Посев, 1973. С. 9.

мечает писатель Ф. И. Чуев, «Никита Сергеевич решил, что в эпоху космоса самолёты не нужны»¹³. Изменение приоритетов в промышленной сфере, связанное с позицией Н. С. Хрущева, сказалоcь и на роли ряда институтов в управлении отраслью: ослаб механизм привлечения специалистов отрасли к коллективной выработке стратегических решений, однако широкое распространение получил инициативный порядок создания самолётов ведущими конструкторскими бюро¹⁴.

Кроме того, важно отметить и количество акторов, принимающих непосредственное участие в принятии решений. Так, в частности, сохранение небольшого государственного аппарата при И. В. Сталине способствовало скорости принятия управленческих решений при ориентированности на лидера. По словам авиаконструктора Г. К. Нохратян-Торосяна, «в ту пору и бюрократии было поменьше; ко времени перестройки у нас стало 130 министерств, а при Сталине было всего 17, и каждого министра знали по фамилии»¹⁵. Кроме того, с управленческой точки зрения в послевоенное время сохранилась активная вовлечённость ведущих авиационных конструкторов в процесс выработки управленческих решений, значительная часть техники разрабатывалась ресурсно обеспеченными конструкторскими бюро самостоятельно.

С приходом Л. И. Брежнева исследователи отмечают ещё большее снижение вовлечённости главы государства в вопросы развития отечественного авиастроения: личных контактов между Генеральным секретарём ЦК КПСС и конструкторами стало значительно меньше¹⁶. «Прежде всего, его [Брежнева] интересовали сельское хозяйство и экономические аспекты внешнеполитического сотрудничества», в значительно меньшей степени и до 1968 г. – отдельные вопросы промышленных отраслей и ВПК [7, с. 68]. Всё чаще в литературе процесс принятия решения относительно создания того или иного самолёта ограничивается апелляцией к институтам (ЦК Партии,

¹³ Чуев Ф. И. Ильюшин. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 190.

¹⁴ Так, например, по личной инициативе конструктора С. В. Ильюшина в короткие сроки был создан получивший впоследствии широкое распространение самолёт Ил-18 – объёмы производства лайнера в 4 раза превысили выпуск по госзаказу самолёта со схожими характеристиками производства А. Н. Туполева Ту-104, самолёт С. В. Ильюшина открыл экспорт авиационной техники за рубеж.

¹⁵ Цит. по: Чуев Ф. И. Ильюшин. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 176.

¹⁶ Бодрихин Н. Г. Туполев. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 203.

Совет Министров), нежели отдельным лицам, принимающими решения.

В современной России отмечается высокий интерес Президента РФ В. В. Путина к вопросам развития авиационной сферы как с точки зрения реализации научно-технического производственного потенциала профильных предприятий, так и с целью поддержки транспортного сектора и обеспечения связности территории страны. В то же время, несмотря на регулярное обращение Президента РФ к вопросам создания авиационной техники как военного, так и гражданского назначения, отсутствуют свидетельства наличия личной включённости главы государства в вопросы профильных ведомств, затрагивающие повестку выработки и реализации конкретных управленческих решений в рассматриваемой сфере.

Кроме того, с развитием института частной собственности в России и процесса приватизации предприятий промышленного сектора в 1990-е гг. встаёт вопрос о выделении нового типа акторов формирования и реализации государственной политики. Как отмечает Г. Л. Купряшин, «политические сети отличаются разнообразием механизмов управления, включающих не только государственные и негосударственные политические структуры, но и бизнес, а также совокупность различных элементов гражданского общества разных уровней – от международного до локального» [6]. Говоря о сложившейся в постсоветской России архитектуре государственного управления, А. И. Соловьев также отмечает «вынесение фактических центров принятия решений за рамки государственной иерархии» [12, с. 377–378], что справедливо и для рассматриваемой в рамках статьи отрасли. 1990-е гг. – начало 2000-х гг. в отечественном авиастроении связаны с упадком: частные предприятия не смогли приспособиться к условиям рынка, а значимую роль в поддержке сектора играл и продолжает играть институт государственного заказа. Рост государственного участия в развитии отрасли отразился и на структуре управления: в 2006 г. указом Президента РФ была создана «Объединённая авиастроительная корпорация»¹⁷, а в 2018 г. 92,31% акций ОАК было передано государственной корпорации «Ростех»¹⁸. Как пишет

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 20.02.2006 №140 «Об открытом акционерном обществе “Объединённая авиастроительная корпорация”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.02.2006. №9. Ст. 986.

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.10.2018 №2533-р «Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 24 октября

профессор Московского авиационного института Л. Б. Соболев, «инициатива по интеграции предприятий авиапрома полностью перешла в руки госчиновников, которым понравилась идея создания монопольных объединённых корпораций» [10]. Таким образом, значимым фактором развития отрасли авиастроения являются интерес руководителей профильной государственной корпорации к сфере авиационной промышленности, готовность и умение аллоцировать необходимые ресурсы для развития отрасли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, стоит отметить, что неформальные институты как в советское, так и в российское время играют значимую роль в развитии авиационной промышленности в России. Предвоенные годы внесли значительные коррективы в систему управления отраслью авиастроения посредством увеличения роли лидера государства в процессе: формирования стратегического курса развития отрасли и принятия управленческих решений; организации специальных совещаний с представителями авиационной промышленности при главе государства; обновления и омоложения кадрового состава управления отраслью; создания специальных закрытых опытно-конструкторских бюро тюремного типа. В послевоенное время система управления отраслью авиастроения постепенно утратила соответствующие институты, многие из которых не имели формального закрепления, произошёл отказ от плановой экономики. В то же время значимой стала роль государственных корпораций, а принятие политико-управленческих решений было перенесено в корпоративный сектор, ориентированный на институт государственного заказа.

Институционально оформленная структура управления отраслью зачастую дополняется широким набором неформальных институтов, оказывающих влияние как на постановку приоритетов развития отрасли и выработку стратегии, так и на реализацию конкретных управленческих решений. Значимую роль в процессе выработки, принятия и реализации управленческих решений играют не только глава государства, но и ли-

2018 г. №596 “Об имущественном взносе Российской Федерации в Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»” // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2018. №49. Ст. 7636.

дерская подсистема – приближённые лидера, представители различных групп влияния.

Примечателен и состав акторов: помимо представителей формальных институтов, регулирующих развитие отрасли авиастроения, а также руководителя государства и лидерской подсистемы, в процесс управления отраслью включены и иные акторы. В советское время – представители опытно-конструкторских бюро, зачастую конкурирующих между собой, в современной России – представители корпоративного сектора, который, в свою очередь, стремится к монополизации контроля над развитием отрасли. Интересны и механизмы кооптации новых акторов в управленческую систему. Система управления отраслью до 1960-х гг. требовала включения новых лиц, инженеров, представителей конструкторского сообщества в процесс выработки решений, что было реализовано посредством внедрения формально не закреплённых, однако проявляющих себя в процессе управления отраслью институтов – специальных ситуативных совещаний при главе государства, нерегламентированного механизма привлечения конструкторов к непосредственному управлению отраслью и т. д.

Российская система управления авиационной промышленностью в данном контексте представляется более закрытой, не предполагая ни формальных, ни неформальных механизмов включения представителей профессионального, инженерного цеха в процесс выработки управленческих решений. Кроме того, в современной России наблюдаются процесс монополизации управления сферой авиационной промышленности, её полный переход под государственный контроль, опосредованный управленческой системой государственной корпорации, исключение возможности конкуренции между конструкторскими бюро и производственными предприятиями отрасли, что в целом идёт в разрез как с опытом развития авиационной промышленности в Советском Союзе, так и с общемировыми актуальными тенденциями.

На фоне современных геополитических обстоятельств вероятно дальнейшее усиление практики заимствования советского опыта, при этом в данном контексте представляется важной оценка имеющихся для соответствующей перестройки не только организационных, но и политических, кадровых и финансово-экономических ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
2. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). М.: Машиностроение, 1986. 368 с.
3. Дука А. В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10. №2. С. 24–43.
4. Каратеев А. Ю. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. М.: АИРО-XXI, 2013. 368 с.
5. Коньков А. Е. Латентное пространство публичной политики в современном государстве: в поисках теоретической модели. М.: Аргатак-медиа, 2022. 224 с.
6. Купряшин Г. Л. Публичное управление // Политическая наука. 2016. №2. С. 101–131.
7. Митрохин Н. А. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с.
8. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М.: Наука, 2006. 320 с.
9. Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбов-полиграфиздат, 2006. 592 с.
10. Соболев Л. Б. Горизонтальная интеграция или конгломерация? // Экономический анализ: теория и практика. 2015. №24. С. 2–11.
11. Соловьев А. И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Аспект Пресс, 2021. 256 с.
12. Соловьев А. И. Двухядерная архитектура государственного управления: опыт и перспективы постсоветской России // Трактории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Московский государственный педагогический университет, 2019. С. 377–378.
13. Сморгунов Л. В. Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. №3. С. 100–121.
14. Фицпатрик Ш. Команда Сталина. Годы опасной жизни в советской политике / пер. Е. Варгина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 528 с.
15. Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового, Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2011. 478 с.

ARTICLE INFORMATION

Author

Iuliia V. Petrova

- e-mail: iuliiapeetrova@gmail.com,
Postgraduate Student, History and Theory of Politics Department,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119234, Russian Federation,

Junior Researcher, Department of Political Science,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovskiy pr-t 51/21, Moscow 117418, Russian Federation

For citation

Petrova Iu. V. Organizational structure of the civil aircraft industry management in Soviet and Russian times: features of dynamics. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the common and specific features of the evolution of the organizational structure in the management of civil aircraft production in modern Russia and the Soviet Union, and to analyze its dynamics.

Methodology. Within the framework of historical, institutional and neo-institutional approaches, both formal and informal institutions of sectoral management are described; cases demonstrating the influence on the development, adoption and implementation of managerial decisions of the head of state, the leadership subsystem, representatives of influence groups, including the corporate sector, are considered.

Results. Specific mechanisms of industry management are described (special situational meetings, an unregulated mechanism for attracting engineers to direct management of the industry, etc.). It is concluded that there are significant differences in the organizational structure of management of the civil aviation industry in the Soviet Union and modern Russia, both at the level of the institutional framework of industry management and the executive staff of managers, and at the level of informal institutions.

Research implications. The theoretical and practical significance of this study lies in the identification of institutions and practices in industry management that were successful in the Soviet era, which may be relevant for adoption in current geopolitical and social and economic circumstances.

Keywords

aviation industry, civil aviation, formal and informal institutions, industry policy, path dependence

References

1. Gaman-Golutvina O. V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoi evolyutsii* [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 446 p.
2. Duz P. D. *History of aeronautics and aviation in Russia (July 1914 – October 1917)* [History of aeronautics and aviation in Russia (July 1914 – October 1917)]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1986. 368 p.
3. Duka A. V. [Elites in the Political Opportunity Structure]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, vol. 10, no. 2, pp. 24–43.
4. Karateev A. Yu. [Aeronautical engineers in Russia and the USSR. Training of personnel in 1909–1945]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2013. 368 p.
5. Konkov A. E. [Latent space of public policy in the modern state: in search of a theoretical model]. Moscow, Argamak-media Publ., 2022. 224 p.
6. Kupriyashin G. L. [Public administration]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 2, pp. 101–131.
7. Mitrokhin N. A. *Ocherki sovetskoi ekonomicheskoi politiki v 1965–1989 godakh. T. 1* [Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989. Vol. 1]. Moscow, Novoye literaturnoye obozrenie Publ., 2023. 504 p.
8. Mukhin M. Yu. *Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 godakh* [Aviation industry of the USSR in 1921–1941]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 320 p.
9. Seltser D. G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The rise and fall of the nomenclature]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2006. 592 p.
10. Sobolev L. B. [Horizontal integration or conglomeration?]. In: *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice] 2015, no. 24, pp. 2–11.
11. Solovyev A. I. *Politika i upravlenie gosudarstvom. Ocherki teorii i metodologii* [Politics and State Administration. Essays on Theory and Methodology]. Moscow, Aspekt-Press, 2021. 256 p.

12. Solovyev A. I. [Dual-Core Architecture of Public Administration: Experience and Prospects of Post-Soviet Russia]. In: Gaman-Golutvina O. V., Smorgunova L. V., Timofeeva L. N., eds. *Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 6–7 dekabrya 2019 g.* [Trajectories of political development in Russia: institutions, projects, actors: materials of the all-Russian scientific conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation, Moscow, December 6–7, 2019]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2019, pp. 377–378.
13. Smorgunov L. V. [Modern trends in public administration: from new public management to governance of public policy]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2022, no. 3, pp. 100–121.
14. Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics (Rus. ed.: Vargin E., transl. *Komanda Stalina. Gody opasnoi zhizni v sovetskoi politike.* Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2021. 528 p.).
15. Schattenberg S. Stalins Ingenieure: Lebenswelten zwischen Technik und Terror (Rus. ed.: Brun-Tsekhovoi V. A., Pantina L. Yu., transl. *Inzhenery Stalina. Zhizn' mezhdru tekhnikoi i terrorom.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 478 p.).

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КОММУНИКАЦИЯМИ. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Саркисов Вартан Эрнестович

- e-mail: vartan1809@gmail.com;
аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы;
Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1,
Российская Федерация

Для цитирования

Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления рекламной политической коммуникацией // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.04.2024
- Статья размещена на сайте 16.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Рекламная политическая коммуникация. Основные понятия и определения](#)

[Этапы управления рекламной политической коммуникацией](#)

[Этап 1. Получение и анализ информации](#)

[Этап 2. Подготовка и принятие решений](#)

[Этап 3. Организация выполнения принятых решений](#)

[Этап 4. Контроль, оценка результатов](#)

[Этап 5. Внесение коррективов](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать современные теоретические аспекты политической рекламы и сформировать матрицу управления рекламными политическими коммуникациями.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели автором был выполнен обзор научных исследований политической рекламы, проведённых российскими и зарубежными учёными. Анализировались данные ВЦИОМ и других социологических служб, а также результаты рекламных политических кампаний, проводившихся в разное время в регионах Российской Федерации и зарубежных стран. Полученный материал структурировался для создания матрицы управления политическими коммуникациями и детализации этапов управления рекламной политической коммуникацией. Основными методами, используемыми в работе, выступают аналитический и описательный. Обобщён статистический материал, не вовлекавшийся ранее в исследования по рекламной политической коммуникации.

Результаты. В процессе исследования выявлены две основные категории проблем, с которыми могут столкнуться субъекты рекламной коммуникации: 1) проблемы, связанные с организацией распространения рекламных материалов (распространение рекламных материалов не соответствует утверждённому адресным программам либо медиапланам, или эффективность работы персонала, распространяющего рекламные материалы, не соответствует установленным KPI); 2) проблемы, связанные с содержанием и качеством производства рекламных материалов (количественные или качественные показатели реакции аудитории не соответствуют установленным KPI). Предложены варианты устранения или нивелирования данных проблем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые проведён разносторонний анализ современных теоретических аспектов политической рекламы. Кроме того, в статье представлены определение данного явления и классификация политической рекламы по различным критериям (по целям и типам рекламных площадок). Подробно описаны основные этапы управления политической рекламной коммуникацией. Полученные результаты могут быть задействованы на практике при выработке стратегии проведения рекламных кампаний на федеральном и региональном уровнях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коммуникация, политическая реклама, управление политическими коммуникациями

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья продолжает серию публикаций, которую автор посвящает рассмотрению практических аспектов управления политическими коммуникациями. Речь в ней пойдёт об управлении рекламной политической коммуникацией.

Описание пяти этапов управления политическими коммуникациями в разрезе шести видов политических коммуникаций было представлено авторами в статье «Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией» [3, с. 139–150]. В этой же статье представлена общая матрица управления политическими коммуникациями.

Сокращённый вариант описания процессов рассматриваемой рекламной политической коммуникации представлен в таблице 1. Ниже будут подробно описаны этапы управления данной коммуникацией.

РЕКЛАМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Рассматривая феномен «рекламной политической коммуникации» / «политической рекламы», необходимо в первую очередь зафиксировать его широкую смысловую основу. «Политическая реклама» состоит из двух понятий: реклама – как определённый вид коммуникации, и политика – как конкретная сфера деятельности [7]. В то же время политическая реклама продолжает оставаться основой другого более глобального направления – политического маркетинга, что определяет её «практический характер» [22, р. 29–53, 8, с. 95–102].

Существует множество научных публикаций, описывающих различные аспекты политической рекламы. Я же в своём литературном обзоре обозначаю общие направления исследований, а также представляю своё понимание сути и содержания понятия «рекламная политическая коммуникация».

Как справедливо отмечает С. А. Чубай, определения «политической рекламы» в общепринятой форме не существует [10, с. 115–121]. В научном дискурсе можно условно выделить несколько содержательных парадигм, а именно:

Во-первых, политическая реклама – это форма массовой и / или адресной политической коммуникации [10; 16; 38, р. 566–580; 6; 5, с. 85–98].

Таблица 1 / Table 1

Матрица управления политическими коммуникациями / Political Communication Management Matrix

		Этапы управления политической коммуникацией				
Выбы политической коммуникации		1. Получение и анализ информации	2. Подготовка и принятие решений	3. Организация выполнения принятых решений	4. Контроль, оценка результатов	5. Внесение корректировок
1	Стратегическая коммуникация (СК)	*	*	*	*	*
2	Медийная коммуникация (МК)	*	*	*	*	*
3	Цифровая коммуникация (ЦК)	*	*	*	*	*
4	PR-коммуникация (ПК)	*	*	*	*	*
5	5.1 Анализ баз рекламодателей, актуальности рекламной поддержки, потенциальных объёмов размещения рекламы	5.1 Анализ баз рекламодателей, актуальности рекламной поддержки, потенциальных объёмов размещения рекламы	5.2 Разработка концепции рекламной коммуникации, организация предпродакшена всех видов рекламы и рекламных материалов	5.3 Организация коммуникаций посредством всех видов рекламы (наружная, видео- и аудио-, в интернете, в СМИ, полиграфическая)	5.4 Контроль хода размещения (распространения) всех видов рекламных материалов, анализ достижения ключевых КРГК	5.5 Внесение корректировок в рекламные сообщения, адресные программы и контент-планы размещения, дизайн рекламных материалов и пр.
	Рекламная коммуникация (РК)					
6	Кризисная коммуникация (КК)	*	*	*	*	*

Источник: [3]

Массовый характер политической рекламы наиболее широко раскрыла Л. Л. Каид, которая считает, что это «любые сообщения, находящиеся в основном под контролем источника коммуникации, используемые для продвижения политических кандидатов, партий, политических вопросов и / или идей через массовые каналы» [23].

Во-вторых, целевой характер политической рекламы, способствующей, к примеру, «продвижению» политических акторов [23], созданию позитивного образа политика [10, с. 115–121], убеждению целевой аудитории [24, р. 27–35], мобилизации электората [21, р. 957–977], трансформации электоральных предпочтений граждан (и в конечном итоге влиянию на электоральный выбор) [11, р. 423–437].

Здесь важно отметить, что существуют различные исследования, как подтверждающие наличие «воздействия» на целевые аудитории политической рекламы [20; 30, р. 1–22; 18, р. 303–329], так и отрицающие её эффект или постулирующие, что он ограничен [37, р. 32–44; 28].

Подобные разночтения могут быть связаны с тем, что, как утверждают некоторые исследователи [27; 32], трудно измерить эффективность политического маркетинга в целом (и политической рекламы в частности). Сложность может заключаться в том, чтобы отличить влияние политической рекламы на избирателей от влияния других факторов, таких как экономические, геополитические (например, угроза суверенитету государства), самоидентификация избирателей с кандидатами и т. д. [35, р. 195–231]. Тем не менее политическая реклама считается одним из ключевых элементов коммуникационной стратегии [12, р. 53–69], и её важность на выборах доказана различными исследованиями [33, р. 147–155; 31, р. 7–23; 34, р. 1981–2036].

В-третьих, информационная функция политической рекламы [5, с. 85–98; 26, р. 1137–1151]. Значительный вклад в изучение данного аспекта политической науки внесли Н. Валентино, В. Хатчингс и Д. Уильямс, которые экспериментально подтвердили гипотезу о том, что информационная польза от политической рекламы может зависеть от уровня осведомлённости граждан: наименее осведомлённые будут более восприимчивы к убеждению через рекламу, чем более осведомлённые [39, р. 337–354]. Весьма интересно,

как эти выводы перекликаются с рассуждениями о связи уровня информированности общества с уровнем энтропии в нём, представленными в первом разделе социальной физики 5.0. Не ставя перед собой цели объяснить все сложные корреляционные связи внутри данного объекта исследования, приведём лишь цитату, максимально точно описывающую данную связь: «Человеку тревожно без новостей» [1, с. 42–68]. Другими словами, чем выше в обществе уровень энтропии, тем выше в нём доверие к рекламе и запрос на неё. И наоборот.

В-четвёртых, существование широкого набора рекламных технологий и приёмов [10, с. 115–121; 9, с. 136–147], среди которых, в том числе, целенаправленная «негативная» или «позитивная» политическая реклама. При этом консенсуса в научной среде о воздействии негативной политической рекламы не наблюдается. Одна группа западных учёных в своих работах доказывает, что зачастую негативная политическая реклама вызывает отрицательное воздействие на целевого оппонента [29, р. 27–38; 25, р. 193–201; 19, р. 299–311], а также может угрожать легитимности демократических институтов [13, р. 77–100; 14]. Другая – что воздействие негативной политической рекламы может быть плодотворным (повышается интерес к выборам), при этом не находя подтверждений серьёзному влиянию такой рекламной технологии [36, р. 322–352; 17] на ход электоральных процессов. В российских реалиях исследование, проведённое российскими учёными Е. В. Бродовской, А. Ю. Домбровской, Р. В. Пырмой и А. А. Азаровым среди молодёжи, показало её *недоверие к политической рекламе* [4, с. 180–197].

Отметим, что недоверие молодёжи к политической рекламе может обуславливаться некорректным выбором площадки для её трансляции. Например, старт рекламной кампании, рассчитанной на молодёжную аудиторию, с телевизионной площадки, скорее всего, гарантирует отсутствие интереса и доверия к ней (вне зависимости от актуальности повестки, контента и т. д.). Согласно данным ВЦИОМ в возрастной категории 18–24 лет доля интернет-пользователей составляет 66% (*для 25–34 лет – 52% соответственно*), а уровень потребления телевизионного контента колеблется от

0 до 1%¹. Таким образом, молодёжь остаётся на периферии информационного воздействия в силу некорректно таргетированного плана распространения рекламы. С другой стороны, пропаганда через блогерское сообщество в социальных сетях без достаточной финансовой поддержки также обречена на провал. Но комбинация из «старта в социальных сетях при поддержке ботов в мессенджерах создаёт хороший потенциал успеха» [2]. Подобная «переупаковка» рекламного продукта в разумную и уместную пропаганду может устранять эффекты нигилизма со стороны молодёжной аудитории.

В-пятых, большинство исследователей феномена политической рекламы сходится на том, что её ключевой функцией является *обеспечение связи политиков и общественности (электората)* [8, с. 95–102; 15].

Стоит также подчеркнуть, что многочисленные зарубежные и отечественные исследователи, говоря о политической рекламе, имеют в виду распространение рекламных сообщений в контексте проведения электоральных кампаний, что, на наш взгляд, сильно сужает рамки как самого термина, так и его содержательного наполнения.

Автор определяет термин «рекламная политическая коммуникация» (далее – РПК) значительно шире, а именно как *процесс взаимодействия между акторами политической коммуникации и получателями информации, осуществляемого посредством распространения рекламных сообщений целевым аудиториям коммуникации через различные рекламные каналы (офлайн и онлайн) и имеющего целью оказать влияние на политические процессы.*

Можно выделить *два ключевых вида* РПК в разрезе её целеполагания:

- *Имиджевая РПК.* Применяется как канал для донесения автономного (самостоятельного) рекламного сообщения с целью формирования позитивного образа субъекта коммуникации;
- *Поддерживающая РПК.* Применяется как способ текущей рекламной поддержки события (проекта) с целью по-

¹ВЦИОМ. Тренды медиапотребления. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022> (дата обращения: 05.02.2024).

вышения уровня информированности целевых аудиторий о проекте либо уровня вовлечённости (участия) в нём.

В отдельных случаях организация рекламной кампании может быть гибридной, т. е. иметь признаки обеих вышеуказанных РПК.

Разновидности рекламной политической коммуникации можно систематизировать и по другим основаниям, например, по используемым площадкам для размещения они разделяются на офлайн- и онлайн-РПК. Однако, как нам представляется, в рамках повышения эффективности управления данным видом коммуникации целесообразнее делать классификацию в зависимости от вида рекламного сообщения. В этом контексте мы выделяем следующие виды сообщений:

1. *Статическое визуальное рекламное сообщение.* Может распространяться в форме: наружной рекламы, статической баннерной рекламы, рекламных полиграфических материалов, таргетированной рекламы, рекламы в мессенджерах, рекламы в печатных изданиях, рекламы в социальных сетях блогеров и ЛОМов.

2. *Видео- / аудиорекламное сообщение.* Может распространяться в форме: наружной рекламы с динамическими экранами, телевизионной (радио-) рекламы, динамической баннерной рекламы, таргетированной рекламы, рекламы в мессенджерах, рекламы в социальных сетях блогеров и ЛОМов.

3. *Текстовое рекламное сообщение.* Может распространяться в виде статической баннерной рекламы, рекламных полиграфических материалов, таргетированной рекламы, рекламы в мессенджерах, рекламы в печатных изданиях, рекламы в социальных сетях блогеров и ЛОМов.

4. *Комплексное рекламное сообщение,* одновременно имеющее признаки вышеперечисленных видов рекламы и распространяемое по всем упомянутым каналам.

ЭТАПЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕКЛАМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Перейдём к рассмотрению этапов управления рекламной политической коммуникацией. Перечень процессов, реализуемых на каждом из них, представлен в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Этапы управления рекламной политической коммуникацией / Stages of management of advertising political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
5.1.1. Проведение аналитики (соц. исследования, открытые источники информации) с целью определения уровня актуальности рекламной поддержки политической коммуникации	5.2.1. Разработка стратегии рекламной коммуникации	5.3.1. Организация коммуникации посредством наружной рекламы	5.4.1. Анализ достижения ключевых КРП эффективности проведения рекламной коммуникации	5.5.1. Внесение коррективов в адресную программу размещения наружной рекламы
5.1.2. Формирование и анализ базы рекламодателей в области наружной рекламы	5.2.1.1. Описание ключевых ЦА, главных смыслов рекламной поддержки и её ключевых сообщений	5.3.1.1. Формирование банка изображений и визуализаций, очистка прав	5.4.2. Осуществление контроля за размещением наружной рекламы и достижения ключевых КРП	5.5.2. Внесение коррективов в медиапланы размещения рекламных видео- / аудиороликов
5.1.3. Формирование и анализ базы рекламодателей в области СМИ	5.2.1.2. Разработка основных слоганов (брендов) рекламной коммуникации	5.3.1.2. Организация и проведение фотосессий	5.4.3. Осуществление контроля трансляции рекламных видео/аудиороликов и достижения ключевых КРП	5.5.3. Внесение коррективов в медиапланы размещения баннерной рекламы в сети Интернет
5.1.4. Формирование и анализ перечня релевантных цифровых площадок для организации рекламного размещения информации	5.2.1.3. Разработка фирменного стиля рекламной коммуникации	5.3.1.3. Макетирование всех типов рекламных поверхностей	5.4.4. Организация контроля качества распространения рекламных полиграфических материалов и достижения ключевых КРП	5.5.4. Внесение коррективов в медиапланы размещения рекламных материалов в СМИ

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

Этапы управления рекламной политической коммуникацией / Stages of management of advertising political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
5.1.5. Формирование перечня ЛОМов для осуществления рекламной интеграции	5.2.1.4. Организация тестирования визуальных образов, слоганов и фирменных стилей рекламной коммуникации 5.2.1.5. Формирование ключевых КРП эффективности проведения рекламной коммуникации	5.3.1.4. Формирование адресной программы размещения наружной рекламы 5.3.1.5. Заключение договоров на размещение наружной рекламы	5.4.5. Осуществление контроля за размещением баннерной рекламы и достижением ключевых КРП 5.4.6. Осуществление контроля за размещением таргетированной рекламы и достижения ключевых КРП	5.5.5. Внесение коррективов в адресную программу распространения рекламных полиграфических материалов 5.5.6. Коррекция первоначального состава распространителей рекламных полиграфических материалов
5.2.2. Организация производства видео/аудиорекламы	5.2.2.1. Разработка сценариев (сценарных заявок) 5.2.2.2. Закупка футажей и хроники	5.3.1.6. Организация размещения наружной рекламы согласно адресной программе 5.3.2. Организация коммуникации посредством видео- / аудиорекламы	5.4.7. Организация контроля размещения рекламных материалов в СМИ согласно медиаплану	5.5.7. Коррекция целевых аудиторий таргетированной рекламы
5.2.3. Организация кастинга актёров		5.3.2.3. Организация тестирования всех видов видео- / аудиореоликов и внесение коррективов		5.5.8. Коррекция перечня ЛОМов для реализации рекламных интеграций

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

Этапы управления рекламной политической коммуникацией / Stages of management of advertising political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
	5.2.2.4. Формирование медиапланов размещения (трансляции) рекламных роликов 5.2.3. Организация производства по производству баннерной рекламы в сети Интернет	5.3.2.4. Заключение договоров на размещение (трансляцию) видео-/аудиороликов 5.3.2.5. Организация размещения рекламных видео- / аудиороликов согласно медиаплану 5.3.3. Организация коммуникации посредством баннерной рекламы в сети Интернет	5.4.8. Организация контроля реализации рекламных интеграций в социальные сети ЛОМов, каналы в мессенджерах и достижения установленных КРИ	5.5.9. Коррекция текстов рекламных интеграций в социальных сетях ЛОМов 5.5.10. Проведение повторного тестирования (при необходимости) рекламных материалов и внесение коррективов по итогам
	5.2.3.1. Организация разработки дизайна и макетирования баннерной рекламы 5.2.3.2. Формирование медиапланов размещения баннерной рекламы в сети Интернет	5.3.3.1. Заключение договоров на размещение согласно медиаплану 5.3.3.2. Размещение баннерной рекламы в сети Интернет согласно медиаплану 5.3.4. Организация коммуникации посредством размещения рекламных материалов в СМИ		

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

Этапы управления рекламной политической коммуникацией / Stages of management of advertising political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
	5.2.3.3. Формирование ключевых КР1 эффективности проведения баннерной рекламы в сети Интернет	5.3.4.1. Заключение договоров на размещение рекламных материалов в СМИ согласно медиаллану		
	5.2.4. Организация пред-продакшена по производству рекламных материалов для публикации в СМИ	5.3.4.2. Размещение рекламных материалов в СМИ согласно медиаллану		
	5.2.4.1. Подготовка текстов рекламных публикаций (блоков)	5.3.5. Организация коммуникации посредством распространения рекламных полиграфических материалов		
	5.2.4.2. Формирование медиалланов размещения рекламных материалов в СМИ	5.3.5.1. Организация печати тиражей рекламных полиграфических материалов		
	5.2.5. Организация пред-продакшена по производству полиграфических рекламных материалов	5.3.5.2. Организация распространения рекламных полиграфических материалов согласно адресной программе		

Окончание Таблицы 2 / Table 2.

Этапы управления рекламной политической коммуникацией / Stages of management of advertising political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
5.1.6. Проведение содержательного и финансового анализа потенциальных объёмов размещения всех видов рекламы	5.2.5.1. Организация подготовки контента и вёрстки полиграфических рекламных материалов	5.3.6. Организация распространения таргетированной рекламы в социальных сетях 5.3.7. Организация взаимодействия с ЛОУМами на предмет реализации рекламных интеграций в их социальные сети		
	5.2.5.2. Формирование адресной программы распространения рекламных полиграфических материалов			
	5.2.5.3. Формирование ключевых КРП эффективности распространения рекламных полиграфических материалов			
	5.2.5.4. Осуществление подбора и обучения персонала для организации распространения рекламных полиграфических материалов			

ЭТАП 1. ПОЛУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ

На первом этапе управления рекламной политической коммуникацией подробно изучается опыт ранее проводимых рекламных кампаний, в том числе формирующих и / или транслирующих конкурентные смыслы и парадигмы посредством анализа открытых источников информации, объёмов и направлений предыдущих рекламных кампаний, объёмов финансовых ресурсов, направляемых ранее на рекламу. По результатам анализа принимается решение *об уместности и актуальности* рекламной поддержки.

Вообще этот вопрос – уместно ли в принципе заниматься рекламной поддержкой политической коммуникации – является весьма дискуссионным. Мнения экспертов делятся примерно пополам, а руководители, принимающие решение о выделении бюджетов, зачастую дают на этот вопрос отрицательный ответ, так как «во-первых, люди (избиратели) осуждают трату денег на рекламу, а во-вторых, нечего рекламировать нашу работу – она сама за себя всё расскажет».

Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Скажем, современные региональные политические практики говорят о том, что одно из самых «слабых звеньев» в осуществлении политических коммуникаций местных властей – отсутствие у населения чёткого образа результата деятельности губернатора и его команды. Быстро и эффективно справиться с этой проблемой позволяет грамотно спланированная и реализованная рекламная поддержка текущей работы местных администраций. Причём совсем необязательно расходовать на подобную поддержку существенные финансовые ресурсы. Если целевые аудитории рекламных сообщений и каналы коммуникации *выбраны корректно*, если сообщения эти содержательны и информативны, то и относительно скромные вложения дают весьма ощутимый эффект.

Так, известны примеры, когда относительно небольшие ресурсы, потраченные на тиражирование и распространение по местам концентрации жителей (многофункциональные центры, отделения Сбербанка, Почты России и т. п.), к примеру, лифлетов с информацией о текущей работе властей, дают ощутимый эффект в информировании населения региона о работе региональных администраций.

На данном этапе необходимо также максимально точно *определить целевые аудитории* будущих рекламных сообщений

и релевантные им формы и каналы донесения рекламной информации.

Несоответствие первого и второго – одна из часто совершаемых ошибок. Скажем, крайне неэффективно рекламировать региональные льготы для пенсионеров через интернет-источники, а региональные субсидии местным малым предпринимателям – в муниципальных газетах либо на каналах местного телевидения.

На этом же этапе формируются (актуализируются) базы рекламодателей: операторы наружной рекламы, СМИ, цифровые площадки, ЛОМы.

Органичность рекламных интеграций в социальные сети ЛОМов – непереносимое условие эффективности этой работы. Иногда в погоне за большим количеством просмотров организаторы рекламных кампаний нарушают принцип нативности, что всегда приводит к обратному эффекту: аудитория инфлюенсера очень остро чувствует фальшь и конъюнктуру подобных постов и мало того что подвергает резкой обструкции главные смыслы сообщения, ещё и зачастую массово отписывается от такого «горе-пропагандиста».

На первом этапе также важно адекватно *рассчитать расходы* на рекламные кампании и запланировать их в соответствующих бюджетах.

ЭТАП 2. ПОДГОТОВКА И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

Перечень основных процессов второго этапа управления РПК описан нами в таблице 2 весьма подробно, остановимся на наиболее важных и принципиальных моментах.

При всём многообразии задач, решаемых на данном этапе, его доминантой является *разработка креативных решений*, в конечном счёте и определяющих успех или неудачу политических рекламных кампаний. Именно на этом этапе создаются ключевые элементы любой рекламы: слоганы, названия проектов, визуальные и цветовые решения, логотипы, фирменные стили, сценарии рекламных роликов, смысловые парадигмы печатных материалов и макеты полиграфических материалов.

Базовая задача, успешное решение которой определяет качество политического рекламного продукта, – его *соответствие ожиданиям* целевых аудиторий получателей рекламного воздействия.

Главными характеристиками, определяющими степень воздействия политической рекламы на потребителя и в конечном счете её эффективность, являются:

- понятность и запоминаемость представленной информации;
- наличие мотивационного эффекта (в том случае, когда это необходимо по характеру коммуникации);
- соответствие визуальных и текстовых решений тематике политической коммуникации;
- характеристики общего и эмоционального восприятия продукта.

Основным инструментом, используемым для оценки указанных характеристик, является *тестирование образцов рекламы*, проводимое, как правило, на фокус-групповых исследованиях. В качестве респондентов приглашаются представители тех целевых аудиторий, которые являются главными получателями информационного сигнала коммуникации.

Коротко остановимся на *экономике* данного процесса. Доля прямых расходов на организацию предварительного тестирования рекламных материалов от всех расходов на проведение рекламной кампании может значительно разниться и зависит от многих факторов: вида и количества тестируемого материала, географии тестирования, способов размещения материала и т. п. По экспертным оценкам, этот показатель чаще всего колеблется в диапазоне от 5 до 25%. Однако необходимо заметить, что помимо чисто экономической цены, есть ещё и «политическая» цена рекламы, измерить которую (в случае драматических ошибок при производстве и размещении) в рублях достаточно сложно, но которая может быть гораздо выше прямых финансовых затрат. Подробнее об этом – см. ниже.

Ключевой *ошибкой, допускаемой на данном этапе* управления рекламной коммуникацией, является игнорирование либо собственно тестирования, либо его результатов. Принятие решений, основанных не на объективных оценках продукта, данных целевыми аудиториями рекламного воздействия, а на субъективных мнениях отдельных персон (как правило, таковыми являются заказчики работ, которые зачастую оказываются субъектами политической коммуникации либо их представителями), может приводить к полному нивелированию рекламного эффекта, а в крайних случаях – к достижению результата, противоположного ожидаемому.

Второй важной задачей, решаемой на этапе подготовки и принятия решений, является *предпродакшн всех видов рекламы*, используемой в коммуникации. Речь идёт о разработке сценариев видео- / аудиороликов, макетов рекламных продуктов всех видов, текстов рекламных публикаций в СМИ, подготовке текстов и вёрстке полиграфических рекламных материалов. Таким образом формируется содержательный каркас будущей коммуникации.

Третья серьёзная задача этапа – *обеспечение максимального контакта* рекламных сообщений коммуникации с целевыми аудиториями, которым они предназначены, с использованием всего разнообразия рекламных каналов. Достигается это формированием адресных программ распространения наружной рекламы и рекламных полиграфических материалов, медиапланов размещения баннерной рекламы, видеорекламы, рекламных сообщений, целевых аудиторий и площадок распространения таргетированной рекламы, перечня ЛОМов для осуществления рекламных интеграций.

По сути, на втором этапе управления речь идёт о тонкой настройке всей рекламной «машины», корректность которой может обеспечить максимальный эффект коммуникации, а ошибки зачастую сводят его к нулю.

ЭТАП 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЙ

Данный этап представляет собой практическую реализацию рекламной стратегии политической коммуникации (табл. 2). Так же, как и в предыдущей главе, мы остановимся на наиболее принципиальных его процессах и «подводных камнях».

Важная деталь, которой зачастую не уделяется должного внимания – *очистка прав* на все видео-, аудио- и фотоизображения, используемые при производстве рекламы. Соответствующие права могут быть приобретены либо на соответствующих тематических стоках, либо непосредственно у авторов изображений. В случае, когда обе возможности отсутствуют, как правило, проводятся специальные фотосессии (видеосъёмки), дублирующие искомые изображения. При данных условиях необходимо провести их повторное тестирование, что может

в целом удлинить технологическую цепочку производства рекламы.

На этапе финального согласования видео- и фотоизображений политической рекламы важно также убедиться, что они не были использованы ранее в коммерческой рекламе либо не служили иллюстрациями к публикациям неоднозначного характера. Необходимо понимать, что, если по каким-то причинам такое всё же происходит, это всегда приводит к *негативным и даже скандальным* последствиям, как правило, полостью разрушающим смысл и содержание коммуникации.

Про тестирование визуальных образцов рекламы мы писали в предыдущей главе, здесь же остановимся на *тестировании рекламного аудио- / видеопродукта*. Особенности его восприятия аудиторией не позволяют проводить тестирование на этапе предпродакшена, потому оно проводится уже на готовом материале.

Важно учитывать, что тестирование видеорекламы целесообразно проводить методом, наиболее релевантным площадке её будущего распространения. Так, рекламные ролики для трансляции на ТВ-каналах тестируются на фокус-группах, видеопродукт для распространения в сети Интернет – на специальных интернет-платформах. Эмпирические оценки говорят о том, что для получения валидных результатов тестирования продукта, содержащего простые рекламные меседжи (не требующие сложной логики восприятия), на подобных платформах достаточно опросить 500 респондентов.

Процесс внесения коррективов по итогам тестирования видеопродукта может сильно различаться как по своей трудоёмкости, так и по времени исполнения. Относительно безболезненно и оперативно вносятся правки в анимационные, инфографические рекламные ролики и ролики с использованием видеохроники (футажей). Напротив, коррекция постановочных игровых роликов за редким исключением практически трудно реализуема и, как правило, означает либо полную пересъёмку материала, либо отказ от продукта в целом.

ЭТАП 4. КОНТРОЛЬ, ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ

Четвёртый этап управления рекламной политической коммуникацией полностью посвящён контролю над *достижением ключевых показателей* эффективности по каждому из разно-

видностей коммуникации. Рассмотрим их последовательно и дам, предоставив необходимые пояснения.

1. Наружная реклама. В первую очередь контролируется соответствие размещения рекламных поверхностей согласованной адресной программе. В последнее время в крупных городах широкое распространение получили так называемые цифровые билборды на основе LED-панелей, на которых возможна трансляция как статической, так и динамической картинок. В этом случае контролируется количество показов (ротаций) в сутки.

2. Видео- / аудиореклама. Для контроля необходимо заказать (обычно у специализированных мониторинговых организаций) производство ежедневного мониторинга ТВ- и радиоканалов, на которых согласно утверждённому медиаплану ротируется рекламный продукт. В нём отображаются количество и общий хронометраж показов (ротаций) в разрезе каждого из задействованных в рекламной кампании каналов. При размещении рекламного видеопродукта в интернете контролируются *количество его просмотров* в разрезе каждой площадки, *количество и качество реакций*, в отдельных случаях – *средняя длительность* просмотра рекламного материала.

3. Баннерная реклама. Для каждой цифровой площадки размещения контролируются *соответствие медиаплану* размещения, количество *показов за период* и *переходов* по баннеру.

4. Таргетированная реклама. Контролируются *соответствие показов* заданным параметрам целевых аудиторий и их *общее количество* в разрезе каждой из социальных сетей. Если реклама мотивирует пользователя переходить на интернет-ресурсы – контролируются *количество таких переходов*, а также количественные и качественные характеристики реакций на соответствующие рекламные сообщения.

5. Реклама в печатных изданиях. Контролируется *соответствие размещения* рекламных блоков утверждённому медиаплану. В случае наличия у издания интернет-версии оценивается *количество просмотров* рекламного материала и *реакций* на него. В отдельных случаях данная разновидность рекламы может предполагать возможность обратной связи в виде заполнения специальных форм и отправки их по указанному электронному адресу. В данной ситуации оцениваются *количество и качество* подобной обратной связи.

6. Реклама в мессенджерах. Контролируются *соответствие размещения* рекламных интеграций утверждённому медиаплану в разрезе каждого канала и мессенджера, а также *количество просмотров и реакций* на каждую интеграцию.

7. Реклама в социальных сетях блогеров и ЛОМов. Оцениваются *соответствие размещения* рекламных интеграций утверждённому перечню ЛОМов, количество *просмотров* поста, количество и качество *реакций* на него.

8. Распространение рекламных полиграфических материалов. Контролируются *соответствие* мест распространения материалов утверждённой адресной программе, *количество распространённых* экземпляров по каждому из мест распространения. В случае наличия возможности обратной связи (сбор наказов избирателей, голосование за различные инициативы и т. п.) оцениваются *количество и качество* подобной обратной связи. При таких обстоятельствах эффективность данной РПК может сильно зависеть от качества работы персонала, распространяющего материалы. В таком случае организуется контроль над его работой.

Отдельно следует отметить, что для оценки качественных характеристик рекламных материалов, распространяемых в офлайне (ролики на ТВ и радио, печатные полиграфические материалы, наружная реклама, реклама в печатных изданиях), таких как качество эстетического исполнения, заметность, понятность материалов, интерес и мотивация к действию, вызываемая ими, проводятся количественные соцопросы.

Косвенным показателем высокого качества рекламного офлайн-продукта (речь прежде всего о видеороликах) может служить его *мультиплатформенность*, хотя справедливо отметить, что явление это для политической рекламы достаточно редкое. Один из ярких примеров возникновения подобного кросс-канального шлейфа – серия социальной рекламы под общим названием «Русский проект», снятая в 1995–1996 гг. телеканалом ОРТ. Многие из роликов этого проекта, снятые на самой заре появления интернета в России, успешно «перекочевали» в сеть и до сих пор набирают там сотни тысяч просмотров. А ролик о двух женщинах-путейщицах в исполнении Н. Мордюковой и Р. Марковой многими экспертами до сих пор считается классическим образцом социальной рекламы.

ЭТАП 5. ВНЕСЕНИЕ КОРРЕКТИВОВ

Все наиболее часто встречающиеся на практике причины снижения эффективности рекламной политической коммуникации можно условно разбить на две большие категории:

1. Проблемы, связанные с *организацией распространения* рекламных материалов. К ним чаще всего относятся следующие:

- Распространение рекламных материалов не соответствует утверждённым адресным программам либо медиапланам (наружная реклама, видео- / аудиореклама, баннерная реклама, реклама в печатных изданиях, мессенджерах, интеграции с блогерами). Устраняется оперативным взаимодействием с подрядчиками и транслирующими кампаниями. В отдельных случаях может потребоваться корректировка адресных программ и медиапланов.

- Эффективность работы персонала, распространяющего рекламные материалы, не соответствует установленным KPI (полиграфические рекламные материалы). Устраняется проведением специальных тренингов либо частичной заменой кадрового состава персонала.

2. Проблемы, связанные с *содержанием и качеством производства* рекламных материалов. Таковыми, как правило, бывают следующие:

- Количественные (просмотры, переходы, комментарии, лайки / дизлайки, длительность просмотра) или качественные (тональность комментариев, соотношение лайков и дизлайков) показатели реакций целевых аудиторий на рекламные материалы, распространяемые в интернете и социальных сетях, не соответствуют установленным KPI. Устраняется доработкой рекламных материалов, в отдельных случаях – производством новых (видеореклама в интернете, баннерная реклама), корректировкой рекламных текстов либо медиапланов размещения материалов (таргетированная реклама, реклама в мессенджерах и социальных сетях блогеров, баннерная реклама), корректировкой характеристик целевых аудиторий (таргетированная реклама).

- Качественные характеристики рекламных материалов, распространяемых в офлайне, не соответствуют установленным KPI. Устраняется доработкой, в отдельных случаях – производством новых рекламных материалов (наружная реклама, распространение полиграфических материалов), корректировкой рекламных текстов, блоков (реклама в печатных изданиях).

При планировании работ необходимо учитывать, что внесение коррективов, описанных в п. 1 настоящей главы, может быть сделано очень оперативно и практически без каких-либо материальных издержек, тогда как коррективы из п. 2 требуют значительного временного и материального ресурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен формирования так называемого *клипового мышления*, т. е. привычки воспринимать информацию фрагментарно, короткими и яркими образами, а также возникновения и активного развития хештег-культуры как средства мгновенного распространения информации, объективно делает рекламную политическую коммуникацию одной из самых востребованных и эффективных в ряду остальных (см. табл. 1), так как именно она максимально органично соответствует описанным тенденциям эволюции социального развития. Однако, на наш взгляд, неверно рассматривать РПК в отрыве от своих «сестёр». Тем более что реклама – не только очень мощное, но и обоюдоострое коммуникационное оружие. Она может как серьёзно усилить эффект политической коммуникации, оказать существенное воздействие и серьёзно капитализировать политическое влияние субъекта коммуникации, так и с той же силой ударить по его имиджу, нанести непоправимый урон его репутации и поставить под сомнение успех всей коммуникации в целом.

Понимая это, необходимо максимально взвешенно подходить к управлению РПК, тщательно выверяя принимаемые решения, прежде всего руководствуясь принципом «не навреди» на всех творческих и организационных развилках технологических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Дж. Ф. Социальная физика 5.0 // Вестник современных цифровых технологий. 2023. №15. С. 42–68.
2. Алиев Дж. Ф. Образы современной пропаганды. М.: Издательство Российского государственного социального университета, 2023. 204 с.
3. Алиев Дж. Ф., Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №4. С. 139–150. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-139-150
4. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., и др. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодёжи (2018) // Политическая наука. 2019. №2. С. 180–197. DOI: 10.31249/poln/2019.02.09
5. Ибрагимов М. А. Выборы представительных органов власти: особенности и перспективы // PolitBook. 2021. №3. С. 85–98.
6. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. М.: Маркетинг, 2000. 253 с.
7. Морозова О. Н. Политическая реклама в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2010. 208 с.
8. Подгорная Л. Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. №8. С. 95–102.
9. Рафиков А. И. Рекламные коммуникации в политике: сущность и основные подходы к изучению // Журнал политических исследований. 2021. №3. С. 136–147. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-136-147
10. Чубай С. А. Ключевые признаки политической рекламы как самостоятельного вида рекламной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. №3. С. 115–121. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.3.16
11. Camille D. B., Wamble J. J., Laird C. N. Missing the mark? An exploration of targeted campaign advertising's effect on Black political engagement // Politics, Groups, and Identities. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 423–437. DOI: 10.1080/21565503.2020.1757807
12. Chaffee S. H., Choe S. Time of decision and media use during the Ford-Carter campaign // Public Opinion Quarterly. 1980. No. 44. P. 53–69.

13. Dermody J., Scullion R. Exploring the Consequences of Negative Political Advertising for Liberal Democracy // *Journal of Political Marketing*. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 77–100. DOI: 10.1300/J199v02n01_04
14. Farrand B. Regulating misleading political advertising on online platforms: an example of regulatory mercantilism in digital policy // *Policy Studies*: [сайт]. 2023. No. 7. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01442872.2023.2258810#abstract> (дата обращения: 20.03.2024).
15. Fowler E. F. Political Advertising // *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable and Linkable Resource* / ed. R. Scott, S. Kosslyn. Hoboken: John Wiley and Sons, 2015. P. 1–10. DOI: 10.1002/9781118900772.etrds0252
16. Fowler E. F., Franz M. M., Ridout T. N. Political Advertising in the United States. Abingdon: Routledge, 2016. 235 p. DOI: 10.4324/9780429498275
17. Franz M., Freedman P., Goldstein K., et al. Campaign advertising and American democracy. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2007. 224 p.
18. Franz M. M., Ridout T. N. Political Advertising and Persuasion in the 2004 and 2008 Presidential Elections // *American Politics Research*. 2010. Vol. 38. No. 2. P. 303–329. DOI: 10.1177/1532673X09353507
19. Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E., et al. Effects of negative political advertising on the political process // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1990. Vol. 34. No. 3. P. 299–311. DOI: 10.1080/08838159009386744
20. Gray T., Hughes A. Spillover Effects in Political Advertising: Evidence from Judicial Elections // *Journal of Political Marketing*. 2022. DOI: 10.1080/15377857.2022.2047136
21. Huber G. A., Arceneaux K. Identifying the Persuasive Effects of Presidential Advertising // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 4. P. 957–977. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00291.x
22. Kaid L. L. Political Advertising as Political Marketing: A Retro-Forward Perspective // *Journal of Political Marketing*. 2012. Vol. 11. No. 1-2. P. 29–53. DOI: 10.1080/15377857.2012.642731
23. Kaid L. L. Handbook of political communication research. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 564 p.
24. Kaid L. L. Political Advertising and Information Seeking: Comparing Exposure via Traditional and Internet Channels // *Journal of Advertising*. 2002. Vol. 31. No. 1. P. 27–35. DOI: 10.1080/00913367.2002.10673658
25. Kaid L. L., Boydston J. An experimental study of the effectiveness of negative political advertisements // *Communication Quarterly*. 1987. Vol. 35. No. 2. P. 193–201. DOI: 10.1080/01463378709369680

26. Kaid L. L., Postelnicu M., Landreville K., et al. The Effects of Political Advertising on Young Voters // *American Behavioral Scientist*. 2007. Vol. 50. No. 9. P. 1137–1151. DOI: 10.1177/0002764207300039
27. Kavanagh D. *Election campaigning: The new marketing of politics*. Oxford: Blackwell Publishers, 1995. 292 p.
28. Lipsitz K., Padilla J. The Nonlinear Effects of Political Advertising // *Journal of Political Marketing*. 2021. No. 23. P. 1–14. DOI: 10.1080/15377857.2021.1997877
29. Merritt S. Negative Political Advertising: Some Empirical Findings // *Journal of Advertising*. 1984. Vol. 13. No. 3. P. 27–38. DOI: 10.1080/0913367.1984.10672899
30. Newell J. Political Advertising Saturation in the 2016 Iowa Caucuses // *Journal of Political Marketing*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 1–22. DOI: 10.1080/15377857.2018.1513384
31. O'Shaughnessy N. J. High Priesthood, Low Priestcraft: The Role of Political Consultants // *European Journal of Marketing*. 1990. Vol. 24. No. 2. P. 7–23. DOI: 10.1108/03090569010145430
32. Scammell M. *Designer politics: How elections are won*. Basingstoke: Macmillan Press, 1995. DOI: 10.1007/978-1-349-23942-9
33. Soley L. C., Reid L. N. Promotional Expenditures in U.S. Congressional Elections // *Journal of Marketing & Public Policy*. 1982. Vol. 1. P. 147–155. DOI: 10.2307/30000014
34. Spenkuch J. L., Toniatti D. Political Advertising and Election Results // *The Quarterly Journal of Economics*. 2018. Vol. 133. No. 4. P. 1981–2036. DOI: 10.1093/qje/qjy010
35. Steenburg E. V. Areas of research in political advertising: a review and research agenda // *International Journal of Advertising*. 2015. Vol. 34. No. 2. P. 195–231. DOI: 10.1080/02650487.2014.996194
36. Stevens D. Tone Versus Information: Explaining the Impact of Negative Political Advertising // *Journal of Political Marketing*. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 322–352. DOI: 10.1080/15377857.2012.723988
37. Surlin S. H., Gordon T. F. Selective Exposure and Retention of Political Advertising // *Journal of Advertising*. 1976. Vol. 5. No. 1. P. 32–44. DOI: 10.1080/00913367.1976.10672620
38. Tanusondjaja A., Michelon A., Hartnett N., et al. Reaching Voters on Social Media: Planning Political Advertising on Snapchat // *International Journal of Market Research*. 2023. Vol. 65. No. 5. P. 566–580. DOI: 10.1177/14707853231175085
39. Valentino N., Hutchings V., Williams D. The Impact of Political Advertising on Knowledge, Internet Information Seeking, and Candidate Preference // *Journal of Communication*. 2004. Vol. 54. No. 2. P. 337–354. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02632.x

ARTICLE INFORMATION

Author

Vartan E. Sarkisov

- e-mail: vartan1809@gmail.com;
Postgraduate Student,
Department of Political Science and Applied Political Work;
Russian State Social University
ul. Vilgelma Pika 4 str. 1, Moscow 129226, Russian Federation

For citation

Sarkisov V. E. Political communication management. Practical aspects of advertising political communication management. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze modern theoretical aspects of political advertising and form a matrix of advertising political communication management.

Methodology. To achieve this goal, the author conducted a review of scientific studies of political advertising by Russian and foreign authors. The data of VCIOM (Russia Public Opinion Research Center) and other sociological services were also analyzed, as well as the results of political advertising campaigns conducted at different times in the regions of the Russian Federation and foreign countries. The obtained material was structured to create a matrix of political communication management and to detail the stages of advertising political communication management. The work mainly relies on analytical and descriptive methods. The statistical material, which has not been previously involved in research on advertising political communication, was generalized.

Results. In the course of the study, the authors have identified two main categories of issues that subjects of advertising communication may face: 1) issues related to the organization of the distribution of advertising materials (which does not correspond to the approved address programs or media plans, or the efficiency of the staff distributing advertising materials does not correspond to the established KPIs); 2) issues related to the content and quality of the production of advertising materials (quantitative

or qualitative indicators of audience reaction do not correspond to the established KPIs). The options for eliminating or leveling these problems are proposed.

Research implications. For the first time a multifaceted analysis of modern theoretical aspects of political advertising has been carried out. In addition, the article presents a definition of this phenomenon and a classification of political advertisement according to various criteria (by goals and types of advertising platform). The key management stages of political advertising communication are described in detail. The results obtained can be used in practice in developing a strategy for advertising campaigns at the federal and regional levels.

Keywords

communication; political advertisement; political communication management

References

1. Aliev Dzh. F. [Social Physics 5.0]. In: *Vestnik sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii* [Bulletin of Modern Digital Technologies], 2023, no. 15, pp. 42–68.
2. Aliev Dzh. F. *Obrazy sovremennoi propagandy* [Images of modern propaganda]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta Publ., 2023. 204 p.
3. Aliev Dzh. F., Sarkisov V. E. Management of political communications. Practical aspects of strategic political communication management. In: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2023, no. 4, pp. 139–150. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-4-139-150
4. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., et al. [Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018)]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2019, no. 2, pp. 180–197. DOI: 10.31249/poln/2019.02.09
5. Ibragimov M. A. [Elections of representative authorities: features and perspectives]. In: *PolitBook*, 2021, no. 3, pp. 85–98.
6. Lisovsky S. F. *Politicheskaya reklama* [Political Advertising]. Moscow, Marketing Publ., 2000. 253 p.
7. Morozova O. N. *Politicheskaya reklama v internet-prostranstve Velikobritanii (na materiale personal'nykh saitov chlenov parlamenta Velikobritanii)* [Political advertising in the Internet space of Great Britain (on the material of personal websites of members of the UK Parliament)]. St. Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina Publ., 2010. 208 p.

8. Podgornaya L. D. [Political publicity as a form of communication in the modern society]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2006, no. 8, pp. 95–102.
9. Rafikov A. I. [Advertising communications in politics: the essence and main approaches to the study]. In: *Journal of Political Research*, 2021, no. 3, pp. 136–147. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-136-147
10. Chubay S. A. [Key features of political advertising as an independent type of advertising communication]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2015, no. 3, pp. 115–121. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.3.16
11. Camille D. B., Wamble J. J., Laird C. N. Missing the mark? An exploration of targeted campaign advertising's effect on Black political engagement. In: *Politics, Groups, and Identities*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 423–437. DOI: 10.1080/21565503.2020.1757807
12. Chaffee S. H., Choe S. Time of decision and media use during the Ford-Carter campaign. In: *Public Opinion Quarterly*, 1980, no. 44, pp. 53–69.
13. Dermody J., Scullion R. Exploring the Consequences of Negative Political Advertising for Liberal Democracy. In: *Journal of Political Marketing*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 77–100. DOI: 10.1300/J199v02n01_04
14. Farrand B. Regulating misleading political advertising on online platforms: an example of regulatory mercantilism in digital policy. In: *Policy Studies*, 2023, no. 7. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01442872.2023.2258810#abstract> (accessed: 20.03.2024).
15. Fowler E. F. Political Advertising. In: Kosslyn S., Scott R., eds. *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable and Linkable Resource*. Hoboken, John Wiley and Sons, 2015, pp. 1–10. DOI: 10.1002/9781118900772.etrds0252.
16. Fowler E. F., Franz M. M., Ridout T. N. *Political Advertising in the United States*. Abingdon: Routledge, 2016. 235 p. DOI: 10.4324/9780429498275
17. Franz M., Freedman P., Goldstein K., et al. *Campaign advertising and American democracy*. Philadelphia, PA, Temple University Press, 2007. 224 p.
18. Franz M. M., Ridout T. N. Political Advertising and Persuasion in the 2004 and 2008 Presidential Elections. In: *American Politics Research*, 2010, vol. 38, no. 2, pp. 303–329. DOI: 10.1177/1532673X09353507
19. Garramone G. M., Atkin C. K., Pinkleton B. E., et al. Effects of negative political advertising on the political process. In: *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 1990, vol. 34, no. 3, pp. 299–311. DOI: 10.1080/08838159009386744

20. Gray T., Hughes A. Spillover Effects in Political Advertising: Evidence from Judicial Elections. In: *Journal of Political Marketing*, 2022. DOI: 10.1080/15377857.2022.2047136
21. Huber G. A., Arceneaux K. Identifying the Persuasive Effects of Presidential Advertising. In: *American Journal of Political Science*, 2007, vol. 51, no. 4, pp. 957–977. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00291.x
22. Kaid L. L. Political Advertising as Political Marketing: A Retro-Forward Perspective. In: *Journal of Political Marketing*, 2012, vol. 11, no. 1-2, pp. 29–53. DOI: 10.1080/15377857.2012.642731
23. Kaid L. L. Handbook of political communication research. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 2004. 564 p.
24. Kaid L. L. Political Advertising and Information Seeking: Comparing Exposure via Traditional and Internet Channels. In: *Journal of Advertising*, 2002, vol. 31, no. 1, pp. 27–35. DOI: 10.1080/00913367.2002.10673658
25. Kaid L. L., Boydston J. An experimental study of the effectiveness of negative political advertisements. In: *Communication Quarterly*, 1987, vol. 35, no. 2, pp. 193–201. DOI: 10.1080/01463378709369680
26. Kaid L. L., Postelnicu M., Landreville K., et al. The Effects of Political Advertising on Young Voters. In: *American Behavioral Scientist*, 2007, vol. 50, no. 9, pp. 1137–1151. DOI: 10.1177/0002764207300039
27. Kavanagh D. Election campaigning: The new marketing of politics. Oxford, Blackwell Publishers, 1995. 292 p.
28. Lipsitz K., Padilla J. The Nonlinear Effects of Political Advertising. In: *Journal of Political Marketing*, 2021, no. 23, pp. 1–14. DOI: 10.1080/15377857.2021.1997877
29. Merritt S. Negative Political Advertising: Some Empirical Findings. In: *Journal of Advertising*, 1984, vol. 13, no. 3, pp. 27–38. DOI: 10.1080/0913367.1984.10672899
30. Newell J. Political Advertising Saturation in the 2016 Iowa Caucuses. In: *Journal of Political Marketing*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1080/15377857.2018.1513384
31. O'Shaughnessy N. J. High Priesthood, Low Priestcraft: The Role of Political Consultants. In: *European Journal of Marketing*, 1990, vol. 24, no. 2, pp. 7–23. DOI: 10.1108/03090569010145430
32. Scammell M. Designer politics: How elections are won. Basingstoke, Macmillan Press, 1995. DOI: 10.1007/978-1-349-23942-9
33. Soley L. C., Reid L. N. Promotional Expenditures in U.S. Congressional Elections. In: *Journal of Marketing & Public Policy*, 1982, vol. 1, pp. 147–155. DOI: 10.2307/30000014
34. Spenkuch J. L., Toniatti D. Political Advertising and Election Results. In: *The Quarterly Journal of Economics*, 2018, vol. 133, no. 4, pp. 1981–2036. DOI: 10.1093/qje/qjy010

35. Steenburg E. V. Areas of research in political advertising: a review and research agenda. In: *International Journal of Advertising*, 2015, vol. 34, no. 2, pp. 195–231. DOI: 10.1080/02650487.2014.996194
36. Stevens D. Tone Versus Information: Explaining the Impact of Negative Political Advertising. In: *Journal of Political Marketing*, 2012, vol. 11, no. 4, pp. 322–352. DOI: 10.1080/15377857.2012.723988
37. Surlin S. H., Gordon T. F. Selective Exposure and Retention of Political Advertising. In: *Journal of Advertising*, 1976, vol. 5, no. 1, pp. 32–44. DOI: 10.1080/00913367.1976.10672620
38. Tanusondjaja A., Michelon A., Hartnett N., et al. Reaching Voters on Social Media: Planning Political Advertising on Snapchat. In: *International Journal of Market Research*, 2023, vol. 65, no. 5, pp. 566–580. DOI: 10.1177/14707853231175085
39. Valentino N., Hutchings V., Williams D. The Impact of Political Advertising on Knowledge, Internet Information Seeking, and Candidate Preference. In: *Journal of Communication*, 2004, vol. 54, no. 2, pp. 337–354. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02632.x

РОЛЬ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Цыбряева Марина Васильевна

- e-mail: mtsymbryaeva@mail.ru;
аспирант кафедры российской политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Цыбряева М. В. Роль политологического образования в вопросах обеспечения национальных интересов России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 25.06.2024
- Статья размещена на сайте 05.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[«Национальный интерес» в историко-политологическом дис-
курсе](#)

[Обеспечение национальных интересов России через призму
реализации политологического образования](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить основные векторы развития политологического образования, способствующие обеспечению национальных интересов России в контексте новых вызовов и угроз.

Процедура и методы. В основе проводимого исследования лежит анализ федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (далее – ФГОС ВО) по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология», а также содержания образовательных программ в области политических наук с учётом их профилизации.

Результаты. Проведённое исследование позволило определить, какое значение имеет политологическое образование в рамках продвижения тех или иных национальных интересов России на организационно-инструментальном и концептуальном уровнях своей реализации.

Практическая значимость. Результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке новых образовательных программ в области политических наук в контексте перехода на новую национально ориентированную систему высшего образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

высшее образование, государственное управление, национальная безопасность, национальные интересы, политологическое образование, суверенизация

ВВЕДЕНИЕ

Национальные интересы России являются ценностно значимыми потребностями российского общества, которые связаны с обеспечением достойного качества жизни. В своей основе они имеют то качественное наполнение, которое сформировалось благодаря определённому цивилизационному пути развития России и социокультурным основаниям российского общества. Реализация национальных интересов во многом зависит от системы высшего образования, а именно – от подготовки профессиональных кадров, которые благодаря своим компетенциям позволяют создать благоприятные условия для устойчивого развития России, что актуально рассмотреть на примере политологического образования.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС» В ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Несмотря на свою длительную историю существования в общемировом политическом процессе, в современном научном дискурсе продолжает существовать академический и методологический плюрализм к различным аспектам понятия «национальный интерес». В большинстве своём он касается эволюции взглядов в области теории международных отношений [10; 13; 14; 16], включая внешнеполитические [9] и региональные [4; 11] аспекты как факторы, влияющие на обеспечение национальной безопасности [2; 15].

Работы, посвящённые национальным интересам России, связаны с различными историческими периодами и господствующими философско-политическими концептами [3; 7], что показывает их неоднородность.

Формирование «первых» национальных интересов можно связать с началом формирования Русского единого централизованного государства в годы правления Ивана III – «собирателя русских земель», что является вполне закономерным итогом в борьбе с монголо-татарским игом. Позитивные изменения, произошедшие во второй половине XV в. и выраженные в закреплении общегосударственных национальных символов власти и введении титула «Государь всея Руси», стали основой для формирования национальных интересов, в первую очередь опиравшихся на религиозную составляющую «константинопольского наследия» [6] и проявивших себя в создании идейно-политического концепта старца Филофея «Москва – третий Рим».

В XVIII в. ракурс национальных интересов приобретает государственный характер, что отражалось в переориентации понятия «служение» от государя к государству [1, с. 80] и приобретении Российской империей нового международного статуса. Национальные интересы XIX столетия нашли своё отражение в формуле графа С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» [8, с. 73], соединив в себе, по сути, всё то, что с самого начала являлось фундаментом российской государственности.

Установление советской политической системы поставило во главу угла идеологию коммунизма с интернациональной составляющей, которая заочно потерпела поражение и трансфор-

мировалась в идею построения социализма в рамках одной многонациональной страны. Победа в Великой Отечественной войне определила новую задачу, которая заключалась в расширении советского влияния на разные регионы мира.

Распад СССР и образование Российской Федерации привели к новым ракурсам национальных интересов, которые продолжали иметь ярко-выраженный внешнеполитический характер, ориентированный на обеспечение безопасности¹. В то же время национальные интересы начали «расширяться»: распространяться на определённые направления социально-экономической сферы и закрепляться в российском законодательстве².

На современном этапе в Указе Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определены восемь национальных интересов России, которые понимаются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»³.

Особое место в их обеспечении отведено системе высшего образования. Благодаря реализации различных направлений подготовки она позволяет планомерно проводить кадровую политику, необходимую для прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, что касается и реализации политологического образования.

¹ Закон РФ от 05.03.1992 №2446-I «О безопасности» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376 (дата обращения: 23.06.2024).

² Указ Президента РФ от 17.12.1997 №1300 «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9055363> (дата обращения: 08.06.2024).

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271 (дата обращения: 15.06.2024).

В рамках проводимого исследования особое внимание уделено таким национальным интересам, как:

- развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;
- укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Задача политологического образования заключается в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных давать объективную оценку современным политическим процессам, находящимся под воздействием различного рода факторов. Создание благоприятных условий для стабильного функционирования социально-экономических и политических систем является приоритетным направлением государства в вопросах обеспечения безопасности и благосостояния народа, что напрямую связано с рассматриваемым образовательным направлением.

ФГОС ВО по направлениям подготовки 41.03.04 и 41.04.04 «Политология»⁴ закрепляют за будущими специалистами в области политических наук в своей профессиональной деятельности экспертно-аналитическую задачу и формируют такую же общепрофессиональную компетенцию (далее – ОПК), что позволяет производить качественный мониторинг и анализ общественно-политических и социально-экономических процессов различных регионов страны, которые влияют на обеспечение национальных интересов России.

Формирование ОПК, связанных с современными информационно-коммуникационными технологиями, позволяет заниматься информационно-аналитической деятельностью, что подразумевает сбор, систематизацию и обработку большого количества данных, соблюдая требования информационной безопасности и предотвращая развитие информационных и гибридных войн, дестабилизирующих социально-политическую обстановку в стране и подрывающих её суверенитет.

Анализ содержания образовательных программ в области политических наук показывает, что в их наполнении есть дисциплины, формирующие определённые знания, умения и навыки, способствующие отстаиванию национальных интересов и обеспечению национальной безопасности. В выборке приняли участие 10 лучших университетов, входящих в московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета» за

⁴ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24> (дата обращения: 18.06.2024).

2024 г. по предметной области «Политология и международные отношения»: семь⁵ из них имеют определённые дисциплины (модули), напрямую связанные с формированием компетенций в области национальной безопасности. Отмечается также реализация узкопрофильных прикладных магистерских программ⁶, которые готовят специалистов, создающих условия для устойчивого развития России и поддержания внутриполитической стабильности.

В последнее время значение общепризнанных исторических событий приобретает новые политические интерпретации и смысловые ориентиры, что оказывает влияние на общественное мнение и выстраиваемую внутреннюю и внешнюю политику государства. Сохранение коллективной исторической памяти и защита исторической правды становятся важными направлениями по сохранению и развитию России.

Понимание своего самобытного прошлого как особого цивилизационного пути развития, неразрывно связанного с общемировым историко-политическим процессом, также представляется важным направлением современной государственной молодёжной политики. Отстаивание национальных интересов зависит от нравственных ориентиров, духовных ценностей и мировоззрения, которые формируются и развиваются у молодого поколения граждан России. Обращение к истории является основой патриотического воспитания, что формирует особый вектор реализации государственной политики в лице исторического просвещения⁷, в рамках которого играет особую роль такое прикладное направление, как «политика памяти».

⁵ МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

⁶ «Современные политические стратегии» – Санкт-Петербургский государственный университет; «Стратегии национальной безопасности» – Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; «Технологии управления политическими процессами» – Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и др.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Официальное опубликование правовых актов: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=1> (дата обращения: 09.05.2024).

Так, на факультете политологии МГУ имени М. В. Ломоносова было принято решение об открытии магистерской программы «Историческая политика», задача которой заключается в подготовке кадров, «способных анализировать проблемные ситуации в сфере политического использования прошлого, формулировать основные направления решения и предлагать средства реализации»⁸.

Очевидно, что в силу новых вызовов и угроз воспитательно-просветительская функция образования приобретает новую стратегически важную роль, опираясь прежде всего на базу социогуманитарного знания. Поэтому современное отечественное политологическое образование приобретает новую ценностно-смысловую окраску, обоснованную рядом экзогенных и эндогенных факторов. Курс на суверенизацию политической науки и политологического образования⁹ является закономерным и национально обоснованным этапом развития политических наук в России, имея в своей основе определённые ценности и духовно-нравственные ориентиры, которые заложены в национальные интересы России.

Именно такое политологическое образование, объясняющее специфику российского политического процесса и основанное на многовековых отечественных политических традициях, позволит сформировать на базе фундаментальных теоретико-прикладных разработок отечественной политической науки гражданина, с уважением относящегося к своей стране и к своей истории, готового участвовать в планомерном социально-политическом развитии России и оказывать сопротивление внешнеполитическому информационному давлению.

Продвижение национальных интересов – это сложный процесс, требующий больших затрат, вовлечения многочисленных ресурсов, а также особого внимания со стороны институтов власти и гражданского общества. И в этом ключе принятие политических решений должно носить комплексный, системный и плановый характер, что зависит от эффективности государственного управления.

⁸ Программа подготовки магистров: Историческая политика // Официальный сайт факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова: [сайт]. URL: https://polit.msu.ru/abit/master/history_politics (дата обращения: 14.06.2024).

⁹ Андрей Шутов: «Россия – прежде всего». Процесс суверенизации политологии запущен // Официальный сайт факультета политологии: [сайт]. [29.04.2024]. URL: <https://polit.msu.ru/2024/04/29/andrej-shutov-rossiya-prezhde-vsego> (дата обращения: 23.06.2024).

Современное политологическое образование уделяет большое внимание вопросам работы и взаимодействия органов власти, что отражается в преподавании профильных в этом ключе дисциплин и в самой реализации специализированных образовательных программ как высшего образования, так и дополнительного [12].

Особого внимания заслуживает тот факт, что именно в рамках политических наук в 2022 г. была введена новая номенклатура научных специальностей, одна из которых – 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики». Это обусловлено той ролью, которую играет политическая наука непосредственно в государственной политике, т. е. является её основой [5, с. 10]. Поэтому с точки зрения теоретико-методологических подходов на данном этапе государственного управления происходит тесное соприкосновение именно научного политологического знания и различного рода политических практик, что крайне необходимо для достижения технологического суверенитета и прорывного экономического развития страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, политологическое образование сущностно связано с вопросами отстаивания и продвижения национальных интересов России. Содержательно оно опирается на концепт «Россия как государство-цивилизация», что формирует у обучающихся набор традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, насчитывающих многовековую историю и лежащих в основе суверенной российской государственности.

Компетенции, которые заложены в результатах освоения специализированных дисциплин и узконаправленных образовательных программ в области политических наук, позволяют проводить объективный и системный анализ социально-политической и экономической повесток различных субъектов страны, что позволяет выявить риски общественного дисбаланса и скорректировать меры по повышению эффективности государственного управления, от которого зависит улучшение условий качества жизни, сбережение народа России и обеспечение её национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхин О. А., Крицкая А. А., Цыплаков А. Ю. Геополитические подходы к понятию «национальные интересы» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №1. С. 179–183.
2. Бэтлер А. Национальные интересы, национальная и международная безопасность // Полис. Политические исследования. 2002. №4. С. 146–158.
3. Капицын В. М. Идеино-символьная политика и национальные интересы России // Россия и современный мир. 2012. №2. С. 58–70.
4. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. №27. С. 900–909.
5. Коваленко В. И. О возможности новых измерений предметного поля политической науки // Политическая наука и политологическое образование в России: основные вехи, проблемы, перспективы (к 30-летию образования отделения политологии в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова): материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 3 февраля 2021 г. / под ред. В. И. Коваленко, В. А. Соболева, А. Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2022. С. 7–31.
6. Лихачев Д. С. К вопросу о теории Русского государства конца XV в. и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. Кн. 7-8. С. 31–38.
7. Межуев Б. В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. Политические исследования. 1997. №1. С. 5–31.
8. Мухаметов Р. С. Национальные интересы: сущность, трактовки и типология // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2008. Т. 57. №5. С. 72–81.
9. Мухаметов Р. С. Национальные интересы России в постсоветском пространстве // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. №3. С. 134–144.
10. Савельева М. А. Эволюция применения термина «интерес» в теории международных отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №1. С. 25–33.
11. Цивилев С. Е. Кузбасс 2035: национальные интересы и стратегические приоритеты развития региона // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. №3. С. 281–289.

12. Цыбряева М. В. Профильное политологическое образование как способ повышения эффективности государственного управления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. №4. С. 19–29.
13. Цыганков П. А. Национальный интерес // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. №1. С. 119–123.
14. Dermawan R. The national interest concept in a globalised international system // International Journal of International Relations. 2019. №3. P. 30–45.
15. Matlary J. H. European Union security dynamics in the new national interest. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009. 248 p.
16. Morgentau H. Politics among Nations. The struggle for power and peace. New York: Alfred A. Knopf, 1949. 440 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Marina V. Tsybrieva

- e-mail: mtsymbryaeva@mail.ru,
Postgraduate Student, Department of Russian Politics,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Tsybrieva M. V. The role of political science education in ensuring Russia's national interests. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the main vectors of political science education development that contribute to ensuring the national interests of Russia in the context of new challenges and threats.

Methodology. The research is based on the analysis of the federal state educational standards of higher education (then use as the FSES of HE) in the field of study 41.03.04 and 41.04.04 "Political Science", as well as the content of educational programmes in the field of political sciences, considering their specialization.

Results. The conducted research made it possible to determine the importance of political science education of promoting certain national interests of Russia at the organizational, instrumental and conceptual levels of its implementation.

Research implications. The results of the conducted research can be used in the development of new educational programmes in the field of political sciences in the context of the transition to a new nationally oriented higher education system.

Keywords

high education, public governance, national security, national interests, political science education, sovereignization

References

1. Artyukhin O. A., Kritskaya A. A., Tsyplakov A. Yu. [Geopolitical approaches to national interests]. In: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholar notes], 2020, no. 1, pp. 179–183.
2. Battler A. [National interests, national and international security]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2002, no. 4, pp. 146–158.
3. Kapitsyn V. M. [Politics of ideas and symbols and Russian national interests]. In: *Rossiya i sovremennyi mir* [Russia and the contemporary world], 2012, no. 2, pp. 58–70.
4. Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K. [Alignment of global and national interest with regional strategic priorities]. In: *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2021, no. 27, pp. 900–909.
5. Kovalenko V. I. [On the possibility of new dimensions of the subject field of political science]. In: Kovalenko V. I., Soboleva V. A., Shutova A. Yu., eds. *Politicheskaya nauka i politologicheskoe obrazovanie v Rossii: osnovnye vekhi, problemy, perspektivy (k 30-letiyu obrazovaniya otdeleniya politologii v Moskovskom gosudarstvennom universitete imeni M. V. Lomonosova): materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 3 fevralya 2021 g.* [Political Science and Political Science Education in Russia: Key Milestones, Problems, Prospects (on the 30th Anniversary of the Formation of the Political Science Department at Lomonosov Moscow State University): Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, February 3rd, 2021]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2022, pp. 7–31.
6. Likhachev D. S. [On the issue of the theory of the Russian state at the end of the 15th century and in the 16th century]. In: *Istoricheskii zhurnal* [Historical journal], 1944, vol. 7-8, pp. 31–38.
7. Mezhuev B. V. [The concept of “national interest” in Russian socio-political thought]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1997, no. 1, pp. 5–31.
8. Mukhametov R. S. [National interests: essence, interpretations and typology]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [Ural State University News. Series 3: Social Sciences], 2008, vol. 57, no. 5, pp. 72–81.
9. Mukhametov R. S. [National interests of Russia in the post-Soviet space]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2009, vol. 5, no. 3, pp. 134–144.
10. Savelieva M. A. [Evolution of using the term “interest” in the theory of the international relations]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2011, no. 1, pp. 25–33.

11. Tsivilev S. E. [Kuzbass 2035: national interests and strategic priorities of the regional development]. In: *Ekonomika v promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2020, vol. 13, no. 3, pp. 281–289.
12. Tsbiriaeva M. V. [Specialized political science education as a way for improving the efficiency of public governance]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [News of Tula State University. Humanities], 2023, no. 4, pp. 19–29.
13. Tsygankov P. A. [National interest]. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global politics], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 119–123.
14. Dermawan R. The national interest concept in a globalised international system. In: *International Journal of International Relations*, 2019, no. 3, pp. 30–45.
15. Matlary J. H. European Union security dynamics in the new national interest. Basingstoke, Palgrave MacMillan, 2009. 248 p.
16. Morgentau H. Politics among Nations. The struggle for power and peace. New York, Alfred A. Knopf, 1949. 440 p.

УДК 316.6

ПОДРОСТКОВЫЙ ЭСКАПИЗМ: ОТ НИГИЛИЗМА И МЕЧТАТЕЛЕЙ ДО ХОББИХОРСИНГА И КВАДРОБЕРОВ

Прокопенко Николай Михайлович

- e-mail: n.m.prokopenko@yandex.ru;
аспирант кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Камышева Лилия Александровна

- e-mail: kamyshevala@mosreg.ru;
проректор по финансово-экономическим вопросам;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Прокопенко Н. М., Камышева Л. А. Подростковый эскапизм: от нигилизма и мечтателей до хоббихорсинга и квадроберов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.07.2024
- Статья размещена на сайте 22.11.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Сущность эскапического переживания и поведения](#)

[Проявления эскапических практик подростков в разные эпохи](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Теоретический анализ эволюции сущности и проявлений подросткового эскапизма.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет теоретический анализ подходов к определению сущности подросткового эскапизма, а также вариантов его проявлений в различные исторические периоды.

Результаты. Рассмотрена психологическая сущность, проявления, механизмы формирования эскапических тенденций подростков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что они служат теоретической основой для проведения эмпирических исследований с целью выявления особенностей, детерминант и возможных прогнозов эскапического поведения современных подростков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная дезадаптация, квадробинг, подростковый период, эскапизм

ВВЕДЕНИЕ

Социально-психологический феномен эскапизма на сегодняшний день привлекает особое научное внимание, что отражается в увеличении в последние годы количества публикаций по различным аспектам этой темы [1; 3; 4; 6; 8; 10; 14; 16].

Эскапизм охватывает всё более широкие возрастные группы населения и получает экспансивное развитие благодаря повсеместной цифровизации общественных отношений и разочарованию людей в традиционной социальной активности.

СУЩНОСТЬ ЭСКАПИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ

Эскапизм как деятельностное проявление человеческой активности не имеет единого определения ни с точки зрения философского знания, ни в контексте психологических исследований. На сегодняшний день существует ряд определений эскапизма, сосредотачивающихся на выделении тех или иных детерминирующих характеристик данного феномена. В самом

широком смысле под эскапизмом понимается «избегание», «побег», «уход» от социальной реальности, являющейся объективными условиями существования индивида в тот или иной момент времени, путём реализации эскапической практики, проявляющейся в:

- самостоятельном фантазировании – формировании иллюзорного фантазийного пространства, обладающего собственными закономерностями и принципами, полностью или частично противоречащими реальному миру;
- стремлении к социальной изоляции – исторически данная практика является одной из самых древних, она предполагает фактический уход индивида от социального взаимодействия с обществом путём отшельничества, путешествия, уединения, отказа от живого общения в пользу онлайн-коммуникаций и т. д.;
- приобщении к виртуальным мирам и субкультурам – погружение в фантазийные пространства может осуществляться без использования собственной творческой энергии, погружение в виртуальные миры происходит также путём чтения фантазийной (эскапической) литературы или участия в виртуальных играх, а также приобщения к эскапически ориентированным подростковым субкультурам (готы, эмо, квадерберы и т. д.).

Ключевым критерием для классификации подходов к определению эскапизма является модальность данного феномена с точки зрения конструктивности или деструктивности последствий эскапического поведения для социума и индивида.

Подход, в основе которого лежат исследования Ю. Фу Туана, Е. О. Труфановой, характеризует эскапизм как имманентное человеческой природе проявление творческого потенциала личности. Не отрицая множественности эскапических практик, Труфанова в качестве ключевого параметра эскаписта определяет стремление к расширению реальности с целью преодоления рутинности и однообразия угнетающей среды. В данном ключе эскапизм определяется как созидательная и конструктивная для психики человека деятельность, являющаяся следствием активности «эскапического сознания» [11, с. 105].

Традиция, продолжающая и развивающая тезис Г. Р. Гайгера, предложенный ещё в 1941 г., предполагает определение эскапизма как любой осознанной активности индивида, имеющей выраженный протестный или антисоциальный характер.

В данном ключе эскапическое поведение рассматривается как девиантное, отклоняющееся от общепринятых социальных и культурных норм, традиций или ценностей [15]. Ряд современных исследователей продолжает данную традицию, фокусируя своё внимание в первую очередь на деструктивных последствиях эскапического поведения индивида.

Интересный подход для трактовки сущности эскапизма дают исследования в сфере лингвистики. Данная традиция была заложена Дж. Толкином, описывавшим эскапизм на примере погружения человека в миры волшебных сказок. Особенностью данного подхода, получившего в дальнейшем развитие в работах исследователей различных сфер, является рассмотрение феномена эскапизма как утешения, способа релаксации, компенсации ограниченных возможностей защитных механизмов человеческой психики, испытывающей разрушительное воздействие реальности. Современный отечественный филолог Е. В. Борода также пишет о том, что «параллельный мир помогает отрефлексировать переживания». На основе данной позиции эскапизм может быть рассмотрен как исход индивида в безопасное пространство с целью накопления психического ресурса, рекреации – «уход от реальности в конечном итоге должен служить подготовкой к существованию в этой самой реальности» [2, с. 600].

В данном контексте эскапизм близок к сущности мифологического мышления. Мифологическое мышление может рассматриваться как один из инструментов эскапического переживания и поведения. В ситуациях восприятия окружающей среды, характеризующихся для человеческой психики как кризисные, непреодолимые, фрустрирующие необъяснимые, в качестве одного из инструментов защиты психики может реализовываться мифологическое мышление. Так, основываясь на механизмах регрессии и вытеснения, для объяснения происходящего сознание использует понятия и образы, успешно объяснявшие реальность в прошлом, дающие простой и понятный ответ для разрешения существующего противоречия, достраивая объективную реальность «буферными» мифологическими, вымышленными зонами определённости и безопасности.

Стоит отметить, что причины эскапического поведения на сегодняшний день получили достаточно широкое освещение в научной литературе, что и позволило провести анализ и классификацию разнообразных подходов к проблеме модальности

эскапизма. При этом механизм формирования эскапических тенденций в психике человека в значительно меньшей мере привлекает внимание исследователей. Систематизация различных эскапических практик, имеющих разнонаправленную модальность, оказывающих как конструктивное, так и деструктивное воздействие на психику индивида, в единый феномен эскапизма предполагает наличие единого механизма формирования субъективного эскапического переживания, проявляющегося в различных формах эскапического поведения. Механизм субъективного переживания личностью стремления к эскапизму, на наш взгляд, связан с нарушениями в системе отношений личности. Отечественный психиатр и медицинский психолог В. Н. Мясищев рассматривал личность как систему отношений. Отношения рассматриваются Мясищевым как динамическая система, имеющая сущностное значение для личности, основанная на эмоциональной сфере и реализующаяся как ряд ответных устойчивых реакций психики на внешние или внутренние стимулы, образующих связь между субъектом и объектом взаимодействия [9]. Отношения выступают в качестве «нитей», связывающих окружающую действительность и интроспективное пространство личности. В случае нарушения процесса формирования отношений связь между действительностью и сознанием становится неустойчивой, травмирующей, наблюдается дезадаптация личности.

В качестве причины нарушения процессов установления связей с окружающей средой, фактически – дезадаптации, В. Н. Мясищев называет недостаточность психических ресурсов личности для разрешения конфликта личностно-средового взаимодействия. Сущность подобных конфликтов может характеризоваться как непреодолимое или сложно преодолимое противоречие личностных и социальных ценностей, следствия или реализация травматического опыта, глубокое несоответствие реальности ожиданиям индивида, затруднения в самоидентификации и т. д. Важно отметить, что подростковый возраст является критическим периодом в онтологическом развитии личности. Совокупность внутренних и внешних процессов, сопутствующих пубертату, сама по себе является фактором риска для дефицитности психической энергии и дезадаптации личности. Психические ресурсы личности, или, иными словами, потенциал психической энергии индивида отражает степень адаптивности человека к внешней среде,

способность к преодолению воздействия деструктивных триггеров на психику. Безусловно, для разных людей преодоление сходных внешних обстоятельств будет иметь различный характер субъективного переживания, в чём и проявляется сущность психического ресурса.

Таким образом, можно предположить, что эскапист в результате неудачной (по ряду разнообразных причин) попытки адаптации в социуме и невозможности в данных обстоятельствах разрешить личностно-средовой конфликт стремится «уйти» с целью восстановить энергию, сохранить психику и целостность сознания и (при успешности рекреации эскапизмом) вернуться впоследствии с целью реализации новой попытки адаптации и социализации. Фактически эскапизм – это практическая реализация сценария универсального архетипа героя, выделенного Джозефом Кэмпбеллом. Согласно данному сценарию, герой вынужден отправиться в путешествие с целью осуществления внутренней трансформации. Преодоление испытаний приводит к формированию в личностной структуре героя новых качеств, обеспечивающих метафорическую гибель героя (индивид остаётся в пространстве эскапизма) или метафорическое воскрешение и возвращение домой (повторная адаптация успешно реализуется, индивид приостанавливает эскапические практики) [7].

Данный тезис наглядно проявляется в повсеместном эскапическом поведении множества подростков вне зависимости от эпохи, находящих свою реализацию и временное пристанище в эскапических практиках «запойного» чтения, авантюристических путешествий, субкультур, киберпространств виртуальных игр и т. д. По мере снижения кризисности подростковой фазы онтогенеза, а также в результате укрепления психической энергии подростка в практике эскапизма для большинства детей эскапическое пространство оказывается именно временным пристанищем. Практика рекреации эскапизмом в большинстве случаев позволяет подростку реализовать новую попытку адаптации к социальным реалиям и успешно адаптироваться в обществе без посторонней помощи. Тем не менее также стоит отметить и то, что часть эскапистов «застревает» в пространстве побега, утрачивая возможность успешной самоидентификации в социуме. Данная проблема может быть связана с тем, что Е. О. Труфанова определяет как пассивность, отказ от созидательной активности личности [12]. В случаях

склонности человека к ригидности и инертности эскапическое пространство становится для индивида последним пристанищем, разрывающим ростки отношений с социальной действительностью (данная тенденция проявляется в аскетизме, инфантилизации, патологизации психики человека).

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭСКАПИЧЕСКИХ ПРАКТИК ПОДРОСТКОВ В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

В. Франкл предложил тезис, согласно которому прошлое человека придаёт осмысленность, наполненность и стабильность его будущему [13]. Данное положение связывается с тем, что в периоды неопределённости и фрустрации человек способен обратиться к собственному опыту прошлого, в котором запечатлён образ продуктивности, успешности, спокойствия и т. п., закрепиться в данном жизнеутверждающем образе и сохранить устойчивость в кризисный период. В связи с этим для подростков характерно достраивание дополнительной социальной реальности. Повышенное стремление к эскапизму является прерогативой подросткового возраста.

Эскапизм приобретает различные проявления в зависимости от исторических эпох, внешних факторов, социальных тенденций и доступных человечеству технологий.

Расцвет эскапических практик приходится на кризисный XX в. Однако исторические примеры молодёжного эскапизма встречаются и в более ранний период. Россия XIX в. характеризуется появлением такого течения, как революционный нигилизм, – течения, основанного на отрицании догматичности существующих традиций социального и политического порядка [5]. Нигилизм и революционные практики многочисленных студентов XIX в. выступали в качестве ответной реакции на кризисное состояние политической системы страны.

Начало XX в. ознаменовалось вступлением мира в период глобального длительного многостороннего кризиса, охватившего все сферы жизни общества и практически все регионы планеты. На данный период приходится появление и расцвет нового жанра литературы – фэнтези. В результате плодотворной деятельности таких известных литераторов, как Дж. Р. Р. Толкин, К. С. Льюис, Р. Говард, Ф. Герберт, человечеству стали открыты фантазийные миры «Властелина колец», «Хроник Нарнии», «Конана-варвара», «Дюны». В силу повсеместной

доступности литературы XX в. характеризуется эскапическими практиками «запойного» чтения подростков, позволяющего детям погрузиться в виртуальные пространства волшебных сказок с целью накопления ресурса для продолжения адаптации к нестабильности окружающей действительности.

Одним из культовых подростковых романов XX в. стал труд Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», имеющий глубоко эскапическое наполнение. Главный герой романа осуществляет побег с целью ухода от боли и невыносимости реальности, поиска безопасного пространства и обретения смысла жизни¹. Данное литературное произведение послевоенного времени отразило характер эскапических практик подростков данного периода, проявлявшихся в побегах из дома, путешествиях, стремлении к созданию собственных пространств стабильности и психологической рекреации. Для российского общества данная тенденция проявилась в конце XX в. в период кризиса и распада социалистической идеологии (ухода пионерских и комсомольских организаций).

Начало XXI в. ознаменовалось появлением в российском пространстве субкультурных подростковых течений – готов, эмо, рокеров, реперов и т. д. Данные идейные конструкты, основанные на протестном восприятии традиционных ценностей и сопротивлении давлению взрослого мира, формировали разнообразные микро- и макрогруппы подростков, объединявшихся в процессе отстранения от действительности.

Подростки настоящего времени оказались в специфической ситуации, характеризующейся сочетанием таких факторов, как расцвет и повсеместное распространение цифровых технологий, с одной стороны, и критическая нестабильность окружающей действительности, с другой. Последние 15 лет подарили человечеству беспрецедентный опыт взаимодействия с цифровыми пространствами – от межконтинентальной коммуникации в считанные секунды до VR-шлемов и общения с искусственным интеллектом. Одновременно с этим за последние 5 лет человечество пережило глобальную пандемию, наложившую отпечаток на социальную и экономическую сферы общественных взаимоотношений, обострение политической обстановки, часть регионов России столкнулась с реалиями определённых действий, происходящих в рамках СВО. Данное сочетание факторов является мощным предиктором усиления

¹ Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. М.: Эксмо, 2021. 224 с.

эскапических проявлений среди подростков – с одной стороны, действительность давит с небывалой тяжестью (меняется финансовое положение семьи, осуществляется вынужденный переезд, уходят из жизни ребёнка значимые взрослые), с другой стороны, дверь в «иномирие» открывается как никогда широко, стимулируя подростка поддаться инстинкту самосохранения психики и отправится «за белым кроликом» в пространства эскапизма.

Среди текущих эскапических практик подростков особое внимание общественности привлекают такие течения, как гейминг, хоббихорсинг и квадробинг.

Гейминг предполагает погружение подростка в альтернативные миры виртуальных игр, доступ к которым на сегодняшний день обеспечивается повсеместно, в том числе с мобильных телефонов, имеющих в распоряжении значительного числа детей подросткового возраста. Видеоигра позволяет подростку идентифицировать себя с любым персонажем, обладающим тем набором внешних и внутренних характеристик, которые кажутся ребёнку наиболее значимыми и привлекательными, устанавливать продуктивную межличностную коммуникацию, основанную на общих интересах, участвуя в сетевых играх, обеспечивать стабильность и предсказуемость событий, реализующихся в виртуальном пространстве. В связи с этим процесс погружения ребёнка в виртуальные игры обладает высокой привлекательностью для психики, испытывающей значительное деструктивное давление в реальном мире.

Хоббихорсинг появился в Финляндии в начале нулевых в формате детской игры. На сегодняшний день данное течение приобрело статус спортивной деятельности, предполагающей управление кастомизированными «лошадьями», представляющими собой мягкую игрушку или самодельную модель лошади. «Езда» на игрушечной лошади, безусловно, требует подключения фантазии и воображения, соответственно, может оцениваться как эскапическая практика. Подростки, объединённые хоббихорсингом, получают возможность реализации совместной эскапической деятельности, основанной на единстве интересов (любовь к лошадям, спорту, спортивной езде), стремлении к обретению принадлежности к группе и участию в различных тематических мероприятиях. В России с 2019 г. функционирует официальная федерация хоббихорсинга, действующая «в целях пропаганды и развития культуры хоббихорсинга, органи-

зации и проведения развлекательных и спортивных мероприятий по хоббихорсингу, организации культурных и досуговых центров по хоббихорсингу, популяризации здорового образа жизни и активного отдыха среди подрастающего поколения»². Тем не менее широкую популярность данное течение получило в 2024 г., когда показатели стрессового воздействия взрослого мира на подростков стали особенно велики.

В 2024 г. также широкую огласку в связи с ростом специфических эскапических практик детей получил квадروبинг. В дословном переводе название данного течения означает «аэробика на четырёх ногах». Впервые данная практика была реализована японцем Кэнити Ито в 2008 г., когда молодой человек, в течение многих лет занимавшийся уборкой помещений в японском зоопарке, освоил навык быстрого перемещения на четырёх конечностях аналогично тому, как это делают обезьяны, и стал практиковать данную физическую практику регулярно. В среде современных младших подростков данное течение обрело элементы косплея³ (маски, хвосты, пинетки), а также идеологическое наполнение отождествления себя с животными. Безусловно, одним из факторов распространения квадروبинга является популярность данной активности в детских кругах, молниеносно распространяемая через социальные сети и медиа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Существует множество подходов к рассмотрению феномена эскапизма, различные области научного знания предлагают собственные взгляды на сущность и причины эскапического поведения. Ключевым критерием для классификации данных подходов является модальность, так, на сегодняшний день выделяются теории, описывающие конструктивный и деструктивный эскапизм.

² Федерация хоббихорсинга [Электронный ресурс]. URL: <https://fhhr.ru/o-federa-czii/?ysclid=m3lt3lhx36718607153> (дата обращения: 20.07.2024).

³ Косплей – перевоплощение в различные роли, заключающееся в переодевании в костюмы и передаче характера, пластики тела и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов и т. п. (прим. ред.).

2. Анализ феномена эскапизма в контексте концепции отношений В. Н. Мясищева позволяет предположить, что механизм субъективного переживания эскапизма связан с особенностями формирования системы отношений личности и адаптации. Подростковый возраст можно рассматривать как фактор риска социальной дезадаптации личности и основы проявлений эскапизма.

3. Природа современного наблюдаемого среди подростков эскапизма близка к сущности мифологического мышления. Мифологическое мышление может рассматриваться как один из инструментов эскапического переживания и поведения.

4. Выявлена рекреационная функция эскапизма – в данном контексте эскапические практики осуществляются подростками с целью временного «ухода» от социальной реальности, а также накопления психического ресурса для последующих попыток повторной адаптации и социализации в обществе.

5. Эскапизм у подростков может быть определён как совокупность разнообразных проявлений фантазии, воображения и творчества с целью минимизации деструктивного воздействия окружающей среды. Примерами проявления таких эскапических практик в современной подростковой среде могут являться гейминг, хоббихорсинг и квадробинг.

6. Проявления эскапизма могут рассматриваться как маркер нужды ребёнка в получении психологической помощи со стороны близких взрослых.

Перспектива дальнейших исследований проявлений эскапического поведения подростков лежит в направлении эмпирического изучения данного феномена в контексте современных социальных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беловол Е. В., Кардапольцева А. А. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели // Прикладная юридическая психология. 2018. №4. С. 38–48.
2. Борода Е. В. «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология. 2020. №23. С. 599–607.
3. Гараев С. И., Пермяков Р. В., Камалетдинов Д. С. Компьютерные игры как проявления эскапизма молодёжи: социальная адаптация и проблемы демографии // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2020. №2. С. 46–50.
4. Егорова С. А. Новые формы интернет-эскапизма среди молодёжи // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: сборник материалов конференции, г. Москва, 2–3 ноября 2023 г. / под ред. В. А. Мансурова. М.: Российское общество социологов, 2024. С. 638–642.
5. Ильичёв И. Е., Лазарева С. А. Нигилизм: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №1. С. 32–39.
6. Козырева Л. В. Социальная детерминация эскапизма: опыт концептуализации // Научное обозрение. Гуманитарные исследования. 2011. №3. С. 8–12.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. СПб.: Питер, 2024. 544 с.
8. Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. №1. С. 308–311.
9. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Институт практической психологии, 1995. 356 с.
10. Труфанова Е. О. Техно-эскапизм и эскапизм от технологий // Наукоедческие исследования. 2023. №4. С. 7–16.
11. Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. №3. С. 96–107.
12. Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №1. С. 125–134.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ., нем. М.: Урборос, 2023. 369 с.
14. Шукшина Л. В., Когай И. А. Исследование эскапизма и рефлексии у современных студентов // Современное педагогическое образование. 2022. №9. С. 23–26.

15. Geiger G. R. Philosophy and Social Change // The Antioch Review. 1941. №1. P. 69–81.
16. Tuan Y. F. Escapism. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1998. 245 p.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Nikolai M. Prokopenko

- e-mail: n.m.prokopenko@yandex.ru
Postgraduate student, Department of Social and Pedagogical Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

Liliya A. Kamysheva

- e-mail: kamyshevala@mosreg.ru,
Vice-Rector for Financial and Economic Affairs,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Prokopenko N. M., Kamysheva L. A. Teenage escapism: from nihilism and dreamers to hobbyhorsing and quadrobics. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct theoretical analysis of the evolution of the essence and manifestations of adolescent escapism.

Methodology. The main content of the study is a theoretical analysis of approaches to defining the essence of adolescent escapism, as well as variants of its manifestations in various historical periods.

Results. The psychological essence, manifestations, and mechanisms of formation of escapist tendencies in adolescents are considered.

Research implications. The practical significance of the obtained results lies in the fact that they serve as a theoretical basis for conducting empirical research in order to identify the characteristics, determinants and possible predictions of escapist behavior of modern adolescents.

Keywords

social maladjustment, quadrobics, adolescence, escapism

REFERENCES

1. Belovol E. V., Kardapoltseva A. A. [Escapism “good” and escapism “bad”: empirical verification of the model]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied legal psychology], 2018, no. 4, pp. 38–48.
2. Boroda E. V. [“An Honest Escape” of a Modern Character: Escapism Problem in Young Adult Fiction in the 21st Century]. In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2020, no. 23, pp. 599–607.
3. Garaev S. I., Permyakov R. V., Kamaletdinov D. S. [Computer games as manifestations of youth escapism: social adaptation and demographic problems]. In: *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika* [Socio-economic management: theory and practice], 2020, no. 2, pp. 46–50.
4. Egorova S. A. [New Forms of Internet Escapism Among Youth]. In: Mansurov V. A., ed. *Cifrovoye obshchestvo: sociologicheskoye izmerenie nastoyashchego i budushchego: sbornik materialov konferencii, g. Moskva, 2–3 noyabrya 2023 g.* [Digital Society: Sociological Dimension of the Present and Future: Conference Proceedings, Moscow, November 2nd–3rd, 2023]. Moscow, Rossiyskoye obshchestvo sociologov Publ., 2024, pp. 638–642.
5. Il'ichyov I. E., Lazareva S. A. [Nihilism: definition and classification]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 1, pp. 32–39.
6. Kozyreva L. V. [Social Determination of Escapism: The Experience of Conceptualizing]. In: *Nauchnoye obozreniye. Gumanitarnyye issledovaniya* [Scientific Review. Humanitarian Research], 2011, no. 3, pp. 8–12.
7. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces (Rus. ed.: *Tsyachelikiy geroy*. St. Petersburg, Piter Publ., 2024. 544 p.).
8. Litinskaya D. G. [Types of modern escapism and the phenomenon of existential escapism]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, vol. 1, pp. 308–311.
9. Myasishchev V. N. *Psihologiya otnoshenij* [Psychology of relationships]. Moscow, Institut prakticheskoy psihologii Publ., 1995. 356 p.
10. Trufanova E. O. [Techno-escapism and escape from technologies]. In: *Naukovedcheskie issledovaniya* [Science studies], 2023, no. 4, pp. 7–16.
11. Trufanova E. O. [Escapism and escapist consciousness: towards a definition of concepts]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2012, no. 3, pp. 96–107.
12. Trufanova E. O. [Escapism: Between Nature and Culture]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities], 2024, no. 1, pp. 12–18.

tarnye i social'nye nauki [Vestnik NarFU. Philosophy], 2021, no. 1, pp. 125–134.

13. Frankl V. Man's Search for Meaning (Rus. ed.: *Chelovek v poiskah smysla*. Moscow, Uroboros Publ., 2023. 369 p.).
14. Shukshina L. V., Kogai I. A. [A Study of Escapism and Reflection in Contemporary Students]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education], 2022, no. 9, pp. 23–26.
15. Geiger G. R. Philosophy and Social Change. In: *The Antioch Review*, 1941, no. 1, pp. 69–81.
16. Tuan Y. F. Escapism. Baltimore, The Johns Hopkins Press, 1998. 245 p.

ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГР

Борисова Инна Владимировна

- e-mail: ivb66@yandex.ru;
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
английского языка и профессиональной коммуникации;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация;
доцент Департамента филологии;
Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4,
Российская Федерация

Для цитирования

Борисова И. В. Выбор переводческих решений при локализации видеоигр // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 14.05.2024
- Статья размещена на сайте 04.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Специфика видеоигрового дискурса](#)

[Соотнесение понятий «локализация» и «перевод»](#)

[Анализ переводческих решений при локализации видеоигры «Half-Life 2»](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. На примере видеоигры «Half-Life 2» выявить лингвистические трудности, с которыми сталкивается переводчик в процессе локализации компьютерных игр.

Процедура и методы. Автором проанализирован оригинальный англоязычный текст видеоигры «Half-Life 2» (хронометраж – 6 часа 12 минут) и две его локализованные русскоязычные версии (общий хронометраж – 12 часов 24 минуты). Были использованы следующие методы: контекстный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, предпереводческий анализ, семантический анализ.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что в локализованных русскоязычных версиях (от компаний «Valve» и «Бука») содержатся некорректные переводческие решения. Приведены примеры таких решений, проанализированы неточности. Графически представлено соотношение удачных и неудачных переводческих решений в русскоязычных версиях.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы переводчиками при выборе наиболее эффективных стратегий адаптации контента к менталитету игроков, представляющих различные страны и национальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

адаптация текста, видеоигра, видеоигровой дискурс, локализация, перевод, переводческая ошибка

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху постмодерна, когда информационные технологии непрерывно развиваются, появляется всё больше разновидностей компьютерных и мобильных устройств, веб-сайтов, приложений, а вместе с тем происходит цифровизация игр, перевод их в виртуальную реальность. Такой тип игр в современном обществе принято называть видеоиграми.

Актуальность исследования обусловлена широким распространением игровой индустрии по всему миру и, следовательно, необходимостью адекватно адаптировать видеоигры под реалии тех стран, которые не участвовали в их разработке. Целью исследования стало выявление лингвистических труд-

ностей, с которыми сталкивается переводчик в процессе локализации компьютерных игр.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. определить специфику видеоигрового дискурса;
2. соотнести понятия «локализация» и «перевод», выявить типичные ошибки при локализации видеоигр;
3. проанализировать две русскоязычные версии видеоигры «Half-Life 2» с целью выявления некорректных переводческих решений.

Материалами исследования послужили оригинальный англоязычный текст видеоигры «Half-Life 2» (хронометраж – 6 часа 12 минут) и две его локализованные русскоязычные версии (общий хронометраж – 12 часов 24 минуты).

Объект исследования – процесс локализации видеоигры «Half-Life 2».

Предмет исследования – некорректные переводческие решения, применённые в процессе локализации видеоигр.

В работе применялись следующие методы исследования:

1. контекстный анализ, позволяющий изучить языковые единицы в рамках словосочетаний, предложений и текстовых фрагментов;
2. сравнительно-сопоставительный метод, включающий в себя сравнение русскоязычных и англоязычных вариантов игры;
3. предпереводческий анализ, необходимый для выявления доминант перевода и оценки адекватной передачи лексических единиц при переводе;
4. семантический анализ с целью обнаружения смысловых паттернов слов и ключевых идей текста.

Теоретическая значимость исследования заключается в пополнении научной базы актуальной на сегодняшний день информацией в области локализации видеоигр за счёт анализа и количественного сопоставления верных и ошибочных переводческих решений, выявленных в локализованных версиях видеоигры «Half-Life 2». Практическая значимость исследования нам видится в том, что его результаты могут быть использованы переводчиками при выборе наиболее эффективных стратегий адаптации контента к менталитету игроков, представляющих различные страны и национальности.

СПЕЦИФИКА ВИДЕОИГРОВОГО ДИСКУРСА

Информационный обмен в рамках любого дискурса может происходить в различных формах, включая использование вербальных и невербальных языковых элементов. Ситуативная интерпретация дискурса учитывает культурные, социальные, психологические факторы.

В данном контексте нас в первую очередь интересует видеоигровая разновидность дискурса, поскольку в современном мире информации ведущую роль играют «тексты гетерогенные – визуализированные, размещённые на цифровых носителях и актуализируемые на экране в виде мультимедийной цифровой продукции» [3]. Й. Хёйзинга выводит определение игры как «некого поведения, осуществляемого в определённых границах места, времени, смысла, зримо упорядоченного, протекающего согласно добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости» [8, с. 188]. Под виртуальной разновидностью игры (видеоигрой) Д. Гринспен подразумевает игру, «компьютерный код которой превращает идеи в богатые проявления визуального искусства, которые оживают на самых разных устройствах – консолях, компьютерах, планшетах и смартфонах» [12].

В России термин «видеоигра» часто является синонимичным термину «компьютерная игра». Единого подхода к использованию данных понятий нет. Однако исходя из того, что видеоигры могут быть запущены как с персональных компьютеров, так и с мобильных телефонов, консолей и других устройств, логично было бы предположить, что понятие «видеоигра» является более широким, поскольку подразумевает возможность осуществления этого вида деятельности с различных технических устройств.

Для видеоигрового дискурса характерны следующие черты виртуального дискурса:

1. Относительная анонимность, поскольку игрок при создании своего персонажа даёт ему уникальный никнейм и иногда придумывает внешность, за которыми может скрыть свою личность. Это приводит к оценке соперников и союзников по их навыкам, а не по внешности и поведению в реальной жизни. Стираются возрастные границы и социальный статус. Формируются новые внутриигровые сообщества (гильдии), где важны лишь навыки игры и виртуального взаимодействия.

2. Возникновение новой картины мира и языковой личности геймера, которые впоследствии проявляются в поведении человека вне игры.

3. Слияние письменной и устной речи. В общении с другими геймерами в письменной форме через сообщения во внутриигровом чате человек фиксирует устную неофициальную речь в письменном виде.

4. Размытие пространственно-временных границ. В видеоигре играют люди со всего мира, в связи с чем происходит контакт игроков из разных концов света. Стираются социокультурные, политические и экономические границы. Вместо них формируются совершенно новые границы видеоигрового дискурса.

5. Зависимость от технических возможностей [9, с. 75–77].

СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЛОКАЛИЗАЦИЯ» И «ПЕРЕВОД»

Понятия «перевод» и «локализация» не имеют универсальных определений. Наиболее релевантными для нашего исследования нам представляются следующие определения: перевод – это «вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуется источник и получатель, не совпадают» [6, с. 295]; локализация – это «адаптация переводимого текста к языку и культурному контексту страны, на язык которой делается перевод» [1, с. 42].

В настоящее время локализация прослеживается в трёх аспектах:

1. локализация цифровых продуктов;
2. любая творческая адаптация контента в контексте межъязыковой коммуникации;
3. адаптация любых объектов и практик в процессе выхода компании или бренда на новые рынки [5, с. 19].

Следует отметить, что «перевод» в индустрии видеоигр чаще относится к готовому продукту или всему процессу адаптации игры для иностранного рынка, нежели к процессу переложения текста с одного языка на другой. «Локализация» же широко используется для обозначения различных задач, связанных с переводом и другими аспектами, а также означает прямой перевод оригинального текста на другой язык, подчас

без последующей интеграции переведённого контента в игру. «Многообразие языковой палитры, приверженность патриархальным укладам и специфический лингвокультурный фон каждой отдельно взятой страны» подчас затрудняют процесс межкультурной коммуникации [2, с. 195]. Именно поэтому создатели игр нуждаются в услугах не просто специалиста-переводчика, а специалиста-локализатора, которому предстоит провести серьёзную работу по адаптации аудио-, видео- и текстового внутриигрового и справочного контента, например, диалогов персонажей, пользовательского интерфейса, нормативных документов официальных сайтов видеоигр и т. д.

Кроме всего прочего, «при локализации видео игр необходимо принимать во внимание и морально-этический аспект» [11, р. 289]. В процессе проектирования и разработки игр создатели инкорпорируют в них свои культурно-идеологические ценности. Поскольку, играя в цифровые видеоигры, молодые люди «не только общаются друг с другом и весело проводят время, но и социализируются, обмениваются информацией», локализатору особенно важно отразить в контенте те ценностные ориентиры, которые составляют основу национальной идентичности конкретной страны [10, р. 363]. Это значимо ещё и потому, что игнорирование данного фактора «может привести к сбою в маркетинге и стимулировании продаж» [13, р. 107].

При столь серьёзной и объёмной работе, которую прodeлывают локализаторы видеоигр, неудивительно появление в их версиях ошибок и искажений, как и при любой передаче информации с одного языка на другой. В. Н. Комиссаров даёт определение переводческой ошибки как ошибки, «фактически дезинформирующей рецептора» и возникающей «вследствие неправильного понимания переводчиком содержания данного отрезка оригинала» [4, с. 242]. Он классифицирует переводческие ошибки следующим образом:

1. ошибки, представляющие собой грубое искажение оригинала;
2. ошибки, приводящие к неточной передаче смысла;
3. ошибки, снижающие стилистическое качество перевода;
4. нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность [4, с. 242–243].

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИДЕОИГРЫ «HALF-LIFE 2»

Разрабатывавшийся пять лет научно-фантастический шутер от первого лица «Half-Life 2» в своё время произвёл фурор в компьютерно-игровой индустрии и получил множество хвалебных отзывов. Впервые на российском рынке «Half-Life 2» появилась в 2004 г. Локализацией видеоигры занималась «Valve Corporation», компания-создатель. Несмотря на то, что игра на русском языке была высоко оценена в России, на момент выхода в ней присутствовал ряд технических ошибок и неточностей перевода. Впоследствии это было отредактировано сторонними фанатскими патчами¹. Позднее игра была переиздана компанией «Бука». Новые локализаторы устранили ошибки первоначальной русскоязычной версии, а также переозвучили часть ключевых для сюжета персонажей, пригласив других актёров. Перейдём к сравнению оригинальной англоязычной версии «Half-Life 2» с двумя вариантами её локализации: версией «Valve», доработанной фанатами, и версией «Буки».

Сюжет «Half-Life 2» состоит из 14 глав. Рассмотрим некоторые названия, которые подверглись локализации. Название первой главы *Point Insertion* дословно переводится как *точка вставки* и означает место, куда может быть внедрено динамическое содержимое, которым является главный герой игры Гордон Фримен. На русский язык главу локализовали с названием *Прибытие*, что контекстуально имеет смысл, поскольку Фримен прибывает на вокзальную станцию после двадцати лет отсутствия, чтобы изменить постапокалиптический мир.

Название второй главы *A Red Letter Day* (*Великий день*) представляет собой идиому, означающую важное или счастливое событие, отложившееся в памяти человека. Для героев игры таким днём становится день возвращения Гордона, совпавший с датой планового использования нового телепорта.

Перевод названия третьей главы *Route Kanal* (*Через каналы*) является лексико-семантической трансформацией (модуляцией). Существительное *route* (*путь*) заменяется на предлог посредством выявления причинно-следственных отношений. Путь главного героя лежит через каналы, в связи с чем для со-

¹ Патч – информация, предназначенная для автоматизированного внесения определённых изменений в компьютерные файлы (прим. ред.).

отношения длины названия было решено провести подобную трансформацию.

К переводу, зависимому от контекста, можно отнести также название четвёртой главы *Water Hazard (Водная преграда)*, а именно перевод полисемантического слова *hazard*, имеющего в русском языке такие значения, как *опасность, риск, шанс, помеха*. В этой главе игрок должен преодолеть несколько плотин, чтобы оказаться в месте назначения, поэтому подобный перевод имеет смысл. Однако, поскольку по ходу движения герой сталкивается со множеством препятствий и врагов, соотнести *hazard* с *опасностью* тоже возможно. В таком случае на русском языке глава называлась бы *Опасные воды*.

В названии десятой главы *Anticitizen One (Нарушитель номер один)* используется неологизм с префиксальным образованием. *Anticitizen* – это термин, используемый завоевателями Земли для обозначения людей, отличающихся, по их мнению, девиантным поведением и не подчиняющихся установленным правилам. Каждому подобному нарушителю присваивается номер по степени опасности для Альянса.

При анализе перевода глав можно обнаружить следующие грамматические трансформации. В главе 11 *Follow Freeman! (За Фрименом!)* использовано опущение. Наиболее часто глагол *follow* переводится как *следовать за*, но, как и в ситуации с третьей главой, для соблюдения схожести длины английского и русского названий словосочетание было сокращено.

Далее проанализируем несколько примеров перевода реплик персонажей. Уже в самом начале игры используются две фразеологические единицы. Если идиома *rise and shine* переведена, согласно стилистическим канонам, как *проснитесь и пойте*, то редкий вариант идиомы *wake up and smell the coffee*, а именно *wake up and smell the ashes*, передан контекстуально. Вместо классического *раскрой глаза* локализаторы адаптировали фразу как *проснитесь, вас снова ждут великие дела*, делая упор на то, что именно главному герою игры предстоит разобрататься с нависшей над миром угрозой.

По прибытии на железнодорожную станцию Фримен наблюдает картину, где сотрудник Гражданской Обороны (местный аналог полиции) изымает вещи у одного из граждан. Тот отдаёт чемодан, но, отойдя, ругается, используя междометие *jeez*, образованное от *Jesus Christ*. Поскольку в русском языке аналогичное междометие *боже*, по большей части, выражает восторг

и удивление, локализаторами было принято решение перевести его как ругательство *чёрт*.

В ситуации обучения игрока взаимодействию с окружающими предметами Барни в официальном переводе от «Valve» говорит Гордону «сложить *чего-нибудь* в кучу» («*Pile up some stuff to get through that window*»). В локализации «Буки» был использован приём конкретизации, и «*что-нибудь*» превратилось в «*ящик*» («Подставь *ящик*»), в связи с чем был изменён и перевод полисемантического выражения *pile up*, значение которого в данном случае было выведено контекстуально в зависимости от перевода слова *stuff*.

Схожий приём был использован в переводе фразы Аликс «*Let me buy you a drink*», когда девушка и главный герой стояли рядом с вендинговым автоматом. Если в локализации «Valve» произошла замена существительного на глагол («Давай я куплю тебе *выпить*»), то «Бука» вновь выбрала приём конкретизации, обозначив, что именно продаётся в автомате: «Давай я куплю тебе *воды*».

Отдельное внимание стоит уделить речам доктора Уоллеса Брина, Администратора Земли, транслирующимся через экраны в Сити 17, Нова Проспект и Цитадели для поддержания контакта с простыми жителями и дачи указаний подчинённым ему силам Альянса. В начале речи о человеческом инстинкте происходит замена обращения. Доктор Брин получил письмо от «обеспокоенного гражданина» (*A Concerned Citizen*), на которое собирается ответить в своём выступлении. Он благодарит человека, говоря: «*Thank you for writing, Concerned*». Однако в русском языке не распространены обращения к людям в виде причастий, поэтому при локализации вместо «*Обеспокоенного*» Брин называет адресанта просто «*Гражданином*».

Поскольку человечество, по словам Администратора, стоит на пороге бессмертия, жители Земли должны *пересмотреть* свои генетические потребности («*It requires radical rethinking and revision of our genetic imperatives*»). Посредством приёма генерализации два слова *rethinking* и *revision*, означающие одно и то же, были объединены в одно.

С инстинктом нужно «*нещадно бороться*». Именно так на русский язык перевели идиому *to fight tooth and nail*. Несмотря на то, что у данной фразеологической единицы есть аналоги в нашем языке (*биться не на жизнь, а на смерть / сражаться до по-*

следней капли крови), её перевод относительно контекста можно считать верным.

В обращении к гражданам, в котором Брин рассказывает людям о Гордоне Фримане, присутствует элемент модуляции при переводе понятия *magical thinking*. Так называемое магическое мышление представляет идею интеграции событий, которые не имеют причинно-следственной связи. Магическое мышление является разновидностью ошибочного мышления и распространённым источником неверных умозаключений. В данном контексте магическое мышление исходит от некоторых граждан, которые, по мнению Брина, избрали Фримана «мессией», что может изменить их мир. Брин считает это заблуждением, в связи с чем называет мышление граждан «следованием мифам».

Брин просит людей сотрудничать «охотно», используя в оригинале два синонима (*willingly, eagerly*), которые были переведены с использованием одной объединяющей их лексической единицей методом опущения. Он рассуждает о прошлом, когда Гордон работал в Чёрной Мезе, а именно о его «недолгой работе» (*brief tenure*), где *tenure* было переведено как полисемантическое слово в зависимости от контекста употребления.

Проведя анализ достаточно удачных переводческих трансформаций, рассмотрим подробнее некоторые моменты, в которых перевод был выполнен, на наш взгляд, не совсем точно.

У межпространственной организации, поработившей Землю, в русских версиях есть два варианта названия. *The Combine* по своему контекстуальному значению объединителей называется *Альянсом*, но в версии «Буки» помимо этого варианта перевода встречается и версия с транскрибированием – *Комбайны*. Даже если с точки зрения переводческих трансформаций оба варианта возможны, подобная двойная интерпретация внутриигрового понятия может сбивать игроков с толку.

Примером неудачного перевода, несомненно, можно считать и локализацию физических терминов в обеих русскоязычных версиях, как в случае с фразой доктора Кляйнера, проверяющего работоспособность портала: «The massless field-flux should self-limit and I've clamped the *manifold* parameters to *CY* base and *LG orbifold, Hilbert inclusive*».

«Valve»: Поток безмассового поля самоограничивается. И я установил *Ц.И.* базу, *Л.Г.* сферочисленную, и функцию *Гильберта*.

«Бука»: Поток безмассового поля самоограничивается. Мне удалось подобрать верные параметры *манифольда* для базы *Ц.И. и орбиольда Л.Г.*, включая *функцию Гильберта*.

Начать стоит с определения *manifold* и *orbifold*. *Manifold* – это топологическое многообразие, евклидово пространство. *Orbifold* же представляет собой хаусдорфово топологическое пространство, также называемое на русском орбиолдом или орбиобразием. В связи с этим опущение *manifold* при переводе в версии «Valve» и транслитерация в версии «Буки», а также перевод «Valve» термина *орбиолда* нельзя считать корректным. Аббревиатура *СУ*, которую локализаторы перевели транслитерацией, не может считаться верной, поскольку расшифровывается как *Калаби-Яу* и отсылает к *Calabi-Yau manifold*, реально существующему термину из физики, переводимому как *многообразие Калаби-Яу*, названное в честь учёных Эудженио Калаби и Яу Шинтуна.

Вызывает вопросы момент, когда главный герой надевает защитный костюм – один из тех, которые носили учёные при работе в опасных условиях в Чёрной Мезе, лаборатории, где работали Фримен, Кляйнер и отец Аликс. Кляйнер говорит: «Well, Gordon, I see your HEV suit still fits you like a glove. At least the glove parts do». Локализация «Valve» с использованием генерализации в данном случае соответствует тексту оригинала: «Ну, Гордон, костюм по-прежнему сидит на тебе, как влитой. По крайней мере, некоторые части». Версия «Буки» на её фоне кажется бессмысленной: «Гордон, костюм сидит так, будто на тебя сшит. Ох. Он ведь действительно на тебя сшит». Если первая часть вопросов не вызывает, то при адаптации второй локализаторы опирались на значение используемой в предыдущем предложении идиомы, что неверно, поскольку конкретно этот костюм не имеет никакого отношения к главному герою и, скорее всего, был создан по стандартным размерам, в связи с чем доктор делает акцент именно на определённой подходящей Гордону по размеру части.

Связавшись с Барни, возглавляющим восстание, Аликс говорит, что отправит главного героя и своего робопса ему на помощь – «Gordon and Dog can head your way», но в переводе «Valve» («Гордон и Пёс тебя отведут») фраза приобретает иной смысл. То же происходит и со словами самого Барни. «I'll take all the help I can get» становится «Я приведу всю возможную помощь», будто мужчина собирается собрать всех повстанцев и

привести к Фримену. На самом же деле, находясь в эпицентре битвы, он говорит, что ему пригодится любая помощь.

Встретив наконец Барни, игрок замечает его затруднительное положение – мужчина скрывается от нескольких снайперов. Подчёркивая свою невыгодную позицию, он произносит: «*These snipers got me pinned down*». Барни залёг под огнём противника, но в неверной локализации «*Valve*» он говорит, что снайперы его «подстрелили», хотя ранений у него нет.

В дополнение к изложенному выше нами было выявлено следующее несоответствие. На протяжении всей игры к главному герою обращаются либо по имени, либо на *ты* / *вы*. Второй вариант является переводом полисемантического личного местоимения *you*. В связи с тем, что с Гордоном Фрименом лично знакома лишь пара человек, перевести в репликах части NPC² местоимение *you* как «*ты*» было довольно странным решением локализаторов, особенно при условии, что примерно с середины игры персонажи, с которыми игрок сталкивается впервые, используют исключительно уважительное обращение. Так, в самом начале игры, когда игрок оказывается в поезде, от первого встреченного им мужчины звучит фраза «*I didn't see you get on*» – «Я не заметил, как *ты* сел». При разговорах с другими NPC на станции они используют оба варианта: «Кроме *вас* на поезде никого не было?», «Не *пейте* воду», «Я смотрю, они и *твой* чемодан взяли!» и т. д.

Исходя из проведённого анализа текста оригинальной версии игры «*Half-Life 2*» и двух вариантов её локализации, нами было выявлено соотношение количества некорректных переводческих решений по отношению к общему числу проанализированных фрагментов текста в каждой локализации. Результаты получились следующими: в 1280 фрагментах варианта локализации «*Valve*» было обнаружено 52 фрагмента, переведённых некорректно (что составляет 4% от общего числа); в варианте локализации «*Буки*» – 35 ошибочно переведённых фрагментов (2,7% от общего числа). Полученные результаты для наглядности представлены ниже графически в виде секторных диаграмм (рис. 1, рис. 2):

² NPC – Non-player character, неигровой персонаж (прим. ред.).

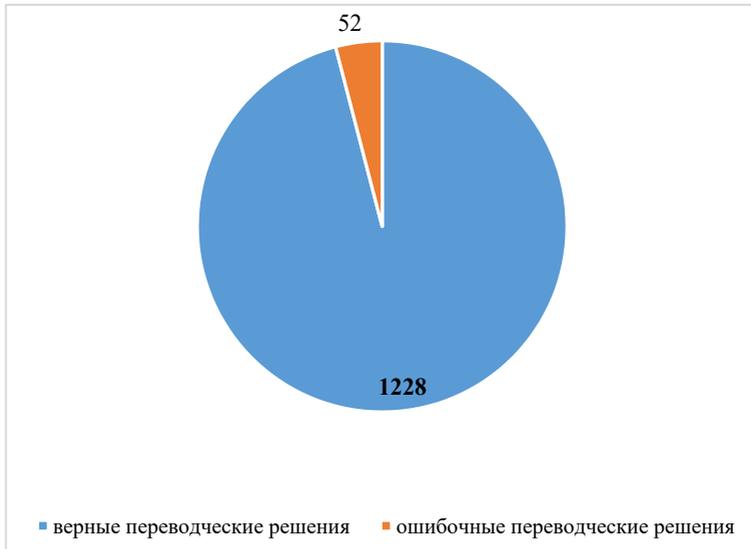

Рис. 1 / Fig. 1. Выбор переводческих решений в локализации «Valve», шт. /
Choosing translation solutions in Valve localization, pcs

Рис. 2 / Fig. 2. Выбор переводческих решений в локализации «Буки», шт. /
Choosing translation solutions in Buka localization, pcs

Таким образом, сравнивая диаграммы на рисунках 1 и 2, можно сделать вывод, что вышедшая позднее локализация «Буки» является более адекватной и качественной в плане адаптации текста, поскольку содержит меньшее количество ошибочных переводческих решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании была выявлена специфика видеоигрового дискурса, которая предъявляет особые требования к процессу локализации видеоигр. Было установлено, что понятия «перевод» и «локализация» не тождественны, поскольку понятие «локализации» включает в себя также элементы адаптации различных аспектов видеоигры. Процесс локализации можно считать исключительно важным в современном мире, где, несмотря на процессы глобализации и интеграции, национальная идентичность остаётся одним из важнейших факторов, определяющих представления о плодотворном сотрудничестве разных стран в политической, экономической и культурной сферах, поскольку она представляет собой «отождествление гражданина с определённой социальной общностью, коренится в групповом и индивидуальном сознании» [7].

В этой связи труд переводчика-локализатора может внести свою лепту в процесс взаимопонимания и взаимоуважения наций. Учитывая в своей работе лингвострановедческие традиции, он может сделать видеоигру не только привлекательным коммерческим продуктом, но и оригинальным контентом, способным вызвать положительный эмоциональный отклик целевой аудитории за счёт уважительного отношения к другим языкам и культурам.

На примере видеоигры «Half-Life 2» в её англоязычной версии и двух вариантах её локализации были рассмотрены различные приёмы перевода и проанализировано их качество на конкретных примерах. Наиболее эффективными переводческими трансформациями в обеих версиях можно считать конкретизацию, опущение, добавление и компенсацию. Выбор переводческих решений был спорным главным образом при переводе идиом, полисемических слов и эмотивов.

Выявление типичных переводческих ошибок, по нашему мнению, задаст правильный вектор дальнейшим практическим исследованиям в области локализации видеоигр с целью

создания теоретической базы для разработки академических курсов, необходимых будущим поколениям переводчиков-локализаторов. Это, безусловно, представляется важным, поскольку в современной реальности локализация видеоигр – трудоёмкий процесс, требующий от локализатора не только знания языка и культуры страны, но и широкого кругозора во всех областях технического и гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюкова Н. А. Многоязычная локализация в современном виртуальном пространстве // Образовательные технологии в виртуальном лингво-культурном пространстве: материалы IV Международной виртуальной конференции по русистике, литературе и культуре. Ереван: Лимуш, 2011. С. 42–45.
2. Борисова И. В. Локализация иноязычного контента как средство повышения эффективности межкультурной коммуникации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. №4. С. 195–207.
3. Евграфова Ю. А., Новикова М. Г. Вербальный и звуковой компонент экранной «речи» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.04.2024).
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 250 с.
5. Коптелова С. А., Рущая Е. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. №3. С. 16–25.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 207 с.
7. Национальная идентичность и патриотизм в условиях международных кризисов / А. В. Абрамов, А. С. Буров, Бхагват Джавахар Вишну, Б. А. Габдулина, А. Э. Джанаева, Калфаоглу Рабия, В. М. Капицын, Ким Чжунг, О. Ю. Кокурина, А. М. Костина, Е. Ф. Сергазин, Шао Цзянина, А. Е. Шапаров // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.04.2024).
8. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 409 с.
9. Часовский П. В. Социопсихолингвистический анализ компьютерно-игрового дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020. 233 с.

10. Dankov Y. A Conception of an Instrument Supporting the Design of Educational Video Games for Cultural Heritag // IFAC PapersOnLine. 2024. Vol. 58-3. P. 363–368.
11. Duin A. H., Pedersen I. Augmentation Technologies and Artificial Intelligence in Technical Communication. Designing Ethical Features. London; New York: Routledge, 2023. 282 p.
12. Greenspan D. Video Games and IP: A Global Perspective [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2014/02/article_0002.html (дата обращения: 12.08.2024).
13. Pyae A. Understanding the role of culture and cultural attributes in digital game localization // Entertainment Computing. 2018. Vol. 26. P. 105–116.

ARTICLE INFORMATION

Author

Inna V. Borisova

- e-mail: ivb66@yandex.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,
Department of English for Professional Communication,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky Prospect 49, Moscow 125993, Russian Federation;

Department of Philology,
Moscow City University
Vtoroy Selskohoziaystvenny Proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

For citation

Borisova I. V. Choosing Translation Techniques for Video Games Localization. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. On the example of the video game “Half-Life 2” to identify the linguistic difficulties faced by the translator in the process of computer games localization.

Methodology. The author has analyzed the original English text of the video game “Half-Life 2” (running time – 6 hours 12 minutes) and its two localized Russian versions (total running time – 12 hours 24 minutes). The following methods were used: contextual analysis; comparative method; pre-translation analysis; semantic analysis.

Result. Based on the results of the study, it has been concluded that the localized Russian versions (from Valve and Buka companies) contain incorrect translation solutions. The examples of such solutions are given, inaccuracies are analyzed. The ratio of successful and unsuccessful translation solutions in Russian versions is graphically presented.

Research implications. The results of the study can be used by translators in choosing the most effective strategies for adapting the content to the mentality of players representing different countries and nationalities.

Keywords

text adaptation, video game, video game discourse, localization, translation, translation mistake

References

1. Batyukova N. A. [Multilingual localization in modern virtual space]. In: *Obrazovatel'nye tekhnologii v virtual'nom lingvo-kul'turnom prostranstve: materialy IV Mezhdunarodnoi virtual'noi konferentsii po rusistike, literature i kul'ture* [Educational technologies in the virtual linguistic and cultural space: Proceedings of the IV International virtual conference on Russian studies, literature and culture]. Yerevan, Limush Publ., 2011, pp. 42–45.
2. Borisova I. V. [Localization of foreign language content as a means of increasing the effectiveness of intercultural communication]. In: *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2023, no. 4, pp. 195–207.
3. Evgrafova Yu. A., Novikova M. G. [Verbal and audial components of the screen “speech”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 23.04.2024).
4. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, Alyans Publ., 213. 250 p.
5. Koptelova S. A., Rutsкая E. A. [Linguistic aspects of video game localization]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, no. 3, pp. 16–25.
6. Minyar-Beloruhev R. K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. Moscow, Moskovskii Litsey Publ., 1996. 207 p.
7. Abramov A. V., Burov A. S., Bhagwat Jawahar Vishnu, et al. [National identity and patriotism in conditions of international crises]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 23.04.2024).
8. Huizinga J. *Homo ludens* (Rus. ed.: Silvestrov D. V., transl. *Homo ludens. Chelovek igrayushchii*). St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2011. 409 p.).
9. Chasovsky P. V. *Sotsiopsikholingvisticheskii analiz komp'yuterno-igrovogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Sociopsycholinguistic analysis of computer-game discourse: Cand. Sci. thesis in Philology]. Chelyabinsk, 2020. 233 p.

10. Dankov Y. A. A Conception of an Instrument Supporting the Design of Educational Video Games for Cultural Heritag. In: *IFAC PapersOnLine*, 2024, vol. 58-3, pp. 363–368.
11. Duijn A. H., Pedersen I. *Augmentation Technologies and Artificial Intelligence in Technical Communication. Designing Ethical Features*. London, New York, Routledge, 2023. 282 p.
12. Greenspan D. Video Games and IP: A Global Perspective. Available at: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2014/02/article_0002.html (accessed: 12.08.2024).
13. Pyae A. Understanding the role of culture and cultural attributes in digital game localization. In: *Entertainment Computing*, 2018, vol. 26, pp. 105–116.

КОМПЬЮТЕРНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гусева Алла Ефимовна

- e-mail: angst51@rambler.ru;
доктор филологических наук,
профессор кафедры германской и романской филологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Прокофьева Ольга Владимировна

- e-mail: olya.prokofeva.99@mail.ru;
аспирант кафедры германской и романской филологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Гусева А. Е., Прокофьева О. В. Компьютерный контент-анализ в лингвокультурологических исследованиях // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 15.06.2024
- Статья размещена на сайте 22.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Этнофолизмы как понятие и явление](#)

[Применение метода компьютерного контент-анализа с целью выявления этнофолизмов](#)

[Выявление этнофолизмов в комментариях пользователей новостных порталов](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Заключается в выявлении особенностей использования этнофолизмов в русскоязычных и немецкоязычных СМИ и установлении их влияния на формирование гетеростереотипов.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ результатов, полученных методами компьютерного контент-анализа, с помощью которого были обнаружены этнофолизмы в комментариях читателей немецких и российских новостных порталов. Кроме того, применялись метод сплошной выборки, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты. Выявлено, что этнофолизмы в комментариях к текстам русскоязычных СМИ преимущественно отражают отношение россиян к жителям Украины. В комментариях русскоязычных СМИ было выявлено небольшое количество этнофолизмов, связанных непосредственно с Германией. Отношение немецкоязычных пользователей к жителям России, в свою очередь, также связано с конфликтом на Украине.

Теоретическая значимость и практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в выявлении этнофолизмов с помощью методов компьютерного контент-анализа. Полученные данные расширяют наши знания о парадигматическом взаимодействии языковых средств, отражающих стереотипы в различных лингвокультурах. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть применены на занятиях по иностранному языку, лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии, прикладной лингвистике, межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этнофолизмы, стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, компьютерный контент-анализ, СМИ

ВВЕДЕНИЕ

Стереотип – понятие, изначально возникшее в общественно-политическом дискурсе. Понятие «стереотип» было впервые введено У. Липпманом [8].

Определение У. Липпмана получило дальнейшую разработку в социологии и социальной психологии. В социогуманитар-

ных науках понятие «стереотип» отождествляется с понятиями «ритуал», «традиция» и обуславливается национальной культурой [2; 11].

Термин «стереотип» представлен и в лингвистических учениях. Однако учёные-лингвисты не пришли к единому определению этого термина. В лингвистике на сегодняшний день выделяют разные типы стереотипов: речевой стереотип (речевое клише), этнический стереотип, гендерные стереотипы, стереотипы-ситуации [3; 4; 5; 6].

Стереотипы непосредственно связаны с разграничением понятий «свой – чужой». Наиболее часто необходимость в разделении на «своё» и «чужое» возникает в период экономической рецессии, а также в периоды конфликтов между странами. Тем самым стереотипный образ того или иного государства проявляется в том числе и в текстах СМИ.

Положительный или отрицательный образ той или иной страны зависит от внешней политики государства. Гетеростереотипы, как правило, обладают отрицательной коннотацией. Несмотря на то, что правила политкорректности не допускают использования лексико-фразеологических единиц с отрицательной коннотацией, проявление уничижительных номинаций характерно для комментариев в социальных сетях, блогах, а также в текстах отдельных СМИ.

С целью отграничения «чужого» используются этнофолизмы. Под этнофолизмами понимают номинации с семой «народ», «представитель народа», эмоционально маркированные адресантом, автором высказывания, уничижительной, отрицательной оценкой [7, с. 36].

На сегодняшний день языковая сторона этнофолизмов остаётся малоизученной, что объясняет актуальность данного исследования.

Цель исследования заключалась в рассмотрении особенностей употребления этнофолизмов, обуславливающих возникновение отрицательных гетеростереотипов.

Материалом исследования послужили комментарии пользователей новостных порталов «РИА Новости»¹ на русском языке и Focus.de² на немецком языке.

¹ РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 15.04.2024).

² FOCUS Online. URL: <https://www.focus.de> (дата обращения: 15.04.2024).

Задачи исследования включают сбор и анализ комментариев читателей новостных порталов, применение методов контент-анализа для обработки данных, интерпретацию полученных данных, сравнительно-сопоставительный анализ полученных результатов.

Методология исследования предполагает компьютерный контент-анализ двух лингвокультур с целью выявления этнофолизмов, а также их дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ. Данное исследование включает в себя следующий алгоритм: выборка текстовых фрагментов, компьютерный контент-анализ полученной выборки, обработка и интерпретация результатов, сравнительно-сопоставительный анализ результатов.

ЭТНОФОЛИЗМЫ КАК ПОНЯТИЕ И ЯВЛЕНИЕ

Этнофолизмы – это номинации, отражающие негативные стереотипы, предвзятость или враждебное отношение к определённой этнической группе. Этнофолизмы включают в себя негативно окрашенный этноним. К ним относятся также и «прозвищные этнонимы».

Впервые термин «этнофолизмы» был введён А. Робакон в книге «A Dictionary of International Slurs» [13, p. 19]. Однако там понятие «этнофолизм» рассматривается исключительно с позиции культурологии и социологии. Языковая сторона этнофолизмов получила дальнейшую разработку значительно позже [1; 10; 12; 13; 14].

С точки зрения лингвистики выделяют этнофолизмы, состоящие из обозначения народа с эмоционально-оценочными суффиксами (*хачик, русня*).

Кроме того, выделяют составные экспрессивные этнонимы, состоящие из антропонима и прозвища, и этнонимы, мотивированные именем культурного персонажа (литературного, фольклорного, религиозного и т. д.). В комментариях к текстам СМИ широко распространены этнофолизмы, мотивированные именами политических деятелей. Например, сюда можно отнести этнофолизмы, образованные от фамилии Президента РФ Владимира Путина (*Путлер, Plutin*).

Кроме того, в качестве этнофолизмов могут выступать распространённые в языке имена и фамилии: «Фриц», «Иванушка», «Наташа».

Существуют также немотивированные этнофолизмы. Как правило, к ним относят иностранные слова, отражающие самонаименование народа. Эти слова обладают, как правило, нейтральной коннотацией, однако здесь стоит обратить внимание на роль контекста.

Самой обширной является группа этнофолизмов, мотивированных с позиции родного языка. Среди них выделяются следующие подгруппы:

а) мотивированные другими этнонимами, образованные при помощи различных словообразовательных моделей – «башкорты», «чурканы»;

б) мотивированные расовым признаком – «чернота», «чёрный»;

в) мотивированные культурным признаком. В качестве культурного признака могут выступать название пищи – «макаронник», название одежды или причёски – «ватники», «хохлы»; название животного – «свинорылый» [7, с. 39].

Основная функция этнофолизмов заключается в выражении пренебрежительного отношения к представителям различных наций, что отличает этнофолизмы от нейтральных этнонимов.

Этнофолизмы широко распространены в конфликтных текстах, они выступают в качестве отличительной черты языка вражды (hatespeech).

Этнофолизмы относятся к подвижному пласту лексики. В отличие от устойчивых стереотипов этнофолизмам приписывают изменчивость. Они напрямую зависят от геополитической ситуации и межэтнических отношений в моменте, что непосредственно влияет на актуальность их изучения.

О. И. Максименко отмечает, что не существует народов, которые бы не получили уничижительных прозвищ [9].

Однако выявление этнофолизмов – процесс достаточно трудоёмкий, занимающий много времени. При этом для модерации сайтов, комментариев в социальных сетях необходима автоматизированная система, способная обнаружить данный вид конфликтной лексики.

С помощью методов компьютерного контент-анализа исследователи могут автоматизировано обрабатывать большие объёмы данных, выявляя упоминания, контексты и распространение этнофолизмов в различных медийных источниках.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОМПЬЮТЕРНОГО КОНТЕНТ-АНАЛИЗА С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭТНОФОЛИЗМОВ

Алгоритмы машинного обучения и анализа тональности позволяют выявлять и классифицировать тексты, выделяя ключевые слова, выражения или образы, характеризующие этнофолизмы. Отслеживание динамики развития таких языковых явлений может быть важным этапом для понимания и преодоления этнической предвзятости в обществе.

Контент-анализ – это метод количественного систематического подхода к изучению текста.

Для этого метода характерны формализованность, систематичность и строгость. Этим можно объяснить надёжность полученных результатов. Для них не характерна субъективность.

Компьютерный контент-анализ используется с целью обработки большого количества данных в сжатые сроки. Контент-анализ применяется для изучения эффективности пропаганды, демонстрации людей определённых национальностей в СМИ, стереотипов. В нашем исследовании компьютерный контент-анализ применялся с целью выявления этнофолизмов на материале немецкого и русского языков.

Контент-анализ может применяться для исследования объёмных документов, однако наиболее эффективно он работает при анализе однопорядковых данных.

Применение методов компьютерного контент-анализа в значительной мере упрощает поиск этнофолизмов. В нашем исследовании применялась программа контент-анализа «Atlas.ti».

«Atlas.ti» помогает выявлять только те этнофолизмы, которые использованы в отрицательном контексте. Остальные этнофолизмы необходимо выявлять самостоятельно. Программа не всегда способна распознать отрицательную коннотацию отдельных лексических единиц (далее – ЛЕ). Например, если ЛЕ имеет нейтральную окраску, программа не способна выявить интенцию говорящего, заключающуюся в принижении представителей того или иного народа (рис. 1).

Ландскнехты и теперича не унимаются

Рис. 1 / Fig. 1. Выявление этнофолизмов при помощи программы «Atlas.ti» / Identifying Ethnopholitics with Atlas.ti

ВЫЯВЛЕНИЕ ЭТНОФОЛИЗМОВ В КОММЕНТАРИЯХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ

В рамках данного исследования методом сплошной выборки были отобраны комментарии читателей новостных порталов РИА Новости и Focus Online. Все статьи были представлены гетеростереотипами, отражающими отношение к другим странам. В силу специфики текстов СМИ в самих текстах прессы и публицистики этнофолизмы встретить достаточно сложно. Это связано с тем, что этнофолизмы являются экспрессивными средствами, а для текстов прессы и публицистики характерно соблюдение нейтрального стиля. Этнофолизмы в текстах СМИ можно встретить только в цитатах, в приведении мнений различных экспертов. С целью выявления этнофолизмов мы обратились к комментариям пользователей.

Для анализа нами применялась программа контент-анализа «Atlas.ti». У программы есть ряд преимуществ и недостатков. Главное преимущество заключалось в удобстве использования программы, в возможности применения на разных языках. Однако программа способна допускать ошибки при анализе. Например, выражения с явно отрицательной коннотацией она часто принимала за положительные.

В рамках исследования мы пользовались следующими методами контент-анализа: анализом тональности, анализом социальных сетей, тематическим моделированием. Ключевым стал метод анализа тональности.

Полученная выборка на русском и немецком языках была проанализирована при помощи программы «Atlas.ti». Программа распределила комментарии на положительные, отрицательные и нейтральные. После чего среди комментариев с

отрицательной коннотацией нами были отобраны этнофолизмы. Многие из них повторялись в комментариях и составили семантическое ядро текста, что упростило их выявление и дальнейшую обработку.

В исследовании мы опирались на этнофолизмы о немцах в комментариях российских пользователей, а также на этнофолизмы, выявленные в комментариях немецких пользователей о россиянах.

В связи с ситуацией на международной арене большинство из них были связаны с событиями на Украине. Поэтому взаимная характеристика этих народов была непосредственно связана с участием сторон в вышеуказанных событиях. ЛЕ, связанные с русскими и украинцами, составили семантическое ядро выборки (0,89 и 0,70% соответственно). ЛЕ, связанные с Германией, также оказались среди наиболее частотных. Однако они составили 0,58%.

Остановимся подробнее на этнофолизах, выявленных в комментариях русскоязычных пользователей. Помимо этнофолизмов, отражающих отношение к немецкому народу, было выявлено большое количество этнофолизмов, выражающих пренебрежительное отношение к украинцам и западным народам в целом. Сюда можно отнести следующие примеры, полученные при помощи компьютерного контент-анализа. Программа отмечала их как негативные:

Бордель (Боррель), Жопез (Жозеф), Жозик, окраина, поддерживать Украину (Украину), нацисты-бандеровцы, бандеровцы, укры, поляхи, хохлы, укрофашисты, побирушки, украинчик, шароварники (об украинцах), ридниненьки (от укр. ріднаненька).

Однако объектом исследования являлись этнофолизмы, связанные непосредственно с Германией.

При помощи методов контент-анализа были выделены следующие группы этнофолизмов, используемых в комментариях к текстам, связанным с Германией:

1. Этнофолизмы, мотивированные именами представителей той или иной нации: *гитлеровцы, потомки Гитлера, Хайль гитлеровцы.*
2. Этнофолизмы, мотивированные культурным признаком: *ландескнехты, фашисты, тидвараз(ы) фашистские, выродки фашистов, ливерная колбаса (Олаф Шольц).*
3. Этнофолизмы, мотивированные расовым признаком: *немецкие оккупанты.*

Среди комментариев к статьям новостного сайта, непосредственно связанных с Германией, этнофолизмов, выражающих пренебрежительное отношение к немцам, было выявлено немало. Основная доля этнофолизмов касается граждан Украины и западных политиков. Этот факт ещё раз подчёркивает подвижность этнофолизмов и их зависимость от политической обстановки.

Отбор непосредственно этнофолизмов из пласта лексики с негативной окраской производился вручную. Однако предварительная обработка программы для контент-анализа позволила сократить выборку до группы ЛЕ, которые соответствовали объекту исследования.

Таким образом, среди этнофолизмов, используемых русскоязычными пользователями для описания немцев, преобладает группа этнофолизмов, связанных с фашистским прошлым страны.

Что касается комментариев немцев к текстам немецких СМИ, этнофолизмы не являются для немецкого языка типичным способом выражения отношения к тому или иному народу. Тем не менее при помощи методов контент-анализа нам удалось выявить следующие группы этнофолизмов:

1. Этнофолизмы, мотивированные именами представителей той или иной нации (руководителя страны): *PutinVersteher*, *Putinfreund*, *PutinsbarbarischeSchergen*, *Putinist*.
2. Самономинация народа: *dierusskis*.
3. Этнофолизмы, мотивированные расовым признаком: *derrussischeJoch*, *MütterchenRussland*, *Russen-Freund*.
4. Этнофолизмы, мотивированные культурным признаком: *SchlächterausMoskau*, *Wodkalieber*, *Kreml-Führer*.
5. Этнофолизмы с компонентом *Krieg*: *Kriegsverbrecher*, *Kriegstreiber*.

Как и в случае с русским языком, с целью выявления этнофолизмов в немецком языке нами использовалась программа «Atlas.ti». Этнофолизмы были выявлены путём использования метода SEO-анализа (рис. 2). После чего были проанализированы предложения, помеченные программой как отрицательные. Однако и в данном случае программа не всегда справлялась с поставленной задачей. Иногда предложения с отрицательной коннотацией были помечены нейтральными или отрицательными. Распознавание ироничного использования нейтральных единиц пока возможно не во всех программах компью-

терного контент-анализа. В этих случаях языковые единицы отбирались вручную.

● NEGATIVE

Mir kommt es so vor, dass sich so mancher Deutscher darauf freut unter dem russischen Joch geknechtet zu werden. Hunnen, Mongolen, Osmanen und jetzt der Russe.

Рис. 2 / Fig. 2. Примеры немецких этнофолизмов, обнаруженных при помощи программы «Atlas.ti» / Examples of German ethnophobic words found using the Atlas.ti program

Семантическое ядро текста составили такие ЛЕ, как *Krieg* (1,86%), *die Ukraine* и *Russland* (по 0,88% соответственно).

Таким образом, в комментариях на немецком языке было выявлено больше различных типов этнофолизмов. Например, в немецком языке были обнаружены этнофолизмы, мотивированные самономинацией россиян, а также этнофолизмы с компонентом «война», отражающие текущую роль России на международной арене. Этнофолизмы, используемые с целью оскорбления других наций, в немецком языке обнаружены не были.

В русском языке было выявлено небольшое количество этнофолизмов, применяемых для вербализации образа немцев. Однако большая часть этнофолизмов, маркированных программой для контент-анализа, связана с репрезентацией отрицательного образа украинцев в русской лингвокультуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществлённые согласно цели исследования выявление этнофолизмов и их типологическая характеристика в комментариях читателей новостных порталов согласно выборке комментариев к статьям на русском и немецком языках, посвящённым России и Германии, позволяют сделать некоторые выводы.

Большая часть этнофолизмов возникла в связи с конфликтом России и Украины. Тем не менее в комментариях к текстам русских и немецких СМИ можно обнаружить взаимную оскорбительную номинацию друг друга.

Стоит отметить, что в немецком языке выявлено большее количество различных типов этнофолизмов. В русском языке для описания немцев использовались преимущественно этнофолизмы, связанные со Второй мировой войной.

Выборка примеров была проанализирована при помощи программы контент-анализа «Atlas.ti». Однако следует отметить некоторое несовершенство данной программы на предмет маркировки предложений с отрицательной коннотацией: в некоторых случаях предложения с отрицательной коннотацией были помечены нейтральными. Более того, программа часто принимала за положительные выражения с явно отрицательной коннотацией.

Далее следует отметить, что распознавание ироничного использования нейтральных единиц пока возможно не во всех программах компьютерного контент-анализа. В этих случаях языковые единицы целесообразно отбирать вручную, т. е. включать в работу так называемый человеческий фактор.

Однако в целом представляется, что, поскольку выявление этнофолизмов – процесс достаточно трудоёмкий, занимающий много времени, использованная нами автоматизированная система является неплохим подспорьем при обнаружении данного вида конфликтной лексики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в рамках занятий по иностранному языку, лингвокультурологии, прикладной лингвистике, сопоставительной лексикологии и межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы международной конференции, Москва, 8–9 июня 2007 г. / под ред. Н. А. Николиной. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.
2. Григорьев Д. С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. №2. С. 215–238.
3. Денисова Г. В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. №3. С. 127–148.

4. Жерновая О. Р. Этнокультурные стереотипы как отражение меняющейся культурной и политической действительности общества // Политическая лингвистика. 2010. №2. С. 109–113.
5. Жихарева Н. А., Яковлева Е. П. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. №2. С. 31–40.
6. Жуковская Н. В., Нужнова Е. Е. Языковые средства отражения этнических стереотипов в современных СМИ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. №1. С. 74–81.
7. Захарченко С. С. Этнофолизмы в спорных текстах. Попытка типологизации // Слово. Текст. Контекст. 2022. №4. С. 33–43.
8. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: ИФ «Общественное мнение», 2004. 384 с.
9. Максименко О. И. Номинация национальностей с отрицательной коннотацией // Язык, культура и «мягкая сила» / под ред. С. Г. Терминасовой. М., 2018. С. 21–27.
10. Пашкова Н. П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. №4. С. 19–32.
11. Хроменков П. Н. Лексика вражды в публичной политической риторике периода холодной войны (на материале инаугурационных речей президентов США середины XX в. – 80-х гг. XXI в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. №3. С. 107–117.
12. Mullen B., Rice D. Ethnophaulisms and exclusion: the behavioral consequences of cognitive representation of ethnic immigrant groups // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. №29. P. 1056–1067.
13. Roback A. A. A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms). With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. Cambridge, Mass.: Sci-art publishers, 1979. 394 p.
14. Simo Määttä. Linguistic and discursive properties of hate speech and speech facilitating the expression of hatred: Evidence from Finnish and French online discussion boards // Internet Pragmatics. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 156–172.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Alla E. Guseva

- e-mail: angst51@rambler.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German and Romance philology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A, 2, Moscow 105005, Russian Federation

Olga V. Prokofyeva

- e-mail: olya.prokofeva.99@mail.ru,
Postgraduate student, Department of German and Roman Philology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10A, 2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Guseva A. E., Prokofyeva O. V. Computer content analysis in linguistic and cultural studies. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the features of the application of ethnophaulisms in Russian-speaking and German-speaking media and establishing their influence on the formation of heterostereotypes.

Methodology. The main content of the research is an analysis of the results obtained by computer content analysis, which was used to detect ethnophaulisms in the comments of readers of German and Russian news outlets. In addition, the continuous sampling method was used, as well as the method of comparative analysis.

Results. It was revealed that the ethnophaulisms in the comments to the texts of the Russian media mainly reflect the attitude of Russians towards the inhabitants of Ukraine. In the comments of the Russian media, a small number of ethnophaulisms directly related to Germany were revealed. The attitude of German readers towards residents of Russia is also related to the conflict in Ukraine.

Research implications. The theoretical significance of the research is in its successful identification of ethnophaulisms by the means of computer

content analysis methods. The obtained data expand our knowledge about the paradigmatic interaction of linguistic means reflecting stereotypes in various linguistic cultures. The practical significance of the research is explained by the fact that its results can be applied in foreign language classes, linguistic and cultural studies, comparative lexicology, applied linguistics, and intercultural communication.

Keywords

ethnophaulisms, stereotypes, autostereotypes, heterostereotypes, computer content analysis, mass media

References

1. Grishchenko A. I. [Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnopholisms) in modern Russian and English languages: etymological, motivational and derivational aspects]. In: Nikolina N. A., ed. *Aktivnye protsessy v sovremennoi leksike i frazeologii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 8–9 iyunya 2007 g.* [Active processes in modern vocabulary and phraseology: materials of the international conference, Moscow, June 8th–9th, 2007]. Yaroslavl, Remder Publ., 2007, pp. 40–52.
2. Grigoryev D. S. [The Stereotype Content Model and Ethnic Stereotypes in Russia]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, no. 2, pp. 215–238.
3. Denissova G. V. [Sociocultural stereotypes in cross-cultural communication]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2020, no. 3, pp. 127–148.
4. Zhernovaya O. R. [Ethnic-cultural stereotypes as a reflection of changing cultural and political reality of a society]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 2, pp. 109–113.
5. Zhikhareva N. A., Yakovleva E. P. [Stereotypes as a means of influencing mass consciousness in political discourse]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 31–40.
6. Zhukovskaya N. V., Nuzhnova E. E. [Language means for reflecting ethnic stereotypes in modern mass media]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2020, no. 1, pp. 74–81.
7. Zakharchenko S. S. [Ethnophaulisms in Controversial Texts. Attempts of Typologization]. In: *Slovo. Tekst. Kontekst* [Word. Text. Context], 2020, no. 4, pp. 33–43.

8. Lippman W. Public Opinion (Rus. ed.: Barchunova T. V., transl. Obshchestvennoe mnenie. Moscow, IF «Obshchestvennoye mnenie» Publ., 2004. 384 p.).
9. Maksimenko O. I. [Nomination of nationalities with negative connotations]. In: Terminasova S. G., ed. Yazyk, kul'tura i «myagkaya sila» [Language, Culture and Soft Power]. Moscow, 2018, pp. 21–27.
10. Peshkova N. P., Moiseeva A. V., Titlova A. S. [Ethnophobias as a realization of recipients' potential conflictogenicity in the process of information perception in the Internet discourse]. In: Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2018, no. 4, pp. 19–32.
11. Khromenkov P. N. [Vocabulary of Enmity in Public Political Rhetoric of the Cold War Period (Based on Inaugural Speeches of US Presidents in the Mid-20th Century – 1980s)]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 3, pp. 107–117.
12. Mullen B., Rice D. Ethnophobias and exclusion: the behavioral consequences of cognitive representation of ethnic immigrant groups. In: *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, no. 29, pp. 1056–1067.
13. Roback A. A. A Dictionary of international slurs (ethnophobias). With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. Cambridge, Mass., Sci-art publishers, 1979. 394 p.
14. Simo Määttä. Linguistic and discursive properties of hate speech and speech facilitating the expression of hatred: Evidence from Finnish and French online discussion boards. In: *Internet Pragmatics*, 2023, vol. 6, no. 2, pp. 156–172.

ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Лукьянова Валентина Сергеевна

- e-mail: vlukyan0203@yandex.ru;
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка;
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской
Федерации, Одинцовский филиал
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3,
Российская Федерация

Для цитирования

Лукьянова В. С. Онтолингвистическая составляющая в переводоведении // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.06.2024
- Статья размещена на сайте 22.09.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Онтолингвистика и онтолингвистическая трансформация в переводе](#)

[Онтолингвистическая внутрикультурная и межкультурная переводческая трансформация](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение места онтолингвистической составляющей в системе современного переводоведения.

Процедура и методы. Проводится типологический анализ маркеров детского речевого дискурса, осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ практического материала.

Результаты. На основании междисциплинарного подхода, сочетающего достижения онтолингвистики и переводоведения, описываются особенности переводческих решений, предложен термин «онтолингвистическая трансформация» с целью описания переводческих инструментов, направленных на повышение адекватности перевода, а также на решение стилистических и прагматических задач. Описаны возможности применения различных видов переводческой онтолингвистической трансформации при переводе детской импрессивной и экспрессивной речи.

Теоретическая значимость. Применяемый междисциплинарный подход к исследованию позволил расширить данные переводоведения о выделении и переводе онтолингвистической составляющей в речи. Предложенный анализ онтолингвистических трансформаций может представлять определённую практическую значимость для переводчика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

переводоведение, онтолингвистика, импрессивная речь, экспрессивная речь, онтолингвистическая трансформация

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день одним из важнейших понятий в переводоведении является идея антропоцентричности¹. Факт социального характера языка и его связи с человеком, миром и культурой подчёркивает необходимость рассматривать переводческий процесс с учётом его многогранности и междисциплинарности. Такой подход даёт возможность расширять сферу переводческих исследований с опорой на достижение таких

¹ Хухуни Г. Т., Нелюбин Л. Л. История науки о языке: учебник. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2022. 376 с.

дисциплин, как языкознание, лингвокультурология, психолингвистика, онтолингвистика и др.

Преследуя цель изучения онтолингвистической составляющей для достижения адекватности перевода, целесообразно провести анализ маркеров детского речевого дискурса. Сравнительно-сопоставительный и аналитико-описательный анализ примеров применяемых переводческих трансформаций позволят более полно выделить переводческий инструментарий, адекватный для условий детского дискурса.

О месте онтолингвистики в системе других наук размышляют специалисты различных областей знаний: языковеды, логопеды, физиологи, психологи, педагоги. Круг исследовательских вопросов постоянно расширяется: объектом исследования становится речь не только детей-монолингвов, но и билингвов, полилингвов, изучается речевой онтогенез в условиях атипичного развития, за последние 30 лет возрастные границы детей выросли от 6-летнего возраста до подросткового и юношеского возрастов [3, с. 211]. Проблемным вопросам детской речи посвящено большое количество работ таких авторов, как С. Н. Цейтлин, А. Н. Гвоздев, К. В. Солнцева (в работах по лингвистике), Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Е. В. Шереметьева (в работах по психологии) и мн. др. В своей монографии «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» А. А. Леонтьев указывает на недостаточную изученность детской речи средствами психологии, лингвистики и дидактики языка, что особенно относится к речевым инновациям [4, с. 25]. Вопросам перевода детской экспрессивной и импрессивной речи уделяется особое внимание в работах С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, Е. В. Петровской, О. И. Уланович. В работах анализируется перевод детской речи с позиции лингвостилистики и прагматики, описываются речевые маркеры детской речи, такие как диминутивы [6], а также синтактико-семантические особенности детской речи [7; 10]. Все эти работы стали логичным развитием фундаментальных трудов в области переводоведения А. В. Федорова, В. Н. Комиссарова, Л. Л. Нелюбина и др.

Возможность рассматривать переводоведение на междисциплинарном уровне позволяет применять различные подходы для достижения переводческой адекватности, опираясь на такие понятия, как «лингвокультура», «картина мира», «импрес-

сивная» и «экспрессивная речь», «онтолингвистическая трансформация» в переводе.

ОНТОЛИНГВИСТИКА И ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ

В современных трудах по логопедии принята следующая классификация детской речи:

- 1) импрессивная (обращённая к ребёнку) речь;
- 2) экспрессивная (собственно речевой продукт, порождённый ребёнком) речь [8, с. 7–10].

В процессе восприятия импрессивной речи происходит выделение и узнавание знаков языка, опознавание структурных компонентов речи. Анализ и синтез звуков позволяет понимать семантику слова на основе его фонематических характеристик [9].

Согласно Н. С. Жуковой психологическая структура импрессивной речи ребёнка представлена шестью уровнями сформированности. I – прислушивается к голосу взрослого, адекватно реагирует на интонацию, узнаёт знакомые голоса (3–6 месяцев). II – понимает некоторые инструкции и адекватно реагирует на вербальный императив («поцелуй маму», «где папа?», «дай ручку», «нельзя» и т. д. (6–10 месяцев)). III – понимает название отдельных предметов (10–12 месяцев), узнаёт их изображения (12–14 месяцев), узнаёт их на сюжетных картинках (15–18 месяцев). IV – понимает обозначение действий в различных ситуациях («покажи, кто сидит, кто спит»), двухступенчатую инструкцию («пойди в кухню и принеси чашку»), значение предлогов в привычной конкретной ситуации («на чём ты сидишь?»). Ребёнку достаточно установление причинно-следственных связей (2 года 6 месяцев). V – понимает прочитанные короткие рассказы и сказки (2 года 6 месяцев – 3 года). VI – понимает сложноподчинённые предложения, значения предлогов вне конкретной, привычной ситуации (к 4 годам) [2, с. 121–129].

В условиях русской и английской лингвокультуры импрессивная речь реализуется в ежедневном бытовом общении с ребёнком, а также в чтении детских книг, пении колыбельных песен, пестушек, средствами аудиовизуальной продукции (мультфильмы).

Экспрессивная речь формируется на стадии довербального общения, начиная от вокализаций в виде коротких или певучих звуков для выражения состояния ребёнка с постепенным переходом к произношению отдельных задненёбных и гласных звуков, воспринимаемых в английской лингвокультуре как *Goo-goo-ga-ga*, а в русской – «агу», «гу-гу». Н. М. Щелованов и Н. М. Аксарина, Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова, М. Ю. Кистяковская классифицируют такие предречевые звуки как элементы «комплекса оживления», представляющего собой форму социального поведения ребёнка [8]. Учитывая, что до появления собственной речи дети уже понимают до 100 слов, для развития их речи производители предлагают не только книжки, но и мультфильмы с возрастным ограничением 0+: «Паровозик из Ромашкова» (1967), «Малышарики» (2015– н. в.), «Грузовичок Лёва» (2014– н. в.), *Росохо* (2005– н. в.), *Peppa Pig* (2004–2021), *Ben & Holly's Little Kingdom* (2009– н. в.), – где основной речевой массив составляет импрессивная речь, адаптированная именно для детей возраста 3–5 лет.

Детская речь насыщена целым рядом инноваций и окказионализмов, основанных на соединении знакомой им корневой и аффиксальной морфемы [1]. На раннем этапе овладения речью детский окказионализм несёт случайный характер, часто воспринимаемый как «односторонний юмор», когда продукт речетворчества вызывает улыбку именно у взрослого носителя языка, а для ребёнка это вполне обычное слово. К 9 годам у ребёнка формируется своя внутренняя логика высказывания с индивидуальными референциальными отношениями детерминизмов (например: «От укуса кукусятся, от горчицы огорчаются, а от сдобы добреют»²). Приведём пример на основе личных наблюдений за речевым поведением восьмилетнего ребёнка: «Я просто не могу есть этот фильм без колбасы» (когда во время просмотра взволнованному ребёнку надо что-то пожевать). В дальнейшем случайные окказионализмы постепенно могут перерасти в авторские, создаваемые в определённых стилистических и прагматических целях [1, с. 41–42].

Для более пристального изучения перевода детской речи мы предлагаем использовать понятие «онтолингвистическая трансформация», понимаемая нами как «возрастная социокультурная языковая адаптация сообщения для получателя

²От укуса кукусятся. Алиса в стране Чудес [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/eREC6nbLaY0?si=eQzTU8_yMUC9cjfz (дата обращения: 10.05.2024).

переводимого текста». В процессе перевода она может быть реализована следующим образом:

1. В качестве восходящей онтолингвистической трансформации, когда детская речь перекодируется в нормативную взрослую формулировку, что особенно важно в таких ситуациях общения, как при общении с врачом во время сбора анамнеза, при общении с воспитателем в детском саду, беседе с представителями социальных служб или органов правопорядка, а также с любым причастным взрослым лицом, например: *more suDar*³ – «можно мне ещё сахар?» (ближе к оригиналу следовало бы добавить фонетическое искажение: «иСё сахаЛ»). Это самый частый переводческий приём, когда приходится иметь дело с «непереводимостью», например, в ситуации с игрой слов или перевода разного рода сокращений. Так, в мультсериале «Гравити Фолз» / *Gravity Falls* (2012–2013) персонажа, которого дети называют *Gruncle (от Great Ucle) Stan*, на русский язык переводят как «Дядя Стен» или, используя диминутив, «Дядюшка Стен». Однако здесь есть особенность: данное оригинальное сокращение передаёт образ персонажа, для которого характерны скупость и экономия во всём, включая время. В русском варианте экономия языковых средств не отражена, хотя именно с целью более полной передачи образа персонажа можно было бы прибегнуть к созданию детского неологизма, например «Деда Стен», где была бы выражена контаминация слов «деда + дядя», либо для большей выразительности сделать форму «ДедоДядь» (от «деда + дядя»), либо «Дедва Стен» (от «дедушка + двоюродный»). Варианты также могут позволить более ярко выделить детские маркеры на фоне сформированной взрослой речи.

2. Нисходящая онтолингвистическая трансформация предполагает перекодировку взрослой нормативной речи на детский язык, максимально доступный для понимания ребёнком. Использование данной трансформации важно для осуществления перевода в ситуации, требующей настроить на коммуникативную волну ребёнка и с целью определённого прагматического воздействия, например, чтобы успокоить его или мотивировать что-то сделать (возможен сценарий проведения медицинских манипуляций: «Перестань плакать и открой рот!») – здесь для достижения прагматических целей результативнее обратиться к более знакомым ребёнку понятиям

³Alcott L. M. *Good Wives*. New York: Thomas Nelson and Sons Ltd, 1930. P. 215.

с соответствующими речевыми формулировками, возможно, даже с добавлением звукоподражаний, повторов и использованием более выраженной интонации, например: *Look! A plane! EEEEEERRRRNNNNHHHHH / vroom-vroom-vroom! zoom-zoom-zoom! Open wide!!!*; или при необходимости убедить ребёнка отдать опасный предмет: «отдай мне этот опасный острый предмет» – *gimmy gimmy sharp thingy*). В подобных ситуациях переводчику приходится расширять свою роль до медиатора общения, а иногда и принять на себя роль няни в выборе средств достижения цели.

3. Прямолинейная онтолингвистическая трансформация реализуется, когда высказывание в одной лингвокультуре передаётся средствами языка перевода с использованием речевых особенностей детей того же возраста, что и ребёнок, чья речь подвергается переводу. Такого рода трансформация является самой сложной для переводчика, однако на основании более 3000 проанализированных примеров перевода детской речи, используемой в художественном жанре, следует отметить стремление переводчика сохранить речевые возрастные характеристики, прибегая к разного рода компенсациям в виде необходимых опущений, введению новых окказионализмов, синтаксических, грамматических и фонетических искажений. Тем не менее следует отметить, что онтогенез языка и речи в различных лингвокультурах не представляет собой однородное явление и от некоторых языковых элементов переводчики отказываются намеренно в педагогических целях, например, в ситуации перевода мультфильма (импрессивная речь): некоторые окказионализмы, терминологические лексемы, аббревиатуры и иноязычные включения могут опускаться в пользу сосредоточения на сюжетной повествовательной линии произведения [5, с. 165]. Онтолингвистическая составляющая может быть реализована как в моно-, так и в поликультурном пространстве.

ОНТОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВНУТРИКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Многим переводчикам в своей профессиональной деятельности приходится сталкиваться с переводом детской речи. В условиях естественной языковой среды им, возможно, придётся столкнуться с различными сценариями переводческой де-

тельности. Например, с ситуацией, в которой приходится совершать перекодирование сообщения в рамках одной лингвокультуры (например, когда необходимо детское высказывание перевести взрослому человеку, незнакомому с особенностями экспрессивной речи ребёнка: «Молись и Кайся» – «Малыш и Карлсон»). Ярким примером такого рода перекодирования может послужить ситуация из фильма *Rain Man* / «Человек дождя», в котором главный герой, будучи взрослым человеком, вспоминает своего заботливого старшего брата, которого звали *Reynold* / Рейнольд, но ребёнком он трансформировал его имя в *Rain Man*. Данный приём онтолингвистического декодирования можно рассматривать как приём нисходящей онтолингвистической трансформации (направление от взрослой к детской форме раннего дошкольного периода (примерно от 1 года до 4–5 лет)) и восходящей онтолингвистической трансформации (обратный процесс: преобразование из взрослой языковой формы в детскую). В художественном дискурсе сцена перекодирования антропонима является частым примером: этот процесс может происходить в целях выражения собственного отношения к переименованному объекту, известный как прозвища, *nick-name*, *name-calling*: в мультфильме *Corduroy Bear* (2000) девочка *Lisa* дразнит своего друга *Moppy* (*Lisa: What a sloppy sandwich! A Sloppy Toppy sandwich! Sloppy Toppy!*⁴), что может рассматриваться как нисходящая онтолингвистическая внутриязыковая трансформация. В русском варианте *Sloppy Toppy* перевод осуществлён путём функциональной замены «Неряшливый бутерброд», и затем начинается дразнилка «Неряха!»⁵, при этом опущен диминутив в языке перевода, что не передаёт игривости дразнилки, и вариант перевода несёт в себе больше маркеров взрослой речи.

Существуют также сценарии, при которых с целью сглаживания конфликтных ситуаций взрослые собеседники часто обращаются к детскому дискурсу: «Я злой и жадный Серый Волк!» может выражать «мягкий» отказ при ответе на просьбу, заменяя отрицание «нет». Следует отметить, что переход на «детскую» речь часто используется в любовном дискурсе: *What's wrong with my baby?*, «Что случилось, мой котёночек?». Как одну из общих черт любовного и детского дискурса можно

⁴Corduroy Bear (2000) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/oqWJBHerHQI?si=gZTU2pugKU-3Nptd> (дата обращения: 10.05.2024).

⁵Медвежонок Вильветик [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/Dlo5TuUGzI4?si=eFa7XdvdbWJ-mLwb> (дата обращения: 10.05.2024).

выделить и тета-ритм, присущий как романтическим песням о любви, так и колыбельным песням, выражающим любовь и заботу в отношении адресата песни. Эту особенность могут подтвердить примеры песни композитора Р. Паулса «Миллион алых роз» (1982), которая ранее была написана как детская латышская песня под названием *Dāvāja Māriņa meitenei mūžiņū* / «Подарила девочке жизнь»⁶, а также любовной французской песни В. А. Моцарта *Ah vous dirai-je, Maman*⁷ / «Я вам, маменька, скажу», впоследствии ставшей основой песен *Twinkle twinkle, little star* и *Baa, Baa, Black Sheep*. Диада концептов «детство – взрослость / зрелость» имеет важное стилистическое значение в художественном дискурсе и часто обыгрывается в литературных и кинематографических произведениях: «Сказка о потерянном времени» Е. Шварца (1940, 1964, 1978 гг.), «Чумовая Пятница» / *Freaky Friday* (2003), «Босс-молокосос» / *The Boss Baby* (2017). Речекоммуникативные особенности персонажей такого рода произведений влекут за собой сложность в принятии переводческих решений.

В своей профессиональной деятельности, а часто в работе с художественным текстом, переводчик вынужден осуществлять перевод детской речи, оперируя инструментарием детских речевых особенностей. Часто сохранение детских речевых искажений в тексте перевода несёт окказиональный неравномерный характер, что может создавать впечатление, словно ребёнок внезапно вырос, после снова вернулся в детство. Порой переводчик прибегает к «взрослой, нормативной импрессионной (доступной для детского восприятия)» словоформе, используемой в обращённой к ребёнку речи (применяя восходящую межъязыковую онтолингвистическую трансформацию). Например: *Me me go!* – «Отпустите!»; *Drink! Drink!* – «Дайте попить!». Такие переводческие формулировки достигают прагматических целей, однако в случае перевода художественного текста, кинотекста или в любой иной ситуации фикциональной коммуникации такая языковая трансформация может привести к некоторым коммуникативным потерям при восприятии переводимого художественного произведения. В детском дискурсе всегда есть место словотворчеству, и иногда оно несёт за собой негативные стилистически сниженные коннотации.

⁶Aija Kukule – *Dāvāja Māriņa* [сайт]. URL. <https://youtu.be/NiNtRoHu3VQ?si=EIXrEjPq5U2VU0IX> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷Sabine Devieille performs Mozart: “Ah! vous dirai-je, maman” [сайт]. URL. <https://youtu.be/noeedoiULWs?si=w8YBbYg21YsFIGmD> (дата обращения: 10.05.2024).

Для переводчика важно определиться, насколько он может пересекать границы нормы, уходя в грубую лексику. В условиях англоязычной лингвокультуры большую популярность имеют так называемый юмор тела и его разновидность – «туалетный» юмор. В русскоязычной лингвокультуре в детских фильмах, даже если возрастное ограничение стоит 12+, а не 0+, есть традиционная тенденция к эвфиминизации высказывания. Например, в мультфильме *Treasure Planet* / «Планета сокровищ» персонаж проявляет возмущение, издавая звуки, характерные для метеоризма, от чего адресат этого сообщения опешил, не зная, как реагировать на такое проявление возмущения. В это время его спутник решает помочь в улаживании спора: *Doctor Doppler: I'm fluent in «flatula»*⁸, – уверяя, что знает, что это за язык и как, используя его, разрешать конфликтные ситуации. Здесь название фикционального языка выражено лексемой *flatula*, что очень близко к слову *flatulence* / метеоризм. В русских переводах представлены два варианта: Доктор Доплер: 1) «Я свободно владею «флатулой», Джим»; 2) «Я в совершенстве знаю пуканский, Джим». Если перевести данную лексему как *говорю на «метеорическом»*, сохраняя корневую основу слова «метеоризм», может быть утерян комический эффект, т. к. юный зритель окажется просто незнаком с используемым термином или может связать его со словом совершенно другой семантики – «метеорит». Вариант «пуканский» очень удачный, но может быть рассчитан на слишком маленьких детей, т. к. в этом слове не хватает неодобряемой грубости. Более того, такое название языка в данной сцене вызывает недоумение со стороны собеседника-подростка, чего с предложенным вариантом может и не случиться. Здесь возможно рассмотреть вариант «газовый» (от ироничной формы «газовая атака») либо более прямой вариант фонетически ближе к оригиналу: *я свободно владею «вонищенским»* (от слова сниженного стиля «вонница»), – что, более вероятно, вызовет крайнее удивление собеседника-подростка. Здесь важно не переусердствовать с грубым вариантом, поскольку он контекстуально не оправдан: персонаж ведёт себя нелепо, но не грубо. Подбор соответствующей лексемы, как и грамматической формы, во многом будет успешен при должном внимании к речевому дискурсу, соответствующему возрасту.

⁸Treasure Planet Flatula [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/qeNlxe3PQnI?si=ygCNBP25ArWkPZ07> (дата обращения: 10.05.2024).

Результаты данного исследования демонстрируют потенциал применяемого онтолингвистического подхода в переводческой антропоцентрической парадигме, что обеспечивает более полную передачу образа персонажа-ребёнка в тексте перевода, позволяет более точно и полно выразить все оттенки детской речи в языке перевода.

Работа может оказать теоретически значимую в аспекте расширения исследовательских возможностей междисциплинарных связей переводоведения и онтолингвистики, объектом которых выступит перевод детской экспрессивной и импрессивной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование междисциплинарного подхода при проведении аналитико-описательного и сопоставительного анализа примеров текста детской импрессивной и экспрессивной речи позволяет расширить представление о явлениях в переводоведении, выделяя различные виды переводческих трансформаций. На макроуровне трансформация делится на следующие виды: онтолингвистическая внутрикультурная трансформация и онтолингвистическая межкультурная трансформация. На мезоуровне выделяются восходящая (в направлении от детской речи к взрослой), нисходящая (от взрослой речи к детской) и прямолинейная (передающая возрастные маркеры адекватно возрасту говорящего в тексте оригинала) онтолингвистическая трансформация. Такая классификация может внести некоторый вклад в теорию перевода, а также предоставить практикующим переводчикам инструментарий для проведения более системного переводческого анализа, способствующего более результативному поиску переводческих решений.

Следует заключить, что онтолингвистическая составляющая в импрессивной и экспрессивной речи может возникать не только в детском дискурсе, но и во взрослых жанрах с целью придания стилистически более яркого колорита сюжетному полотну. Способность выявления маркеров детской речи и подбора соответствующего эквивалента средствами языка перевода позволит как более полно погрузиться в атмосферу художественного фикционального дискурса, так и решать важные коммуникативные вопросы в условиях реальных ситуаций. Методология исследования, сформированная на основе соприкосновения переводоведения и онтолингвистики, убе-

дительно обосновывает междисциплинарный характер предлагаемой статьи. Дальнейшие исследования онтолингвистического элемента в переводоведении позволят дать более полное и системное описание переводческих проблем и решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн А. М. Принципы и методика лингвистического описания детской речи // *Детская речь и пути её совершенствования* / под ред. Н. Е. Богуславской. Свердловск: Уральский государственный педагогический университет, 1989. С. 41–48.
2. Жукова Н. М., Мاستюкова Е. М., Филочева Т. Б. Логопедия. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников. Екатеринбург: АРД ЛТД, 1998. 320 с.
3. Круглякова Т. А., Еливанова М. А. Конференция «Проблемы онтолингвистики – 2018» // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2018. №189. С. 210–218.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: ЛЕНАНД, 2023. 312 с.
5. Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Перевод экономического термина в детском англоязычном анимационном фильме как отражение формирования экономического мышления // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2019. №2. С. 159–166.
6. Уланович О. И. Диминутивы в переводе киноречи персонажей в детском анимационном кино // *Филология и человек*. 2022. №3. С. 62–76.
7. Шахнарович А. М. *Детская речь в зеркале психолингвистики: Лексика. Семантика. Грамматика*. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 165 с.
8. Шереметьева Е. В. От рождения до первой фразы: тернистый путь к общению. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2019. 282 с.
9. Цейтлин С. Н. *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. М.: Владос, 2017. 240 с.
10. Suppes P. *Syntax and Semantics of Children's Language* // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2006. Vol. 280. Iss. 1. P. 227–237.

ARTICLE INFORMATION

Author

Valentina S. Lukyanova

- e-mail: vlukyan0203@yandex.ru;
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English language;
Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch
ul. Novosportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian
Federation

For citation

Lukyanova V. S. Ontolinguistic component in translation studies. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To consider the place of the ontolinguistic component in the system of modern translation studies.

Methodology. A typological analysis of markers of children's speech discourse is carried out, a comparative analysis of practical material is conducted.

Results. Based on an interdisciplinary approach combining the achievements of ontolinguistics and translation studies, the features of translation solutions are described, the term "ontolinguistic transformation" is proposed in order to describe translation tools aimed at improving the adequacy of translation, as well as solving stylistic and pragmatic tasks. The possibilities of using various types of translational ontolinguistic transformation in the translation of children's impressive and expressive speech are described.

Research implications. The applied interdisciplinary approach to the research has made it possible to expand the data of translation studies on the allocation and translation of the ontolinguistic component in speech. The proposed analysis of ontolinguistic transformations may be of certain practical importance for the translator.

Keywords

translation studies, ontolinguistics, impressive speech, expressive speech, ontolinguistic transformation

References

1. Vainshtein A. M. [Principles and methods of linguistic description of children's speech]. In: Boguslavskaya N. E., ed. *Detskaya rech' i puti ee sovershenstvovaniya* [Children's speech and ways to improve it]. Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 1989, pp. 41–48.
2. Zhukova N. M., Mastjukova E. M., Filicheva T. B. *Logopediya. Preodolenie obshchego nedorazvitiya rechi u doshkol'nikov* [Speech therapy. Overcoming general speech underdevelopment in preschoolers]. Ekaterinburg, ARD LTD Publ., 1998. 320 p.
3. Kruglyakova T. A., Elivanova M. A. [Conference "Problems of Ontolinguistics – 2018"]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences], 2018, no. 189, pp. 210–218.
4. Leontyev A. A. *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterances]. Moscow, LENAND Publ., 2023. 312 p.
5. Lukyanova V. S., Koloskova O. A. [The issues of economic terms translation within animated movies for children as a reflection of economic mindset formation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 159–166.
6. Ulanovich O. I. [Diminutives in the translation of film speech of characters in children's animated films]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2022, no. 3, pp. 62–76.
7. Shakhnarovich A. M. *Detskaya rech' v zerkale psikholingvistiki: Leksiка. Semantika. Grammatika* [Children's speech in the mirror of psycholinguistics: Vocabulary. Semantics. Grammar]. Moscow, Institut yazikoznaniya RAN Publ., 1999. 165 p.
8. Sheremetyeva E. V. *Ot rozhdeniya do pervoi frazy: ternisty put' k obshcheniyu* [From birth to the first phrase: the thorny path to communication]. Chelyabinsk, Izdatelstvo Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta Publ., 2019. 282 p.
9. Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi* [Language and the Child: Linguistics of Child Speech]. Moscow, Vldos Publ., 2017. 240 p.
10. Suppes P. Syntax and Semantics of Children's Language. In: *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2006, vol. 280, iss. 1, pp. 227–237.

УДК 81.27

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МЕТАФОРИЗАЦИИ «ЗАКАТА ЕВРОПЫ»

Плаксин Владимир Аркадьевич

- e-mail: vladimirlaxin@rambler.ru;
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры философии,
истории и права;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Краснодарский филиал
350051, г. Краснодар, ул. Шоссе Нефтяников, д. 32,
Российская Федерация

Для цитирования

Плаксин В. А. Лексико-семантические средства метафоризации «Заката Европы» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 25.06.2024
- Статья размещена на сайте 15.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Цель, структура работы и метод О. Шпенглера](#)

[Метафоризация общественного устройства](#)

[Культура и цивилизация](#)

[Образ круговорота истории](#)

[Конец демократии](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение знакового произведения XX столетия «Закат Европы» О. Шпенглера, общепризнанно значимого этапа в эволюции зарубежной и отечественной философии и культурологии, лексико-семантические характеристики которого, на наш взгляд, всё ещё не нашли должного отражения в современной лингвистике.

Процедура и методы. В ходе рассмотрения особенностей лексико-семантических средств метафоризации в работе О. Шпенглера «Закат Европы» был использован междисциплинарный подход, предусматривающий возможность применения совокупности методов и исследовательских приёмов для анализа текстов с насыщенным политологическим содержанием, таких как контекстуальный и сопоставительный переводческий анализ, а также компонентный анализ, опирающийся на словарные дефиниции.

Результаты. В результате проведённого исследования автор заключает, что в своём произведении О. Шпенглер, используя самый разнообразный набор ярких метафор (в том числе политически окрашенных), пытался образно доказать неизбежность циклического отмирания буквально всех исторических видов и форм религий, общественного политического устройства и связанных с ними культуры, искусства, науки и хозяйствования, возникающих, проживающих свой век и умирающих во всей совокупности своих проявлений.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты научного исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теории языковой картины мира (особенно её метафорической составляющей) на примере языковой личности выдающегося немецкого философа и мыслителя, идеи и размышления которого имеют особое звучание в современном мире и формируют образное и символическое мышление, в значительной степени утраченное современным человеком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

язык, речь, политическая метафора, языковая картина мира, идеологемы, фигуры речи, лингвокультурология

ВВЕДЕНИЕ

Очевидным является тот факт, что знаковое произведение XX в. О. Шпенглера «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», в более точном переводе – «Закат западного мира») о периодичности истории стало, по сути, пророческой и самой громкой интеллектуальной сенсацией своего времени (первый том вышел из печати после окончания Первой мировой войны в 1918 г., а второй – в 1922 г.). Главная идея произведения стала, в большой степени, осуществившимся предвидением через несколько десятилетий и явилась своеобразной вехой в развитии зарубежной и отечественной философии и культурологии.

Однако, на наш взгляд, её лингвостилистические характеристики и особенности, в частности, специфика политической метафоризации, всё ещё не нашли должного отражения в современном языкознании, что и обусловило цель нашей работы: выявить с помощью совокупности современных методов анализа текстов с насыщенным политологическим содержанием особенности образного отражения действительности как олицетворения исторического процесса, а также зафиксировать набор соответствующих авторских средств живописания «Заката Европы» в одноимённом произведении О. Шпенглера.

ЦЕЛЬ, СТРУКТУРА РАБОТЫ И МЕТОД О. ШПЕНГЛЕРА

В неоспоримо смыслоёмком и информативном наборе тем обоих томов рассматриваемого произведения, вышедших соответственно под названиями «Очерк и действительность» и «Всемирно-исторические перспективы», на обширном материале автор анализирует влияние общественной мысли на формирование образа-идеи, который воплощается в культуре. «Закат Европы» как неизбежный феномен проживаемого человечеством этапа рассматривается О. Шпенглером через призму его исторической перспективы, без обращения при этом к общепринятому академическими историками шаблону «Древний мир – Средние века – Новое время».

Сам автор во введении к своей работе так определяет её цель: «В этой книге будет сделана попытка определить историческое будущее. Задача заключается в том, чтобы проследить дальнейшие судьбы той культуры, которая сейчас является единственной на земле и проходит период завершения, имен-

но культуры Западной Европы, во всех её ещё не законченных стадиях...»¹.

Русско-немецкий философ Ф. А. Степун в своей статье в известном коллективном произведении «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в котором также размещены статьи об О. Шпенглере таких известных авторов, как Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, С. Л. Франк, примечательно утверждает, что в основе языковых средств автора «... не лежит аппарат понятий, а в основе его лежит организм слов. Понятие – мёртвый кристалл мысли, словно её живой цветок. Понятие всегда одномысленно, самоотжественно и раз и навсегда определено в своей логической ёмкости. Слово всегда многомысленно, неуловимо, всегда заново нагружено новым содержанием» [9].

Е. Чернышов считает, что основной метод, которым интенсивно пользуется немецкий философ, – это аналогия и сравнение [11]. К примеру, постоянно проводя аналогии истории и природы, автор пишет: «Природа и история – вот два крайних, противоположных способа приводить действительность в систему картины мира»². Мы бы к этому добавили и обширный арсенал метафоризации, который, безусловно, служит О. Шпенглеру дополнительным средством отражения окружающего мира под особым авторским углом зрения, подспудно сравнивая незнакомые явления с уже познанными.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Сопоставления служат человеку в процессе познания, а также при описании окружающего мира во всей совокупности положительных и отрицательных качеств – так считал Аристотель [1]. Н. Д. Арутюнова предложила рассматривать метафору как фигуру речи, её украшающую [2]. Общеизвестно, что в основе любой метафоризации – перенос набора качеств одного номинанта на другой. При этом последний в тропе только подразумевается. В. Г. Гак этот процесс называет скрытым сравнением – в нём отсутствует объект, с которым сравнивается его метафорическое отражение [4]. В целом современная когнитивистика представляет метафору в качестве одного из

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 3.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 145.

основных средств познания, оценки, объяснения и структурирования окружающего нас мира [12], а взаимодействие в культурном дискурсе различных метафорических моделей, безусловно, обогащает язык [3].

Безусловно, в безбрежном океане метафорического пространства любого языка особое место принадлежит *метафоре политической* как особому инструменту осознания и оценки политических процессов, их влияния на общественное мирознание [12], а также сопутствующему ему политическому дискурсу, риторическая составляющая и образность которого, по авторитетному мнению М. Эдельмана, дают возможность политике «пробуждать скрытые тенденции и импульсы в общественных массах» [13, р. 67].

Основным механизмом метафоризации при описании процессов общественной жизни О. Шпенглера в его монументальном труде «Закат Европы» является, на наш взгляд, развёрнутое *олицетворение общества* (на разных этапах его становления), его культуры, политических сил, участвующих в непрерывном общественном развитии, т. е. своего рода экстраполяция биологической жизни на исторический процесс вплоть до отождествления гётевской «живой природы» с «миром-как-историей»³.

О. Шпенглер сотворил свой собственный мир, в котором «...живые культуры умирают». Именно этими словами открывается «Закат Европы» в переводе К. А. Свасьяна⁴. По мнению Шпенглера, мировую историю справедливо анализировать исключительно как совокупность независимых друг от друга культур, живущих своей собственной жизнью. Здесь автор идёт ещё дальше в метафоризации высказанной сентенции: образ организма он транспонирует на исторический процесс, сравнивая его с жизненным циклом орхидеи или бабочки. В языковой картине О. Шпенглера организмом-метафорой представляется буквально весь окружающий мир: политика и культура, язык и религия. Он трактует историю мировой цивилизации не как единый процесс (его целокупность), а как совокупность ничем не связанных между собой самостоятельных культур, которые, подобно любому живому организму, рождаются, взрослеют, дряхлеют и умирают. «С какого-то момента не можешь

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 93.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст., прим. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.

уже отделаться от впечатления, ... что присутствуешь в гигантском склепе-паноптикуме или театре марионеток с фигурами, разыгрывающими историю не по собственной воле, которой у них априори не должно быть, а по воле самого режиссера-импровизатора...»⁵.

При этом О. Шпенглер рассматривает собственную классификацию восьми базовых исторических культур, в том числе как особую культуру – фаустовскую, символом которой и является Фауст и которая прошла несколько стадий развития: романтику, готику, ренессанс, барокко, рококо, умерев в цивилизации XIX в. Девятой культурой О. Шпенглер номинирует пробуждающуюся русско-сибирскую цивилизацию [7, с. 403].

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как было сказано выше, О. Шпенглер рассматривает все общественные институты через призму метафорического образа живого организма. Поэтому, согласно его представлениям «...культуры суть организмы. История культуры – их биография. Данная нам, как некоторое историческое явление в образе памяти, история китайской или античной культуры морфологически представляет собой полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка»⁶.

В своём произведении автор системно анализирует базовые принципы взаимодействия культуры и цивилизации, основные принципы соотношения культуры и цивилизации, что можно считать его идейным базисом: культура – основное содержание истории. Метафорически очеловеченная О. Шпенглером культура также проходит все стадии человеческого бытия: детство, юность, зрелость, старость. При этом культура представляется человеческой индивидуальностью высочайшего уровня, каждой из них присущи такие важнейшие характеристики, как собственное мировоззрение и цивилизация.

Важнейшим, если не ключевым положением в этой части концепции О. Шпенглера становится противопоставление цивилизации и культуры. Т. Ю. Сидорина считает, что для О. Шпенглера «...культура – это отличающее эпоху и, более того, создающее её как целостность определённое внутреннее единство

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 93.

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 3.

форм мышления и творчества, некая единая стилистика, запечатлённая в формах экономической, политической, духовной, религиозной, практической, художественной жизни» [6, с. 47]. При этом автор признаёт только два основных этапа развития культурно-исторических формирований: культуру (восхождение) и цивилизацию (нисхождение)⁷. Прибегая в очередной раз к своему основному метафорическому приёму «оживления», О. Шпенглер очень образно утверждает – всякой культуре присуща собственная душа, создающая изначально свой язык и на его основе – религию, науку, искусство и в конечном итоге как таковое государство. На определённом этапе «душа внезапно коченеет», что и ведёт к декадансу и смерти культуры. Юные культуры расцветают, как цветы в поле, а старые становятся «гигантскими высохшими деревьями, которые топорчат свои гнилые сучья в девственном лесу»⁸. Здесь, однако, хотелось бы упомянуть и другую точку зрения на существование некой «особой западной культуры», высказанную Т. Н. Панфиловой, которая для признания единой западноевропейской культуры требует наличия чёткой системы культурных констант, характерных для неё на всём её протяжении, чего в действительности нет [5, с. 67].

Считается, что важнейшим инструментом геополитики является её культурная составляющая [10; 14]. О. Шпенглер же считал, что современное ему поколение живёт в заключительном этапе очередной культурной эпохи. Обращаясь к историческим примерам, он напоминает о временах процветания и гибели Египта и Древнего Рима. Интересно при этом его утверждение, что период расцвета определённой культуры является признаком империализма, обязательно предшествующего преобразованию культуры в цивилизацию.

Особым метафорическим противопоставлением пронизаны также рассуждения О. Шпенглера о «космическом и микрокосме»⁹. Автор считает, что в космическом непременно присутствует элемент периодичности, т. е. своего рода «такт».

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 163–164.

⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 265.

⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль. 1998. 606 с.

В микрокосме всё полярно, и его сущность выражена словом «Gegen» («против»). Из совокупности микромиров составляет общее целое. Этот такт нами воспринимается как «Fühlen» («чувствование»), а осмысление напряжений – как «Empfinden» («ощущение»). Биполярность понятия «чувствования» упраздняет различия в животной и растительной жизни. Первородная связь между ними заключается лишь в понимании того, что «половая» или «родовая» жизнь – «Geschlechtsleben» существует в оппозиции к другой – «Sinnenleben» (т. е. «жизнь чувственная») ¹⁰.

Подводя итог данному разделу своих рассуждений, автор делает интересные выводы, что все важнейшие исторические явления реализуются существами «космического порядка»: народами, партиями, классами и армиями. А дух есть порождение «вольных кружков», в названиях которых присутствуют различные «-измы». Основным лишь остаётся вопрос о том, сможет ли это множество избрать себе вождя, способного «... абсолютно безошибочно пронизать массовые души, возникающие и распадающиеся в потоке времени...» ¹¹.

В монографии А. Степановой «Закат Европы» и литературный процесс 1920–1930-х гг. Поэтология фаустовской культуры», подробно анализирующей проблемы взаимопроникновения философии и художественной литературы, справедливо отмечено, что «...выбор О. Шпенглером Фауста в качестве духовной доминанты западноевропейской культуры обозначил её *персонифицированный образ* (курсив наш – В. П.) как форму, в которой культура была осмыслена в «Закате Европы»» [8].

Действительно, О. Шпенглер отмечает: «...зримая авансцена всякой истории имеет такое же значение, как и внешний облик отдельного человека – рост, выражение лица, осанка, походка, не язык, а речь, не написанное, а почерк. Всё это воочию предстает знатоку людей. Тело во всех его проявлениях, все ограниченное, ставшее, *преходящее* есть выражение души. Но быть знатоком людей значит при этом знать и те человеческие организмы большого стиля, которые я называю культурами,

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 6–8.

¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 20–22.

понимать их мимику, их язык, их поступки, как понимают мимику, язык, поступки отдельного человека»¹².

ОБРАЗ КРУГОВОРОТА ИСТОРИИ

История человечества, по мнению О. Шпенглера, «...не есть чистое становление; она только картина мира, некоторая излучаемая отдельным индивидуумом картины мира, в котором становление владычествует над ставшим»¹³. При этом он считает, что «...народ формирует историю постольку, поскольку он находится “в хорошей форме” (in Verfassung). Он переживает внутреннюю историю, которая приводит его в то состояние, в котором он только и *делается* творцом, и историю внешнюю, которая *состоит* в творчестве»¹⁴. Кроме того, в его метафорическом восприятии история – это мир, цветущий в образе. Именно так бытие воспринимали Платон, Рембрандт, Гёте. Поэтому для О. Шпенглера научный подход представляется методологической бессмыслицей. Он пишет: «...что провидел Данте духовным оком как мировую историю, он не мог бы осуществить научным путём; точно так же не мог бы осуществить научно и Гёте то, что он видел в минуты создания «Фауста», равным образом и Платон, и Джордано Бруно»¹⁵. Эту особенность его трактовки исторического процесса отмечает и Ф. А. Степун, который считал, что, по О. Шпенглеру, история не терпит ни законов, ни даже причинных рядов. Поэтому всякое природоведение заканчивается научной систематикой, а исторический анализ – «физиономикой» [9], т. е., как мы это понимаем, метафорическим его отражением в нашем сознании. По О. Шпенглеру, «... всякая попытка научно трактовать историю по самой сути дела содержит в себе долю противоречия, поэтому всякое

¹² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 243.

¹³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 147.

¹⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 378.

¹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 147.

прагматическое историческое описание, как бы высоко оно не стояло, есть компромисс» [9, с. 147].

Особенно близки менталитету О. Шпенглера метафоры, связанные с «ландшафтом» и «временами года» применительно к «душам» разных культур. Он часто пишет о духовных, душевных и музыкальных ландшафтах Средиземного моря, долин Евфрата и Нила, давших начало древнейшим цивилизациям и культурам. При этом каждая, явившись на свет, восходит к собственным весне и лету, неизменно приходя к осени и смерти-зиме¹⁶. Такова же и судьба внутренней жизни духа – от жизни к смерти, и, что очень важно, от культуры к цивилизации. В данном же контексте О. Шпенглер широко использует образные метафоры, связанные с космосом. Например, судьбы культур – идентичны, при этом души – кардинально различны: «...каждая культура, как Сатурн кольцом, опоясана своим роковым одиночеством»¹⁷.

Не менее метафорично, комментируя взгляды на эту проблему О. Шпенглера, пишет об историческом круговороте вещей в природе Ф. А. Степун: «Нет бессмертных творений. Последний орган и последняя скрипка будут когда-нибудь расщеплены; чарующий мир наших сонат и наших trio, всего только несколько лет тому назад нами, но и только для нас рождённый, замолкнет и исчезнет. Высочайшие достижения бетховенской мелодики и гармонии покажутся будущим культурам идиотическим карканьем странных инструментов» [9].

Тема круговорота и предопределённости каждой культуры, а следственно, и цивилизации очерчена О. Шпенглером для всех сфер человеческого бытия и творчества, будь то философия, религия, техника, наука, быт или пейзаж, как и общеизвестный вечный метафорический цикл, состоящий из фаз весны, лета, осени и, неизбежно, зимы.

КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ

Прогнозируя закат западного мироустройства, стремящегося лишь продемонстрировать видимость народовластия, О. Шпенглер утверждает, что в действительности «...центр тяжести

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 42.

¹⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 141–228.

большой политики перераспределяется на частные круги и волю отдельных личностей» и неизбежно приводит к утрате её значимости и ценности, потому как «...ценностью обладает лишь то, что в состоянии оправдаться перед разумом; однако, лишённая величия насквозь символической и именно в силу этого метафизически действенной формы, национальная жизнь утрачивает силу, необходимую для того, чтобы самоутвердиться посреди исторических потоков существования»¹⁸. Неизбежный конец демократии, когда единственным действенным аргументом становится грубая сила, автор воплощает в метафору «стоящего на грани пропасти альпиниста». Комментируя этот образ О. Шпенглера, Е. Чернышов очень точно пишет, что сегодняшняя логика вещей и ведущая к ней единственная мораль – это мораль альпиниста, стоящего на крутом гребне – минутная слабость, и всё кончено. Единственным естественным противопоставлением такому состоянию может стать только лишь истинный суверенитет, которому О. Шпенглер придаёт огромное значение, высокопарно объявляя «...суверенность, суверенитет – жизненным символом высшего порядка» [11].

И этот постулат как никогда абсолютно актуален в современной политической жизни.

“Ein Sumpf zieht am Gebirge hin,
Verpestet alles schon Errungne;
Den faulen Pfuhl auch abzuziehn,
Das letzte wär'das Höchsterrungne,
Eröffn'ich Räume vielen Millionen,
Nicht sicher zwar, doch thätig – frei zu wohnen”¹⁹.

Этими строками заканчивается 2-я часть бессмертного произведения И. В. Гёте, что очень созвучно человеческим исканиям в XIX и XX вв., гениально предвиденным великим автором. О. Шпенглер в своём эпохальном труде «Der Untergang des Abendlandes» предвосхищает конец европейской культуры, чему главное свидетельство, по его мнению, – окончательная трансформация в стадию цивилизации, что равносильно её гибели. «Цивилизация – неотвратимая судьба культуры», – так

¹⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем., прим. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 422.

¹⁹ Goethe J. W. Faust, Erster und Zweiter Teil [Электронный ресурс]. URL: <https://www.classica-online.ru/catalog/faust-deutsch-goethe-theil2-5-6/?ysclid=lyyohws9l7486923930> (дата обращения: 12.03.2024).

заканчивает свой анализ философского труда О. Шпенглера Н. А. Бердяев в статье в известном сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» [9].

И. Гёте живописал душу и судьбу западноевропейской культуры. О. Шпенглер в своей книге ярко и метафорически образно провозгласил закат европейской культуры в виде цивилизации, что и есть начало её смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведение О. Шпенглера «Закат Европы», несомненно, оказало мощное воздействие на генезис философской мысли XX и начала XXI столетий, стало высшей точкой отсчёта в синтезированном изучении истории культуры и философских идей, метафорическая образность которого представляет особый интерес для лингвистических исследований.

Используя самый разнообразный набор ярких метафор, автор пытался живописать то, что «...все без исключения великие творения и формы религии, искусства, общества, хозяйства, науки *одновременно* возникают, завершаются и угасают во всей совокупности культур; что внутренняя структура одной полностью соответствует всем другим; что в исторической картине любой из них нет *ни одного* имеющего глубокий физиогномический смысл явления, к которому нельзя было бы подыскать эквивалента во всех других, притом в строго знаменательной форме и на вполне определённом месте»²⁰.

«Закат Европы» О. Шпенглера также, безусловно, имеет особую ценность и значимость в формировании образно-метафорического мышления, в значительной степени не востребованного в лингвистическом арсенале современного человека, потому как О. Шпенглер «...возносит значение символа и образа на высочайший уровень и указывает на их повсеместность. Умение видеть события как символ, знак, образ, концентрирующие в себе эпоху, – один из коронных приёмов немецкого философа» [11].

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2021. С. 271–272.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Риторика. Книга III. М.: Наука, 1978. 229 с.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 7–29.
3. Китайцева Н. А., Щурова И. В. Метафора как способ формирования языковой картины мира в современных центральных и региональных российских Интернет-СМИ (на примере текстов культурной тематики) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. №1. С. 119–135.
4. Метафора в языке и тексте / под ред. В. Н. Телии. М.: Наука, 1988. 174 с.
5. Панфилова Т. В. Универсалии культур как философская проблема // Философия и общество. 2021. №3. С. 55–68.
6. Сидорина Т. Ю. Философия кризиса. М.: ФЛИНТА, 2016. 454 с.
7. Современная западная социология: словарь / сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
8. Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетейя, 2015. 498 с.
9. Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и Закат Европы [Электронный ресурс] // Освальд Шпенглер и Закат Европы / Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. URL: https://aquarius-eso.ru/Shp_Step.pdf (дата обращения: 31.06.2024).
10. Торосян В. Г., Держирученко Р. Н. Геополитическая составляющая культуры в расколоте мире. М.: Директ-Медиа, 2023. 120 с.
11. Чернышёв Е. «Закат Европы»: Освальд Шпенглер зрел в корень [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/114398> (дата обращения: 31.06.2024).
12. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 234 с.
13. Edelman M. Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence. Chicago: Markham, 1971. 188 p.
14. Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity. New York: New York University Press, 2002. 371 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Vladimir A. Plaksin

- e-mail: vladimirlaxin@rambler.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Philosophy,
History and Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar branch
ul. Shosse Neftyanikov 32, Krasnodar 32350051, Russian Federation

For citation

Plaksin V. A. Lexical and semantic means of metaphorizing the “decline of Europe”. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study the landmark work of the 20th century “The Decline of Europe” by Oswald Spengler, which is certainly a kind of milestone in the development of domestic and foreign philosophy and cultural studies, the lexical and semantic characteristics of which, in our opinion, still have not been adequately reflected in modern linguistics.

Methodology. In the course of considering the features of lexical and semantic means of metaphorization in Oswald Spengler’s work “The Decline of Europe”, an interdisciplinary approach was used, providing for the possibility of using a set of methods and research techniques to analyze texts with rich political science content, such as contextual and comparative translation analysis, as well as component analysis based on dictionary definitions.

Results. As the result of the investigation done, the author makes the conclusion that in his work Oswald Spengler, using the most diverse set of vivid metaphors (including politically colored ones), tried to figuratively prove the inevitability of the cyclical extinction of all great creations and forms of religion, social political structure and related culture, art, science and management, which arise, live their age and die in all their manifestations.

Research implications. The results of the scientific research contribute to the further development of the theory of the linguistic worldview (especially

its metaphorical component) on the example of the linguistic personality of the outstanding German philosopher and thinker, whose ideas and reflections have a special sound in the modern world and form figurative and symbolic thinking, largely lost by the modern human.

Keywords

language, speech, political metaphor, linguistic worldview, ideologems, figures of speech, linguoculturology

References

1. Aristotle. *Ritorika. Kniga III* [Rhetoric. Book III]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 229 p.
2. Arutyunova N. D. [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova N. D., comp. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 7–29.
3. Kataytseva N. A., Shchurova I. V. [Metaphor as a way to shape the linguistic world picture in modern central and regional Russian online media (a case study of cultural texts)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika* [Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism], 2022, no. 1, pp. 119–135.
4. Teliya V. N., ed. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 174 p.
5. Panfilova T. V. [Universals of Cultures as a Philosophical Problem]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2021, no. 3, pp. 55–68.
6. Sidorina T. Yu. *Filosofiya krizisa* [Philosophy of Crisis]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 454 p.
7. Davydov Yu. N., ed. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: slovar'* [Modern Western Sociology: Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 432 p.
8. Stepanova A. A. «Zakat Evropy» *Osva'da Shpenglera i literaturnyi protsess 1920–1930-kh gg.: poetologiya faustovskoi kul'tury* [Oswald Spengler's "The Decline of the West" and the Literary Process of the 1920s and 1930s: The Poetology of Faustian Culture]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2015. 498 p.
9. Stepun F. A. [Oswald Spengler and the Decline of Europe]. In: Berdyayev N. A., Bukshpan Ya. M., Stepun F. A., Frank S. L. *Osva'd d Shpenglera i Zakat Evropy* [Oswald Spengler and the Decline of Europe]. Available at: https://aquarius-eso.ru/Shp_Step.pdf (accessed: 31.06.2024).

10. Torosyan V. G., Derzhiruchenko R. N. *Geopoliticheskaya sostavlyayushchaya kul'tury v raskolotom mire* [The Geopolitical Component of Culture in a Divided World]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 120 p.
11. Chernyshev E. ["The Decline of the West": Oswald Spengler saw to the root]. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/114398> (accessed: 31.06.2024).
12. Chudinov A. P., Budaev E. V., Solopova O. A. *Politicheskaya metafirologiya: diskursivnyi povorot* [Political Metaphorology: The Discursive Turn]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 234 p.
13. Edelman M. *Politics as Symbolic Action: Mass Arousal and Quiescence*. Chicago, Markham, 1971. 188 p.
14. Goodrick-Clarke N. *Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism and the Politics of Identity*. New York, New York University Press, 2002. 371 p.

ОБРАЗ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ушакова Ирина Богдановна

- e-mail: irina.ushakova.16@mail.ru;
кандидат филологических наук,
доцент высшей школы лингводидактики
Института лингвистики и межкультурной коммуникации;
Тихоокеанский государственный университет
680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, Российская Федерация

Для цитирования

Ушакова И. Б. Образ Дальнего Востока в представлении российских студентов: результаты ассоциативного эксперимента // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.06.2024
- Статья размещена на сайте 16.10.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Методология исследования](#)

[Внутренний образ Дальнего Востока](#)

[Внешний образ Дальнего Востока](#)

[Сравнение результатов ассоциативного эксперимента по группам «Восток» и «Запад»](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести сравнительный анализ образа Дальнего Востока в обыденном языковом сознании студенческой молодёжи в разных регионах России (внутри региона и в западной части страны).

Процедура и методы. В исследовании была применена методика ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 150 студентов из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока и Хабаровска. В ходе ассоциативного эксперимента были получены и проанализированы 478 реакций на слово-стимул «Дальний Восток».

Результаты. В ходе исследования было выяснено, что ядро ассоциаций респондентов группы «Восток» состоит из ассоциаций общих тем «Природа», «Родина» и «Дом». Ключевые ассоциации респондентов группы «Запад» – ассоциации общих тем «Природа», «Природные ресурсы», а также географические и территориальные ассоциации. Общее количество ассоциаций с нейтральными и положительными коннотациями заметно больше, чем с негативными. Представление о Дальнем Востоке как о крае света не является ключевым в сознании студенческой молодёжи как восточной, так и западной части России, также, впрочем, как и представление о Дальнем Востоке как о перспективном регионе.

Практическая значимость. Исследование может быть использовано в качестве иллюстративного материала в курсах по социолингвистике и психолингвистике. Результаты исследования могут быть применимы также в работе групп, занимающихся разработкой стратегий и тактик развития и продвижения имиджа дальневосточного региона, как в российском, так и в международном контексте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Дальний Восток, ассоциативный эксперимент, образ региона

*Солнце Дальнего Востока
Я в крови своей ношу.
От рожденья, от истока
Здесьним воздухом дышу.
И, хотя не против странствий,
Но собою быть могу
Лишь среди этого пространства,
Лишь на этом берегу.
(Л. Миланич)*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования, представленного в данной статье, продиктована повышением интереса к теме Дальнего Востока (ДВ) в последнее время. Лейтмотив Дальнего Востока всё чаще звучит в современном российском общественно-политическом контексте, поскольку развитие ДВ является составляющей частью общей актуальной российской политической стратегии поворота на восток. Среди острых вопросов, поднимаемых в научных работах, посвящённых ДВ, можно отметить: а) исследовательский интерес к истории наименования «Дальний Восток» и его корреляции с названием «Тихоокеанская Россия» [5; 7]; б) проблематику определения места Дальнего Востока в геополитической структуре России и исторических причин отстранённости ДВ от центральной части России [2; 3]; в) исследования проблем и перспектив экономического развития региона [12] и стратегического значения Дальнего Востока России в свете изменений геополитической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе [14]. В связи с этим важно понимать, каков на данном этапе образ Дальнего Востока в представлении россиян¹.

В понятие «Дальний Восток» может вкладываться разный смысл. В общеконтинентальном масштабе под Дальним Востоком может пониматься обширная территория, включающая Северо-Восточную, Восточную, Юго-Восточную Азию. В российском контексте под Дальним Востоком понимается прежде всего Дальний Восток России / российский Дальний Восток. Именно в этом (последнем) значении мы будем использовать словосочетание «Дальний Восток» в данной работе.

¹ Анализ литературы показал, что в лингвистических исследованиях образ ДВ анализировался преимущественно с точки зрения имиджа Дальнего Востока в англоязычных средствах массовой информации [9; 10].

Одним из стимулов к проведению исследования послужила цитата из интервью с известным российским артистом. Ведущий программы произнёс следующую фразу: «...если на роду написано стать звездой, тут уже без вариантов. Хоть ты находишься в родных Мытищах на танцплощадке, хоть **на краю света на Дальнем Востоке...**»². Возник исследовательский вопрос: насколько силён образ *края света* в представлении россиян о ДВ? В процессе подготовительного этапа исследования определилась цель работы – сравнительный анализ образа Дальнего Востока в представлении российских студентов в разных регионах России (внутри региона и в западной части страны).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из методов выявления образов, лежащих на поверхности сознания, в оперативной памяти индивида, является методика ассоциативного эксперимента (АЭ)³. АЭ активно применяется в лингвистических, психолингвистических и социолингвистических исследованиях. При этом ассоциативный эксперимент имеет ряд разновидностей⁴. Нами были использованы два варианта АЭ:

² Алексей Глызин: «Веселые ребята» – это был театр Карабаса-Барабаса. Слободкин умело нами управлял, это была замечательная школа / ОTR: [сайт]. URL: <https://otr-online.ru/programmy/moya-istoriya/aleksey-glyzin-69019.html> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Стоит отметить, что исследование образов регионов нередко проводится на основе АЭ (см., например, исследование образа Кемеровской области в работах [4; 8]), поскольку ассоциативный эксперимент – это весьма эффективный (хотя и не без недостатков, см. об этом в работе [6]) исследовательский инструмент, позволяющий приблизиться к раскрытию содержания образа, стоящего за тем или иным словом в сознании носителей того или иного языка и культуры.

⁴ Не ставя перед собой задачи в рамках данной публикации сколько-нибудь полно осветить основы теории и практики ассоциативной лингвистики, отметим, что в отечественном языкознании ключевую роль в развитии теоретических и прикладных аспектов ассоциативного подхода, методологии проведения различных видов АЭ, способов описания полученных результатов и их интерпретации сыграла Московская психолингвистическая школа, созданная А. А. Леонтьевым, идеи которого в последующем разрабатывали такие ученые, как Н. В. Уфимцева, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Г. А. Черкасова, А. А. Залевская, И. А. Стернин и мн. др. Их многолетняя и многогранная работа, получившая отражение не только в большом количестве публикаций, но и в целом ряде ценных ассоциативных словарей, в обобщённом виде представлена в большой монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» [11]. Подробнее о методике проведения и интерпретации результатов АЭ см. также, например, [1; 13].

1. «свободный» ассоциативный эксперимент: испытуемым предлагают записать любое слово в ответ на предъявленное слово-стимул;

2. метод субъективных дефиниций: испытуемым предлагают продолжить фразу «Слово-стимул» – это...».

В рамках проведённого эксперимента студентам вузов ДВ и студентам вузов Москвы и Санкт-Петербурга было предложено пройти анкетирование и ответить на следующие вопросы:

1. Постарайтесь быстро, особо не задумываясь, ответить на следующий запрос: *Вы слышите фразу «Дальний Восток». Какими вашими первыми ассоциациями с этой фразой? Запишите первое, что приходит на ум.*

2. Продолжите фразу: *Дальний Восток – это... .*

Анкетирование проводилось в период с марта по апрель 2024 г. Участниками анкетирования стали 150 студентов российских вузов в возрасте от 18 до 27 лет (90% респондентов – в возрасте от 18 до 22 лет). В исследовании приняли участие студенты следующих вузов: ТОГУ, ДВГМУ, ДВГУПС, ДВФУ, МАИ, ПМГМУ, РГГМУ, РГУП, ВШЭ⁵. Анализ материала проводился по направлениям: внутренний образ ДВ (группа «Восток» – ответы студентов ДВ региона: 71 человек) и внешний образ ДВ (группа «Запад» – ответы студентов вузов Москвы и Санкт-Петербурга: 79 человек). Несмотря на то, что опрос проводился среди студентов вузов больших городов, можно говорить о достаточной представленности различных населённых пунктов как Дальнего Востока, так и западного региона России. Помимо ответов на представленные выше вопросы респонденты должны были ответить на вопрос, откуда они родом. Так, группа «Восток» представлена молодыми людьми из разных населённых пунктов Амурской области, Еврейской автономной области, Камчатского края, Приморского края, Сахалинской области, Хабаровского края и Чукотского автономного округа. Группа

⁵ ТОГУ – Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск), ДВГМУ – Дальневосточный государственный медицинский университет (г. Хабаровск), ДВГУПС – Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск), ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток), МАИ – Московский авиационный институт (г. Москва), ПМГМУ – Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (г. Москва), РГГМУ – Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург), РГУП – Российский государственный университет правосудия (г. Москва), ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (г. Санкт-Петербург).

«Запад» включает представителей Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Калининграда, Краснодар, Перми, Воронежской области, Ростовской области, Тульской области, Ярославской области и Алтайского края.

Всего было получено 478 реакций, из них 328 – ассоциации на слово-стимул «Дальний Восток», а 150 – ответы на запрос продолжить фразу «Дальний Восток – это...». Анализ реакций на стимул ДВ включал семантический анализ содержания ответов и количественный подсчёт.

ВНУТРЕННИЙ ОБРАЗ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Следующие темы-ассоциаты были выделены в результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул «Дальний Восток» по ответам студентов дальневосточных вузов (с количеством реакций в каждой теме). Всего 163 реакции.

Ядро образа⁶ (105 реакций):

1. *Море* 16
2. *Природа (+ красивая природа)* 15
3. *Тигр(ы)* 15
4. *Река (реки) / Амур* 13: *река / реки* (4); *река Амур* (9)
5. *Лес / тайга* 12
6. *Города* 10: *Владивосток* (5); *Хабаровск* (5)
7. *Холод* 10: *холод* (7); *холодно* (1); *холодный регион* (1); *чувствую холодную, дождливую погоду* (1)
8. *Дом / мой дом* 8
9. *Родина / моя Родина / мой родной край* 6

Нетрудно заметить, что основа образа Дальнего Востока в сознании участников эксперимента из группы «Восток» позитивна и связана прежде всего с природой региона и личным положительным отношением респондентов к региону как к дому и Родине. Отрицательно окрашенное восприятие Дальнего Востока как холодного региона составляет лишь небольшую часть ядерных реакций респондентов – 9,5% (10 ассоциаций от общего числа 105).

Периферия образа (58 реакций):

1. *Красота* 4
2. *Далеко* 4: *далеко* (2), *далеко от центра России* (1), *далекий часовой пояс* (1)

⁶ В ядро образа входят реакции, встретившиеся не менее 5 раз.

3. *Мост 3*
4. *Природные ресурсы: икра (3), рыба (2), морепродукты (1), креветки (1), ресурс (1)*
5. *Экономика: высокие цены (1), конский ценник (1), низкая зарплата (1)*
6. *Китай 2*
7. *Просторы 2*
8. *Разное (единичные реакции): буряты, благородство, свобода, чистота, культура, семья, друзья, голубое яркое небо, багульник, спокойно, ветер, солнце, комары, медведь, скалы, влажность, зелёный город, солнечный город, набережная, парк, отзывчивые люди, многообразие народов, неудобства, производство, самолётостроение, уголь, БАМ, комсомолы* (= комсомольцы), Япония, китайская кухня, Сибирь, ДВФУ*

Периферия образа Дальнего Востока также в целом положительно окрашена (*красота, чистота, просторы, свобода, голубое яркое небо, солнечный город, спокойно, семья, друзья*). Общее количество негативно окрашенных реакций (*далеко от центра, высокие цены, низкая зарплата, неудобства*) составляет 8 от общего количества 58 периферийных реакций (13,8%).

Анализ результатов второй части эксперимента – запроса на продолжение фразы «*Дальний Восток – это...*» – показал сохранение следующих общих тем в качестве ключевых реакций респондентов: «Родина» (16), «Дом» (14), «Природа» (9). Добавились такие темы, как «Один из регионов России» (8) и «Оценка перспективности региона» (4).

- *Родина: моя Родина (6); родной край (5); место, где я родился/-ась (2); моя малая Родина (2); самое родное место (1);*
- *Дом (мой дом);*
- *Природа: природа (1); тайга (1); край озёр (1); связь с природой (1); удивительные закаты (1); красивая природа (1); красивый край (1); неповторимая природа (1); край необъятных просторов и уникальной природы (1);*
- *Один из регионов России: регион России (3); восточная часть России, располагающаяся близ Тихого океана (1); самый большой территориальный округ в России (1); самый восточный федеральный округ (1); территориальная единица Российской Федерации (1);*
- *Оценка перспективности региона: перспектива (1); перспективный регион (1); земля расширения (1); возможность стать тем, кем захочешь (1).*

Отдельные единичные периферийные реакции представлены указанием на отдалённость / отстранённость региона (*место, которое отстранено от остального мира; очень далеко*), (трудно-)доступность мест (*всё в доступности, но никуда не доберёшься*), а также индивидуальными оценочными, преимущественно положительными, характеристиками региона (*красиво; красивый вид; лучшее место на земле; край силы; край, где тебя всегда ждут; жемчужина России; прекрасный край для жизни общества; душа; место отдыха; территория, богатая природными и морскими ресурсами; угнетающий, но при этом развивающийся округ; место, которое стоит посетить; любовь*). Отдельные реакции представлены также следующими ответами: *близко; Дальний Восток; моё детство; мы; на востоке; часть Азиатско-Тихоокеанского региона*.

Суммируя результаты ответов студентов-дальневосточников на оба вопроса, можно констатировать, что в целом в их сознании Дальний Восток ассоциируется с природой и различными природными явлениями, с домом, Родиной, нередко с положительными эмоциями. Процент явно положительных реакций на второй вопрос – 22,5% (16 ответов из 71), в совокупности с ответами «мой дом» (14) и «моя Родина» (16) – 65% (46 ответов из 71). Процент явно отрицательных реакций на первый вопрос – около 10%, на второй вопрос – около 4% (3 ответа из 71).

ВНЕШНИЙ ОБРАЗ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Следующие темы-ассоциаты были выделены в результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул «Дальний Восток» по ответам студентов вузов Москвы, Санкт-Петербурга (с количеством реакций в каждой теме). Всего 165 реакций.

Ядро образа (75):

1. Природа 15: *природа* (10), *красивая природа* (2), *дикая природа* (2), *красота природы* (1)
2. Владивосток 9
3. Далеко 7: *далеко* (5), *дальний* (1), *очень далеко* (1)
4. Морепродукты 7
5. Холод 7: *холод* (6), *холодно* (1)
6. Камчатка 6
7. Море 6: *море* (5), *Охотское море* (1)
8. Океан 6
9. Рыба 6: *рыба* (5), *красная рыба* (1)

10. Тайга / лес 6

Представленные ключевые реакции свидетельствуют о том, что Дальний Восток ассоциируется у студентов западных регионов России с различными природными явлениями, а также с холодным климатом и дальностью региона от центра страны.

Периферия образа (90 реакций) складывается из следующих тематических блоков:

1. Географические названия: Амур (4), Сахалин (3), Якутия (2), Байкал (1), Забайкалье (1), Курильские острова (1), маяк Анива (1), посёлок Арсеньев (1), Хабаровск (1)

2. Морепродукты: икра (4), краб (3), гребешок (1)

3. Простор(ы) 4

4. Красиво / красота 3

5. Природа: амурский тигр (3), вулканы (2), горы (2), сопки (2), медведь (2), влажный климат (1), киты (1), острова (1), свежий воздух (1) / чистый воздух (1), тигр (1), разнообразие природы (1)

6. Автомобили: праворульные автомобили (2), Тойота (2), правый руль (1), Митсубиси (1), японские машины (1)

7. Китай 2

8. Япония 2

9. Разное (единичные реакции): вахтовая работа, военные, восток, высокая зарплата, Дальневосточная государственная научная библиотека, дом, другая часть света, ЕГЭ, железная дорога, земли, зима, история, комиксы, корабли, коренные народности, край света, мало населения, ничего, огромная территория, окраина, от-дых, порт, путешествия, пушнина, пянсе, расстояние, свобода, туризм, фронтир, экспедиции, янтарь.

Анализ периферийных реакций демонстрирует некоторую осведомлённость студентов западных регионов России об отдельных известных и малоизвестных географических местах Дальнего Востока, об особенностях природы, климата, социальной и экономической ситуации на ДВ. Небезынтересно отметить, что из значимых мест респонденты группы «Запад» выделили прежде всего город Владивосток (9), Камчатку (6) и реку Амур (4). Крупнейший город Дальнего Востока, Хабаровск, упомянут только один раз. Данный результат должен, по-видимому, привлечь внимание команд, занимающихся продвижением образа ДВ в российском контексте, и обозначить

направления их дальнейших усилий по знакомству жителей России с дальневосточным регионом.

В целом образ Дальнего Востока в группе «Запад» можно назвать, скорее, уравновешенным: процент явно негативно окрашенных реакций (например, *холод, край света*) примерно равен проценту явно позитивных реакций (например, *красивая природа, отдых, чистый воздух*) (в обоих случаях – около 5,5% ассоциаций).

Реакции, связанные с образом Дальнего Востока как *окраины, края света*, единичны и в процентном отношении составляют меньше 2% (3 реакции из 165).

Анализ результатов второй части эксперимента – запроса на продолжение фразы «*Дальний Восток – это...*» – выявил следующие общие темы в качестве ядерных реакций респондентов группы «Запад»: «Географическое положение, территориальная принадлежность» (19) и «Красивая, уникальная, богатая природа» (13).

1. Географическое положение, территориальная принадлежность: *Восточная часть России* (5); *регион (в) России* (4); *самая Восточная часть России* (3); *Восточный регион России* (1); *Северные земли России* (1); *часть России* (1); *часть РФ* (1); *географический регион России, рядом с Китаем* (1); *Северо-восточная часть России, граничащая с Японией, Китаем и Монголией* (1); *Россия* (1)

2. Красивая, уникальная, богатая природа: *красиво* (2); *великолепная природа* (1); *кладезь природного богатства и разнообразия* (1); *красивые пейзажи* (1); *красивый, историко-культурный регион* (1); *красоты* (1); *место с очень красивой природой* (1); *прекрасный край* (1); *самая красивая часть России* (1); *сокровищница России* (1); *часть России, прославленная удивительной и прекрасной природой* (1); *это невероятно красивая природа* (1)

Среди других реакций этой части эксперимента можно выделить следующие темы:

1. Дальность региона: *далеко* (1); *очень далеко* (1); *место, куда добираться неделю на поезде* (1); *уникальный дальний край России* (1)

2. Перспективность региона: *будущее* (1); *будущее нашей страны* (1); *новые возможности* (1)

3. Просторы: *бескрайний простор* (1); *бескрайние горизонты* (1); *раздолье* (1)

4. Окраинность региона: *другая часть света* (1); *окраина России* (1)

5. Родина: *Родина* (1); *родной край* (1)
6. *Свобода* (2)
7. Отдельные реакции: *Арсеньев; вкусные морепродукты; Владивосток; дорого-богато; душа России; интересно; источник дерева и малочисленные народы; круто; любовь; море; моя мечта; океан; пылающее сердце России в тяжести зимних сугробов; русская земля во веки веков; самая холодная часть России.*

Стоит отметить, что нейтральная безэмоциональная реакция на слово-стимул «Дальний Восток» (отношение к ДВ просто как к территории / части России) составляет 24% от общего числа ответов респондентов группы «Запад». При этом эмоциональные, положительно окрашенные реакции составляют 35,4% (28 ответов из 79). Ассоциации, связанные с Дальним Востоком как с чем-то очень далёким и окраинным, немногочисленны (так же, как и в первой части опроса группы «Запад») и составляют 7,5% от общего числа ответов.

СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ГРУППАМ «ВОСТОК» И «ЗАПАД»

Для наглядного сравнения результатов ассоциативного эксперимента по группам «Восток» и «Запад» данные исследования⁷ представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Сравнение результатов АЭ по группам «Восток» и «Запад» (кол-во ответов и % от общего кол-ва ответов) / Comparison of the results of the associative experiment for the groups "East" and "West" (number of responses and % of the total number of responses)

Обобщённая тема	Группа «Восток»		Группа «Запад»	
Природа	88	47%	66	34%
Родина / Дом	44	23%	2	1%
Города / Географические места	10	5%	32	17%
Природные ресурсы	8	4%	24	12%

⁷ В таблицу вошли ответы, которые можно было объединить по группам с общей темой и которые встречались больше одного раза в одной из групп респондентов.

Окончание Таблицы 1 / Table 1.

Обобщённая тема	Группа «Восток»		Группа «Запад»	
Территория России	7	4%	19	10%
Далеко	6	3%	11	6%
Холодно	10	5%	8	4%
Экономика	7	4%	12	6%
Просторы	3	2%	7	4%
Перспективность региона	4	2%	3	1,5%
Свобода	1	1%	3	1,5%
Край света / Окраина	-	-	5	3%
Итого	188	100%	192	100%

Думается, что не будет ошибкой заметить, что долгое время Дальний Восток воспринимался как далёкая окраина России, «край света»⁸ с суровым климатом и не всегда понятными перспективами. Однако по результатам проведённого исследования можно отметить, что представление о Дальнем Востоке как о крае света отсутствует в актуальном и оперативном сознании студенческой молодёжи дальневосточной части России и не является ключевым в сознании молодёжи западной части современной России (3%). Представление о Дальнем Востоке как о далёком и холодном крае составляет 8% в группе «Восток» и 10% в группе «Запад». Однако стоит подчеркнуть, что и позитивное восприятие перспективности региона также не является ключевым: 7 ассоциаций, связанных с перспективностью региона (для обеих групп), против 5 ассоциаций с общей темой «Край света».

Участники исследования из дальневосточного региона России ассоциируют Дальний Восток прежде всего с общими темами «Природа», «Родина» и «Дом». Это свидетельствует о том, что для них Дальний Восток – это родное место и неотъ-

⁸ Помимо цитаты, приведённой во введении статьи, уместной иллюстрацией здесь будет самый первый ответ на вопрос «Чем богат и разнообразен край Дальнего Востока?.. Чем интересен и примечателен?», заданный 11 лет назад на платформе Ответы.mail.ru: «Дальний Восток представляется для европейцев настоящим “краем света”. Действительно, от Москвы до Владивостока больше 9 тыс. км» (см.: Mail.ru: [Электронный ресурс]. URL: <https://otvet.mail.ru/question/85466308> (дата обращения: 19.05.2024)).

емлемая часть России, обладающая уникальной и красивой природой. В свою очередь, среди ответов студентов из западных регионов России, помимо «Природы», особо выделяется тема «Природные ресурсы». При этом в их ответах часто (чаще, чем в группе «Восток») встречаются географические и территориальные ассоциации, что может свидетельствовать о более рациональном и прагматичном восприятии дальневосточного региона. Важным является преобладание нейтральных и положительных коннотаций в ответах респондентов обеих групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют заключить, что представление о ДВ как о крае света не является ключевым в сознании студенческой молодёжи как восточной, так и западной частей России. Ядро ассоциаций респондентов группы «Восток» состоит из ассоциаций общих тем «Природа» и «Родина», «Дом». Ключевые ассоциации респондентов группы «Запад» – ассоциации общих тем «Природа», «Природные ресурсы», а также географические и территориальные ассоциации. Общее количество ассоциаций с нейтральными и положительными коннотациями заметно больше, чем с негативными.

Данное исследование вносит вклад в изучение образа Дальнего Востока в сознании российского молодого поколения из разных регионов нашей страны, что представляется важным в нынешнем общественно-политическом контексте. Практическая значимость работы определяется возможностью применения материалов исследования в учебных курсах по социолингвистике и психолингвистике. Полученные результаты могут быть использованы специалистами, разрабатывающими тактики и стратегии развития имиджа Дальневосточного региона как в России, так и за её пределами.

Подчеркнём, что проведённое исследование, результаты которого представлены в данной публикации, рассматривается нами как первый этап более развёрнутого, масштабного исследования. В перспективе планируется: а) провести опрос о Дальнем Востоке среди представителей среднего поколения и сравнить результаты с описанными выше результатами опроса студентов; б) провести опрос о Дальнем Востоке с использованием методики «глубокого» интервью; в) воспользовавшись базой данных Национального корпуса русского языка, прове-

сти исследование контекстов употребления словосочетания «Дальний Восток» в подкорпусах художественных текстов и социальных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской государственный университет, 2011. 240 с.
2. Бляхер Л. Е., Обирин А. И. Дальний Восток: инструкция по использованию, или зачем России Дальний Восток // Регионалистика. 2019. №3. С. 13–30.
3. Бурлаков В. А. Определение места российского Дальнего Востока в геополитической структуре современной России: постановка проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. №1. С. 98–106.
4. Герасимчук Д. М., Мельник Н. В. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона // Филология и человек. 2019. №2. С. 111–123.
5. Голубь А. Б. Дальний Восток или Тихоокеанская Россия: проблема наименования территории (взгляд изнутри) // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2014. №3. С. 30–36.
6. Горошко Е. И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. №3. С. 53–61.
7. К вопросу о наименовании региона «Дальний Восток России» / В. Г. Шведов, П. Н. Толстогузов, Е. В. Стельмах, А. Б. Голуб, С. А. Соловченков // Современные проблемы науки и образования: [сайт]. 2015. №2-1. URL: <https://science-education.ru> (дата обращения: 17.05.2024).
8. Каменева В. А., Морозова И. С., Коломиец С. В., и др. Сопоставительный анализ образов области, таргетируемых топонимическими синонимами-стимулами, в языковом сознании студентов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. №4. URL: www.vestnik-mgou.ru (дата обращения: 17.05.2024).
9. Красноперова Ю. В., Клименко А. О. Языковая реализация имиджа Дальнего Востока России в англоязычных СМИ // Амурский научный вестник. 2020. №4. С. 49–58.
10. Николаева П. А., Красноперова Ю. В. Лингвистическая реализация медиаобраза Дальнего Востока России в текстах СМИ Японии // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: ма-

териалы XII Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 22 апреля 2021 г. / под ред. Р. Ю. Петровой. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2021. С. 213–218.

11. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) / под ред. И. А. Стернина, Н. В. Уфимцевой, Е. Ю. Мягковой. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. 626 с.
12. Соловьев Д. Б., Захарьина П. И. Перспективы инновационного развития Дальнего Востока: территории опережающего развития // Инновации. 2017. №2. С. 74–80.
13. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж: Истоки, 2011. 192 с.
14. Lee R., Lukin A. Russia's Far East: New dynamics in Asia Pacific and beyond. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2015. 276 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Irina B. Ushakova

- e-mail: irina.ushakova.16@mail.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Higher School of Linguodidactics,
Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication,
Pacific National University
ul. Tihookeanskaya 136, Khabarovsk 680035, Russian Federation

For citation

Ushakova I. B. The image of the Far East in the perception of Russian students: results of an associative experiment. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 3.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct a comparative analysis of the image of the Far East in the everyday language consciousness of students in different regions of Russia (within the Far East region and in the western part of the country).

Methodology. The methodology of an associative experiment was used in the study. 150 students from the universities of Moscow, St. Petersburg, Vladivostok and Khabarovsk participated in the experiment. During the associative experiment 478 reactions to the stimulus word "Far East" were obtained and analyzed.

Results. In the course of the study it was discovered that the core of associations of respondents in the "East" group consists of associations of general themes "Nature", "Motherland" and "Home". Key associations of respondents in the "West" group are associations of general topics "Nature", "Natural Resources", as well as geographical and territorial associations. The total number of associations with neutral and positive connotations is noticeably greater than with the negative ones. The idea of the Far East as "the edge of the world" is not a key one in the minds of young people in both the eastern and western parts of Russia, nor, however, is the idea of the Far East as a promising region.

Research implications. The study can be used as illustrative material in courses on sociolinguistics and psycholinguistics. The results of the study can also be applied in the work of groups involved in developing strategies

and tactics for creating and promoting the image of the Far Eastern region, both in the Russian and international contexts.

Keywords

Far East, associative experiment, image of the region

References

1. Zalevskaya A. A. *Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta* [The meaning of the word through the prism of experiment]. Tver, Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2011. 240 p.
2. Blyakher L. E., Obirin A. I. [Far East: Instructions for Use, or Why Does Russia Need the Far East]. In: *Regionalistika* [Regionalistics], 2019, no. 3, pp. 13–30.
3. Burlakov V. A. [Definition of the Place of the Russian Far East in Geopolitical Structure of Modern Russia: Statement of the Problem]. In: *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional studies], 2011, no. 1, pp. 98–106.
4. Gerasimchuk D. M., Melnik N. V. [The image of the Kemerovo region in the everyday linguistic consciousness of the country's residents as a result of the political positioning of the region]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, no. 2, pp. 111–123.
5. Golub A. B. [The Far East or Pacific Russia: the problem of naming the territory (an inside look)]. In: *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema* [Bulletin of the Sholem Aleichem Primorsky State University], 2014, no. 3, pp. 30–36.
6. Goroshko E. I. [Problems of conducting a free association experiment]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2005, no. 3, pp. 53–61.
7. Shvedov V. G., Tolstogusov P. N., Stelmakh E. V., Golub A. B., Solovchenkov S. A. [To the question about the name of the region "Far Eastern Russia"]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2-1. Available at: <https://science-education.ru> (accessed: 17.05.2024).
8. Kameneva V. A., Morozova I. S., Kolomiets S. V. [Comparative analysis of images of the region, in the language consciousness of students, targeted by toponymic synonyms as stimuli]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 17.05.2024).
9. Krasnoperova Yu. V., Klimenko A. O. [Translation peculiarities of socio-political texts language implementation of the Russian Far East

image in English massmedia]. In: *Amurskii nauchnyi vestnik* [Amur Scientific Bulletin], 2020, no. 4, pp. 49–58.

10. Nikolaeva P. A., Krasnoperova Yu. V. [Linguistic Realization of the Media Image of the Russian Far East in Japanese Media Texts]. In: Petrova R. Yu., ed. *Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira: materialy XII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Komsomol'sk-na-Amure, 22 aprelya 2021 g.* [Dialogue of Cultures – Dialogue about Peace and for Peace: Proceedings of the XII International Student Scientific and Practical Conference, Komsomolsk-on-Amur, April 22nd, 2021]. Komsomolsk-on-Amur, Amurskii humanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021, pp. 213–218.
11. Sternin I. A., Ufimtseva N. V., Myagkova E. Yu., eds. *Rossiiskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966–2021)* [Russian psycholinguistics: results and prospects (1966–2021)]. Moscow, Institut yazikoznaniya – MMA Publ., 2021. 626 p.
12. Solovev D. B., Zakharina P. I. [Prospects of Innovative Development of the Far East: Territories of the Advanced Development]. In: *Innovatsii* [Innovations], 2017, no. 2, pp. 74–80.
13. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisaniye* [Psycholinguistic meaning of the word and its description]. Voronezh, Istoki Publ., 2011. 102 p.
14. Lee R., Lukin A. *Russia's Far East: New dynamics in Asia Pacific and beyond*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2015. 276 p.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Туркова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, стр. 2, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».